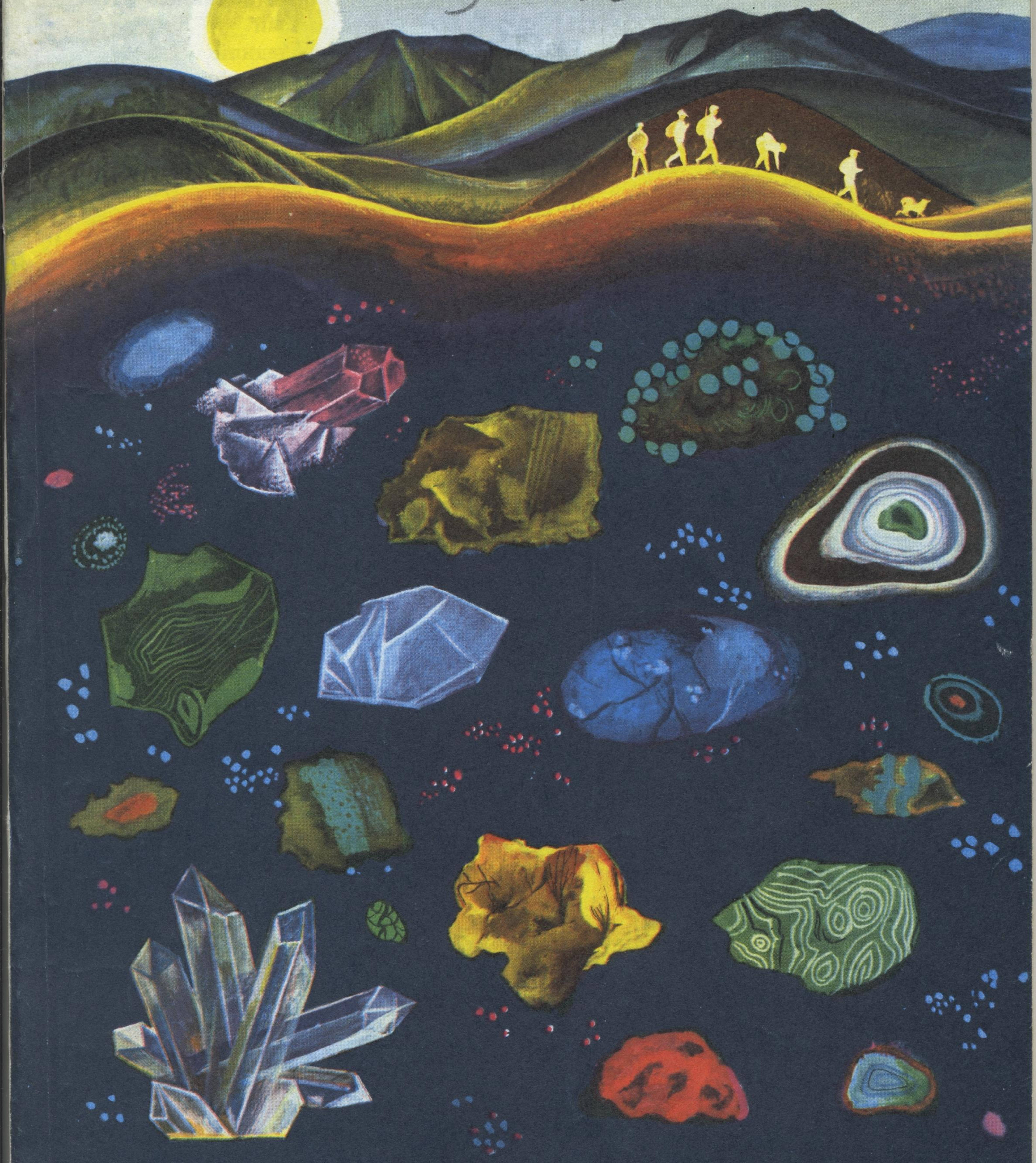
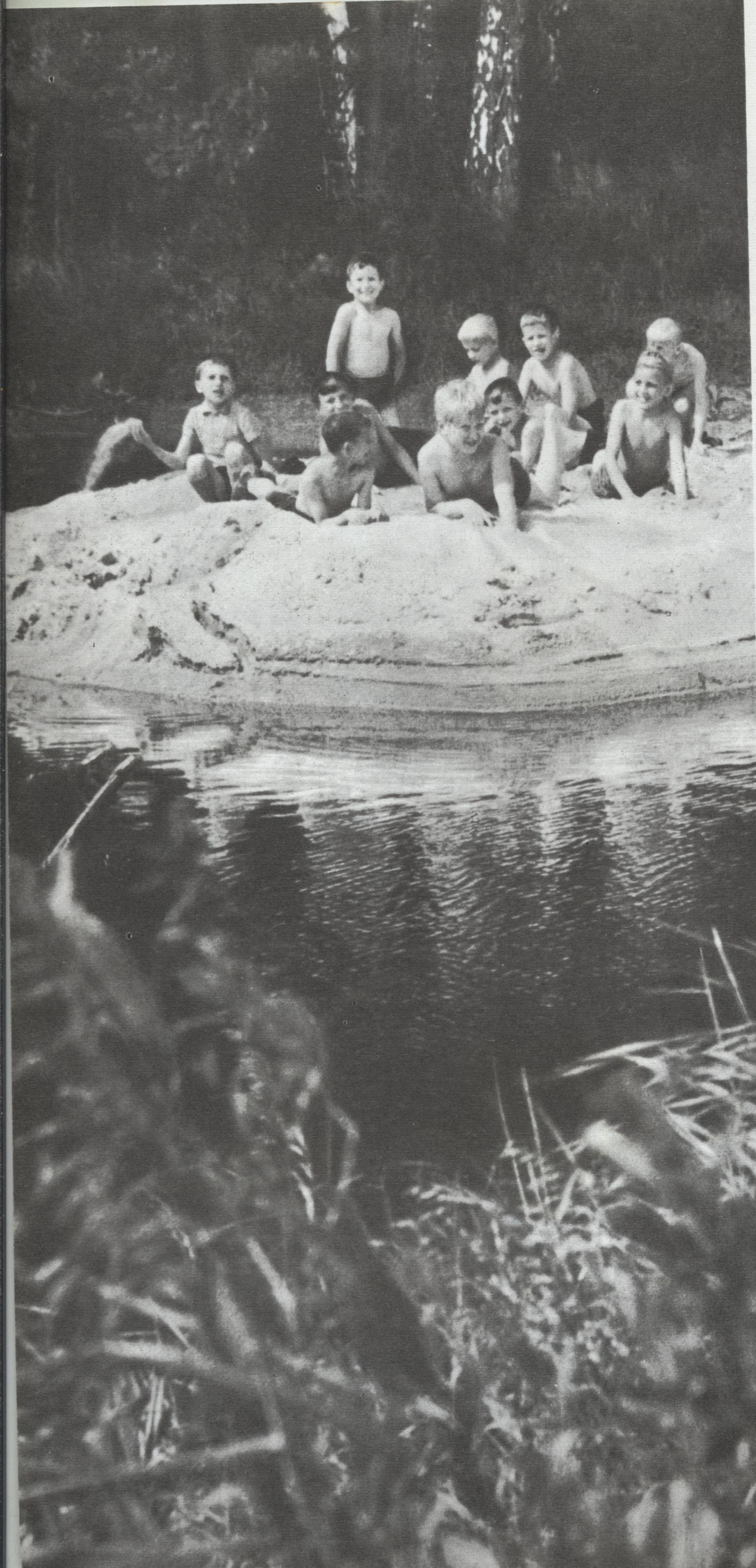


50-50



ПИОНЕР 6

ИЮНЬ ● 1971 г. ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Вот и кончился
самый
последний
школьный урок.

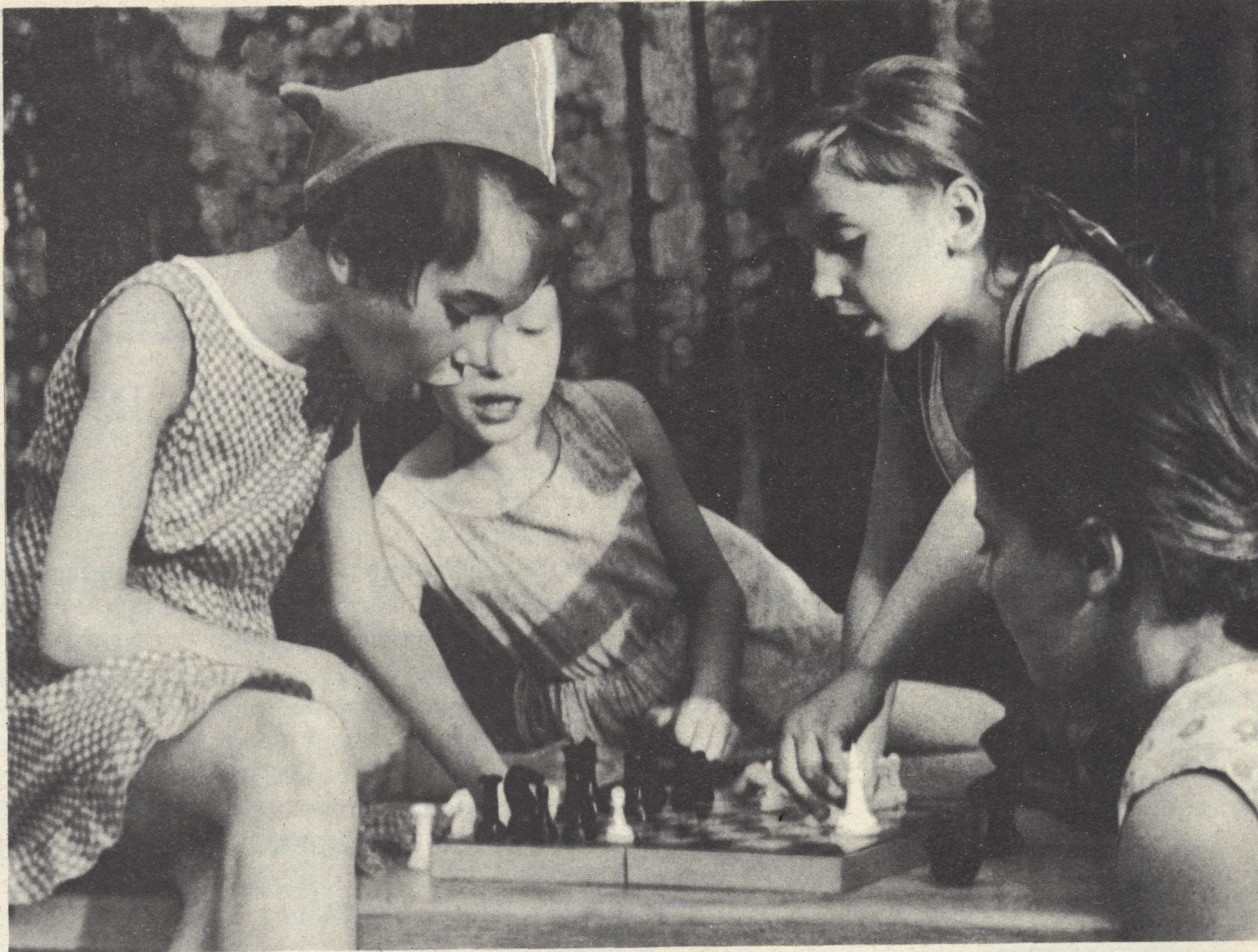
Ура
долгожданным
КАНИКУЛАМ!
И все-таки
немного грустно.
Жаль расставаться
с друзьями.

К концу года
все особенно
сдружились.
И пионерские дела
в самом разгаре...
Но не будем
предаваться
печали.

**УЧЕБНЫЙ ГОД
КОНЧИЛСЯ,
А ПИОНЕРСКИЙ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**
И Марш

«Всегда готов»
продолжается!
**А У ТЕБЯ ЕСТЬ
НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО?**





Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

ИЮНЬ

6

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.



— ЕСТЬ НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО! — отвечают уральские ребята, участники геологических походов.

— Действуйте, ребята! — говорит пионером, читателям «ПИОНЕРА», Иван Григорьевич МАНДЫЧ, рабочий, делегат XXIV съезда партии. — Вам есть над чем поработать! За одной высотой всегда открывается другая...

Пришло лето в Эвенкию. Генка Хукочар теперь ловко седлает оленя, настоящая винтовка у Генки за спиной, а рядом верный пес Соболь. Настоящий работник Генка, и взрослые это скоро увидят.

Земля кормит человека. А человек — землю. Чем? Как? Зачем? Об этом рассказывает журналист Э. Брандес, побывавший недавно в городе, что стоит на... соли.

Хирург начинает операцию. Сегодня, борясь за жизнь и здоровье человека, он вдвое, втрое сильнее, чем каких-то десять лет назад, а завтра будет еще могущественнее...

Что означает слово СИМЕА? Что такое «музыкальная археология»?

Кто победитель олимпиады Трех Неизвестных?

ОТКРЫВАЙ ПОСКОРЕЕ НОМЕР.

Фото В. ПОСТНИКОВА.
Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.



ПОЧЕМ ФУНТ

ЧТО РАССКАЗАЛ

М.М. КРИКОРОВ,

УПРАВЛЯЮЩИЙ ЧЕЛЯБИНСКИМ
ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНЫМ ТРЕСТОМ.

Расширить работы по геологическому изучению земных недр и разведке минерально-сырьевых ресурсов.

Из Директив XXIV съезда КПСС.

Красивый камень каждый нормальный мальчишка, каждая девочка всегда подберет. А уральские ребята — они этот камень и на пробу снесут и заметят точно, где лежал. У нас мудрено не увлечься геологией: обстановка очень располагающая. Смотреть под ноги все привыкают с детства.

Зато у нас не то, что в геологическую экспедицию, в простой поход пойти и то не легко. Климат не балует, погода у нас всегда плохая. Поход в наших местах не прогулка, а работа, да еще не из легких. Куда глаза глядят, просто так (авось что-нибудь да найдем!) никто не ходит. Идут по точным маршрутам — туда, куда надо, ищут то, что надо, и там, где надо.

А теперь посчитайте.

За год выходят в поле вместе с геологическими партиями десять, а то и одиннадцать тысяч ребят. Представьте себе, что каждый принесет в рюкзаке один-единственный образец. Десять тысяч образцов с точным обратным адресом сами придут к нам, геологам, в руки! Не мы за ними пойдем, а их к нам принесут домой: возьмите, мол, изучайте.

В экспедиции берут ребят грамотных, тех, кто заранее готовился, знает основы геологии. Образец выбрать они умеют. По опыту скажу: из десяти принесенных интересными окажутся два. Каждый год — две с лишним тысячи указаний, где какие полезные ископаемые искать! Вот какая получается экономия времени.

Когда нам понадобилось составить карту минерализации наших озер, попросили ребят помочь. Показали им, как брать пробу воды, и они нам из каждого водоема по бутылке доставили. В лабораториях сделали анализ воды, а на основе полученных результатов мы составили карту. С работой справились быстрее даже, чем рассчитывали. А без ребят еще бы года два провозились: рук бы не хватило.

И еще от ребячьих геологических походов вот нам какой прок, сегодня пока невидимый. В этих походах вырастают для геологических отрядов рабочие — грамотные, дисциплинированные, ответственные. Нам с таким народом приятно дело иметь, да и они не жалуются.

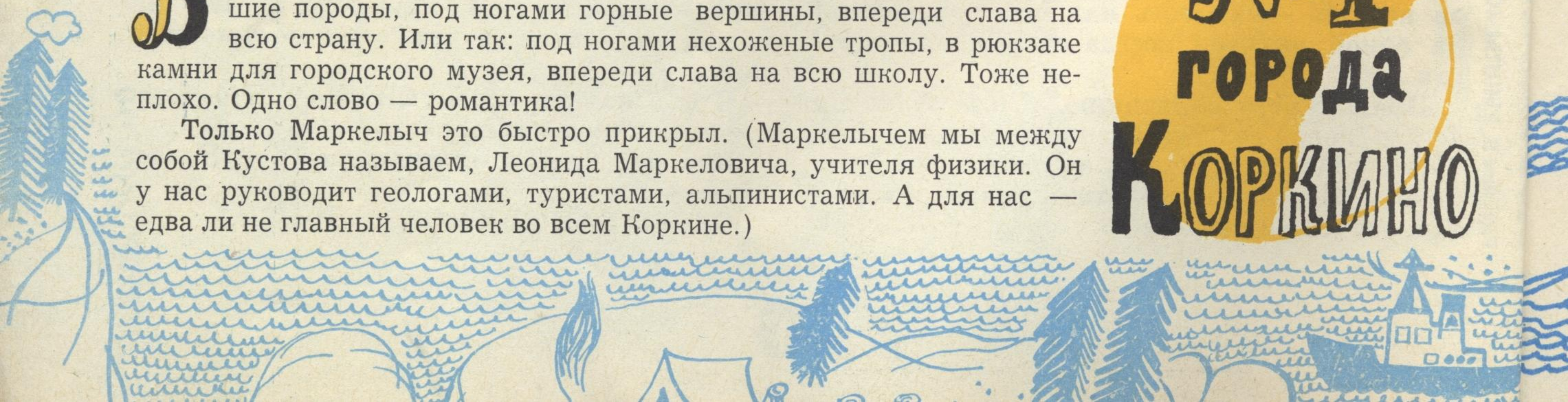


Что рассказывают ребята школы

В геологию ребята у нас не пошли — кинулись. Только и разговоров было: походы — костры — находки. В рюкзаке ценнейшие породы, под ногами горные вершины, впереди слава на всю страну. Или так: под ногами нехоженые тропы, в рюкзаке камни для городского музея, впереди слава на всю школу. Тоже неплохо. Одно слово — романтика!

Только Маркелыч это быстро прикрыл. (Маркелычем мы между собой Кустова называем, Леонида Маркеловича, учителя физики. Он у нас руководит геологами, туристами, альпинистами. А для нас — едва ли не главный человек во всем Коркине.)

№1
ГОРОДА
КОРКИНО



РОМАНТИКИ?

С. БОГАТЫРЕВА

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Так вот Маркелыч сказал:

человека, который не умеет развести костер,
человека, который не может спуститься по веревке в шурф,
человека, который не умеет ходить по горам,
человека, который не знает науки о камнях и географии Урала, —
не подпускать к геологии на пушечный выстрел.

А пушечный выстрел — это, знаешь, сколько? Пятнадцать тысяч метров! Когда тебе до смерти охота в экспедицию, а тебя к ней не подпускают на пятнадцать тысяч метров, ты, если не дурак, научишься спускаться в шурфы, лазить по скалам и разводить костер на холодном уральском ветру. Ты будешь зубрить географию, минералогию, палеонтологию и все, что тебе понадобится.

Готовились к походам зимой. («Летом работать надо, учиться летом некогда», — говорит Леонид Маркелович.) Больше всего налегали на спорт. По субботам, по воскресеньям ходили в походы — сначала часа на три, потом подольше, а под конец — в двухдневные, с ночевкой в снегу. В пещеры научились спускаться. («Пещеры учат владеть собой», — говорит Кустов.) Лыжами занялись, пешеходным спортом — разряд по туризму для геолога считается у нас обязательным.

Мы теперь и сами не знаем, кто мы такие: геологи, или спелеологи, или краеведы, или альпинисты! Всем приходится заниматься. А летняя эта экспедиция геологическая — нам как награда. За год честной работы.

ЧТО МОЖНО НАЙТИ В ПОХОДЕ,-

РАССКАЗЫВАЕТ КАПИТОЛИНА ДМИТРИЕВНА
АЛЕКСАНДРОВА, УРАЛЬСКИЙ ГЕОЛОГ

Э то как повезет. Можно найти золото — коркинские ребята нашли. Случай редкий, но бывало. Можно найти аметисты, как Валя Кириллова. Можно найти месторождение известняков, как ребята из Синеглазовской школы. Можно вообще ничего не найти, и будет это очень важно, потому что геологи узнают, где не надо искать.

А можно найти самого себя. Обнаружить, что ты толковый рабочий, или наблюдательный изыскатель, или ловкий альпинист, или хороший педагог, или просто смелый человек, который верит, что каждая дорога проходима и достижима любая вершина.





Я сижу на краешке стула. Стул старинный, черный, с высокой, прямой спинкой, украшенной по верху строгой резьбой. Сиденье кожаное, стертое добела, прижатое по краям почерневшими медными бляшками. Такая же кожаная подушечка на спинке стула. Стоит мне отклониться назад — я чувствую эту подушечку лопатками. Но я стараюсь сидеть неподвижно. Дело в том, что стул очень старый и при малейшем движении громко и протяжно скрипит. И я сижу в мучительно неудобной позе, вперекрутку, одна нога на весу, другая обвилась вокруг ножки стула, руки вцепились в края сиденья. Я так сижу уже давно и стараюсь дышать как можно тише, потому что и на дыхание мое стул тоже отзывается.

Наискосок от меня, через стол, сидит Кроня. Стол накрыт белой вафельной скатертью. Скатерть старенькая. В иных местах сквозь редкие ниточки просвечивает столешница. По такой скатерти приятно провести рукой — почувствовать все ее мелкие выпуклые шашечки.

Посреди стола желтое пятно от низко висящего шелкового абажура. Абажур оранжевый, с густой бахромой. Вокруг него кругами расходятся тени. Чем дальше от стола — тем они глубже. Кронины руки видны хорошо, лицо окутано мягкой смуглотой, а ходики на дальней стене угадываются по звуку и торопливому ходу маятника.

Я не шевелюсь — боюсь привлечь к себе Кронино внимание. Стесняюсь я Крони. Как никого.

А Кроня не замечает меня. Я для него один из тех мальчишек, что время от времени появляются здесь со своими мамами, которых обшивает с головы до ног Кронина мама, Мария Михайловна. И пока Мария Михайловна снимает мерку, приметывает, примеряет что-нибудь, а то и просто болтает с клиентками, мальчишки эти сидят в проходной комнате на высоком старинном стуле и ждут. Из соседней комнаты до них доносятся приглушенные женские голоса, смех. Световая линия резко очерчивает контур двери, а рядом, за столом сидит худой подросток. Молчаливый, сумрачный Кроня. Стол завален учебниками, тетрадами. Кронины глаза сосредоточены. Тонкие губы большого, сильного рта

ВСПОМНИ,

вздрагивают — думают. Шевелятся брови — тоже думают. Изредка рассеянный Кронин взгляд подымается от тетради и несколько секунд блуждает по комнате, как бы отдыхая. При этом он невольно натывается на притихшую за столом фигурку. Фигурка скорчилась на стуле и, по правде говоря, должна бы вызывать улыбку: очень уж напоминает она какой-то исторический казус — на огромном троне примостился малорослый король... Однако Кроня не смеется. Взгляд его скользит мимо, не задерживаясь, как если бы это был пустой стул, без какого ни на есть человечка на нем.

Что ж, Кроня приучил свой глаз не воспринимать посторонних в комнате в те часы, когда он готовил уроки, потому что другого выхода у него не было.

...Украдкой я разглядываю Кроню. Впервые на моих глазах он занят не уроками. В



А. КРЕСТИНСКИЙ

ЭТО Я...

застиранном сером свитерке домашней вязки с едва заметным чернильным пятном на рукаве Кроня низко склонился над столом. Перед ним — горка золотистой соломы. Кроня плетет игрушечную корзинку. Длинные его пальцы с узкими ногтями двигаются быстро и ловко. Кронино лицо в дымчатой тени абажура кажется шире, чем на самом деле. Вообще-то лицо у него узкое и длинное, нос тонкий с характерной горбинкой и высоким вырезом ноздрей. Мягкие сивые волосы падают на лоб небрежной прядью.

Затаив дыхание, я слежу за Крониной работой. На моих глазах рождается чудо — изящная кукольная корзинка для грибов. Подарок кому-нибудь? Или просто так, забава, для себя...

Готово. Кроня щелчком отодвигает корзинку в сторону. Прищурясь, разглядывает. Хрустит пальцами...

Я знаю нескольких мальчиков такого возраста, как Кроня. Но только он один вызывает у меня чувство таинственного и неугасимого интереса, желание как можно чаще видеть его и непрестанно размышлять о нем.

Быть может, все началось с имени? Кроня, Кронид...

Быть может. Имя редкое, странное.

Одно время я так упорно думал о Кроне, что, идя по улице, угадывал его в спешащих навстречу прохожих, и ждал, замирая: вот-вот он и в самом деле появится из-за угла, и что же мне тогда: здороваться первым или нет? И если он со мной заговорит, что отвечать ему? Как? Улыбаться или сохранять серьезность?..

Я мечтал, чтоб он со мной заговорил. Тогда бы само собой обнаружилось, что я умею читать и знаю многие книги, которые читают большие мальчики... Но Кроня не заговаривал со мной.

Иногда мы приходили к Марии Михайловне днем, когда Кроня был в школе. Я переживал тогда противоречивые чувства: с одной стороны, я жалел, что не вижу Крони, с другой — радовался своей свободе, нескованности, которые сразу покидали меня в его присутствии. Мое воображаемое общение с Кроней здесь, в его комнате, рядом с его мамой и его вещами, было гораздо сильнее и важнее реального.

Я любил эти дневные посещения их дома и особенно в зимние солнечные дни. Мария Михайловна встречала нас белозубой своей улыбкой и гортанным, вибрирующим голосом повторяла: «Ну, давайте-ка, давайте-ка развернем этот куль». Кулем был я.

Ловкий веник гулял по моим валенкам, стряхивая снег. Я вбегал в Кронино комнату смело, не опасаясь, что застаю его там. Колочее зимнее солнце било в обледеневшие, тусклые стекла. В круглой печке, крытой серебристой краской, трещали дрова. Полосатый, красно-черный половик тянулся от двери до окна, и я садился на этот половик поближе к печке, и тонкие руки Марии Михайловны протягивали мне тяжелую кипу журналов «Вокруг света». Это были Кронины журналы. Я листал их, разглядывал картинки и многие рассказы успел прочесть, а Кроня и не подозревал об этом!

Я играл его оловянными солдатиками, ко-

торые, по-моему, вообще были заброшены и валялись без дела, а я всякий раз оставлял их выстроенными в боевой порядок и шепотом приказывал командиру отдать Кроне честь, как только тот придет из школы.

Если бы Кроня однажды заговорил со мной! Ему не показалось бы скучно.

Днем дверь в соседнюю комнату была открыта, и, отрываясь от игры, я видел столик со швейной машиной, коричневый манекен с высокой грудью, яркие тряпки... Я не прислушивался к разговорам мамы и Марии Михайловны. Они, эти разговоры, существовали в окружавшем меня пространстве, как легкое, неясное бормотание, похожее на мирное жужжание пчел в густой июльской траве. Мама и Мария Михайловна были приятельницы, и потому мы проводили в этом доме гораздо больше времени, чем того требовали швейные дела.

Слыша голос Марии Михайловны, я инстинктивно подымал глаза и долго не мог оторвать взгляда от ее удивительной головы. Это была очень молодая голова. И в то же время это была совершенно седая голова. Пышные и тонкие волосы пронзительной белизны—и черные брови. И черные же глаза. И румяные щеки. И тонкий нос с таким же глубоким, как у Крони, вырезом ноздрей. И маленькие розовые уши, в которых позванивали длинные серьги. А если к этому прибавить еще и колдовской, вибрирующий голос, станет понятным щемящее чувство удивления и восторга, которое я испытывал, видя Марию Михайловну. Царевна из сказки, и только.

У них в доме всегда было тихо. И всегда слышался торопливый бег ходиков. А какие бури гремели над уютным мирком, внутри этих теплых стен, я не знаю. Они, конечно, были, эти бури. Без них не обходится ни один дом.

Однажды, когда мы собрались уже было уходить от Марии Михайловны, мама отослала меня вперед, во двор, а сама задержалась.

Выйдя на крыльцо, я очутился среди чистой и тихой зимы. Бесшумно падали крупные хлопья снега, невидимое солнце освещало верхушки трех высоких деревьев, что росли около дома. Верхушки были розовые, ниже деревья казались лиловыми. Двор отделялся от улицы невысоким заборчиком. Заборчик венчали хрупкие столбики снега. На моих глазах они беззвучно рушились и снова начинали расти.

Вдруг откуда-то сбоку послышались голос и смех. На крыше сарая я увидел Кроню. Он был в легкой курточке с кудрявым меховым воротником, в лыжной вязаной шапке.

— Гляди,—сказал он кому-то,—это совсем не страшно...

Спружинив на высоких ногах и широко взмахнув руками, Кроня прыгнул вниз, в сугроб. Облако снежной пыли на секунду скрыло его.

Я услышал счастливый смех и увидел рядом с сугробом, из которого выбирался Кроня, мальчишку—такого же, как я, роста да и возраста, пожалуй, такого же. Это он смеялся. Странно звучал смех посреди падающего снега—глухо и чисто.

— Видишь, и совсем не страшно,—сказал Кроня.—Сугроб мягкий, не бойся...

Мальчишка топтался на месте, с трудом взглядывая из-под глубокой шапки то на крышу сарая, то на сугроб, куда надо было прыгать.

— Ну, хочешь, я еще раз прыгну?—спросил Кроня.

Мальчишка кивнул. Я тоже.

Кроня ловко взобрался на крышу, цепляясь за дровины, сваленные около сарая. Там он остановился, поправил шапочку, ухнул отчаянно и прыгнул. И снова облако серебристой пыли и снова смех, приглушенный снежной пеленой...

— Да не бойся! Давай руку. Вот так. Теперь сюда. Ставь ногу! Гоп-ля! Молодец!..

Мальчишка стоял рядом с Кроней на краю крыши. Кроня держал его за руку. Я сжался весь, словно это я, а не он стоял рядом с Кроней. Мне страшно было смотреть вниз. Голова моя кружилась. Я цеплялся за Кронину руку, а он высвобождал ее мягко, но решительно...

— Прыгай!

Мальчишка в большой ушанке растопыркой ринулся вниз.





Мальчишка стоял рядом с Кроней на краю крыши.

— Ур-ра! — закричал Кроня и прыгнул следом.

Сугроб шевелился, пыхтел, смеялся, кричал...

— Ну, что я говорил!..

— А я как прыгну! Как задохнусь! — захлебывался мальчишка. — А снегом как завалит!

— Не страшно?

— Ни капельки!

Врет. Страшно. Но он прыгнул. Все-таки он прыгнул, хоть и цеплялся за Кроню.

— Ой, врешь! Я ж видел, как ты испугался!

— А вот и нисколечко!

— Чего ж ты меня за руку хватал!..

— А вот и не хватал и не хватал!..

Меня они не замечали. А я стоял рядом и все примерял на себя — и крышу, и сугроб, и Кронин насмешливый голос примерял.

Через несколько дней мы снова пошли на Большую Пушкарскую — так называлась улица, где жил Кроня. Когда проходили через двор, я поглядел на сарай: свежий снег завалил крышу — никаких следов. Зато в памяти эти следы хранились четко. В памяти их ни-

чем не завалишь. И стоило этим следам пробудиться, как я снова пережил чувство обидного одиночества, которое испытывал тогда, около крыльца, и снова меня терзали сомнения в собственной храбрости...

В Крониной комнате мною овладело какое-то злое равнодушие. Я не хотел смотреть картинок, не хотел играть. Я хотел, пожалуй, одного: разрушать.

Я устроил разгром Крониной армии. Я разбросал его оловянных солдатиков, словно они убиты. А посреди поверженной армии поставил знаменосца с белым флажком, вырезанным из бумаги. Он сдавался, знаменосец. Капитулировал. Молил о пощаде.

Я все это сделал с холодной решительностью, но легче мне не стало.

В следующий свой приход я обнаружил армию воскресшей. Солдатики стояли сомкнутыми рядами, в колонну по четыре, впереди командир и знаменосец, на древке — красный лоскуток. За колонной двигались две пушки и тачанка с пулеметом. Это была новость — артиллерии у Крони я никогда не видел. Вряд ли Мария Михайловна могла заниматься солдатиками. Ей не до того. В лучшем случае смела бы их в коробку, да и дело с концом. Это все Кроня. Он навел здесь порядок.

Из старых, облезлых кубиков я построил линию Маннергейма. Потом пробил артиллерией проход и двинул туда войска. Завязался рукопашный бой на территории противника.

Мама через день работала в вечернюю смену. В такие дни по утрам я твердил: идем на Пушкарскую, идем... Мама удивлялась, но легко уступала — она сама любила ходить к Марии Михайловне, тем более что та шила ей к лету какие-то блузки, юбки... «Маша, ты слышишь, — смеялась мама, — он мне буквально покою не дает — хочу на Пушкарскую, и все!..» Мария Михайловна гладила меня по голове и тихо смеялась.

Как-то, войдя в Кронину комнату, я даже вскрикнул от удивления: сквозь линию вражеских укреплений мчалась кавалерия — двадцать конников с саблями наголо!.. Кавалерии у Крони раньше не было, это точно. Значит, он достал где-то или купил, чтобы... Нет, это невероятно! Когда я представил себе, как перед уходом в школу Кроня расставляет на полу оловянную конницу и от удовольствия вытягивает губы трубочкой, когда я представил себе, что он при этом думает, у меня даже в горле защекотало. Моя тайна внезапно выросла и укрепилась, теперь она была и Крониной тайной. Значит, он откликнулся, значит, он принял мою игру! Значит, мы играем вместе, но храним это в тайне!.. Я ликовал.

А когда Кроня придумал пластилиновых врагов, я понял, что люблю его нежно и верно.

Всю зиму я наслаждался своей тайной. Всю

зиму ходил на Пушкарскую и играл в солдатки. С Кроней, но без Крони. Я так радовался, заметив на полу перед окном что-нибудь новенькое по сравнению с тем, что было в прошлый раз... Значит, игра продолжалась!

Меня волновала эта тайная игра, и я боялся, что она вдруг кончится.

Я избегал встречаться с Кроней. Когда мама шла на Пушкарскую вечером, я всякими правдами и неправдами старался остаться дома. А если это не удавалось и я вынужден был видаться с Кроней, — какие ж это были нелегкие вечера! Всякий раз я ждал: вот сейчас он улыбнется мне, подмигнет и тайное станет явным... Вот сейчас он скажет: «Ну, повоевали и будет!» или что-нибудь в этом роде...

Потихоньку разглядывая суровое Кронино лицо, я пытался понять, что он за человек, если так здорово умеет скрывать свои чувства... Свои я скрывал плохо. Я всячески старался обратить на себя его внимание, делал гримасы, покашливал и многозначительно поглядывал в сторону оловянной армии. Все напрасно. Кроня по-прежнему не замечал меня. Такое умение хранить тайну поражало и, признаюсь, даже пугало.

Помню яркий солнечный день ранней весны, когда, придя на Пушкарскую, я замер перед игрушечным уголком. Укрепления врага были окончательно сметены. Повсюду валялись поверженные пластилиновые человечки. Наша армия походной колонной с развернутыми знаменами возвращалась домой. В хвосте колонны под охраной конницы двигался обоз с трофеями: соломенные кони тянули соломенную телегу, а на телеге лежали конфеты — соевые батончики, шесть штук. Тут же торчала записка: «Угощайтесь нашими трофеями. Они не отравлены». Это было единственный раз, когда в игре участвовало слово, пусть не произнесенное — написанное, но все же слово. Я долго не решался съесть хоть одну конфету. Протягивал руку и не брал. Протягивал и не брал... Наконец съел одну. Больше не тронул. И понял: игра кончается.

✱
Это было январским вечером тысяча девятьсот сорок второго года. Всего несколько дней прошло, как мы с мамой (да еще тетя Таня, дворничиха, помогла) отвезли на Кронверку отца, запеленатого в простыню. Тетя Таня все твердила маме хриплым своим, навсегда простуженным голосом: «Зачем костюм-то хороший ему? Продай на толкучке, на хлеб сменяй, вам надо, а ему уже ничего не надо...» Мама не слушала.

...Мы жили на кухне, с окном, забитым фанерой и заложеным подушками. Мы топили плиту книгами, ломали стулья, шкафы, из своей хлебной пайки варили тюрю и глотали ее, обжигаясь. Хлеб, суп и каша — все вместе. Когда плита немного остывала, мы клали на нее матрац и ложились.

...Стук в дверь. Так поздно? Кто бы это мог быть?.. Дом пуст, почти вымер. Разве что тетя Таня...

Мама пошла открывать. Когда вернулась, впереди нее в кухню влетело тугое облако холода. Я плотней закутался в одеяло.

— Скорей закрой!

— Сейчас,— сказала мама, и кому-то: — Проходите сюда...

При тусклом свете коптилки я увидел высокого человека в белом полушубке, заслонившего собой проход.

Мама поставила коптилку повыше, и тут ярко блеснул иней на бровях, воротнике и шапке незнакомца. Коптилка несла дрожащий, неверный свет и скрадывала подробности. Казалось, мир состоял из черных провалов и серебристо-серых выпуклостей. Больше ничего в нем не было.

Незнакомец кашлянул и глухо произнес:

— Я Кроня.

— Господи, Кроня! — Мама так и села на кровать. Я вглядывался в человека, который только что назвал себя Кроней... Кроня здесь? Да быть этого не может!

— Господи, Кроня... — Мама замолчала. Потом, переводя дух: — Что Маша?

— Мама умерла,— сказал Кроня тем же глухим, безразличным голосом.— Две недели уж. Без меня свезли. Даже не знаю, куда.

— Горе, горе... Вот и мы папочку своего свезли,— сказала мама и, закрыв лицо руками, стала раскачиваться на кровати.

Я очень боялся этого беззвучного, бесслезного плача и стал уговаривать ее:

— Мама! Не надо, мама!...

— Простите, я на минуту.— Кроня потоптался, оглядел нашу кухню. Я заметил у него на поясе кобуру.

Мама очнулась, опустила руки на колени.

— Кронечка, Кронечка... Угостить мне тебя нечем. Только кипяток в духовке. Выпей кипятку на дорогу.

— Спасибо, не беспокойтесь. Да мне и некогда. Машина ждет. Я ведь буквально чудом сюда...

Он стащил с плеча вещевой мешок, стал развязывать.

— Возьмите... Это конина.

Кроня протянул маме длинный сверток.

— Кронечка, да что это вы!.. Да вам самим пригодится... — Мама вдруг перешла на «вы». — Зачем же вы так... Возьмите обратно...

Мама говорила торопливым шепотом, она задышалась от волнения, от радости, оттого, что держит в руках чудо, волшебство, мясо!.. И, говоря эти жалкие, подобострастные, неискренние слова, она все крепче прижимала к груди газетный сверток, а я цепко схватывал глазами каждое ее движение и обмирал при каждом ее слове, и веря и не веря, что она может отдать, вернуть, а Кроня может положить сверток обратно в мешок и унести. Это дико, нелепо, но это правда — я обрадовался, когда Кроня ушел.

Мама закрыла за ним дверь, вошла в кухню, остановилась у плиты. Я сидел на постели и сжимал в руках холодный, тяжелый сверток. Мы молчали. Было слышно, как проскрипели по ступеням Кронины шаги, потом по двору — тише, тише... А после зафыркал, заурчал мотор на улице... И все стихло.

Мама протянула ко мне руки, обняла меня вместе со свертком, и мы заплакали — от горя, от радости, от надежды и удачи, от ослепительной удачи, которая называлась кониной.



К концу войны я был худым, большеротым, лохматым подростком, неунывающим и добычливым, как все ленинградские мальчишки.

Помню, промышляли мы в ту осень около Музкомедии — спекулировали билетами. Верховодил над нами Кика — толстый парень, с довоенным румянцем во всю щеку. В условленный час мы собирались в их сумрачной подворотне на улице Ракова. Кика выдавал нам билеты, говорил, почему продавать. С выручки каждый получал свой процент. Кика жадничал, подличал, но спорить с ним не решались. Помощников он выбирал с толком: в чем только душа держалась. И понятно, все мы стремились к одному: продать билеты выше установленной Кикой цены — это был наш «законный» заработок, о котором Кика не знал.

В тот дождливый вечер я быстро сплавил свои билеты. Все, кроме одного. Один остался. Как сейчас помню, партер, пятнадцатый ряд. Я уже весь был мокрешенек и дрожал от холода, но билет у меня не покупали. Люди спешили мимо под зонтиками и в плащах. Я бросался наперерез. «Билетик надо? Есть билетик!» Одной парочке нужны были билеты, но, понятно, два. Я ушел в подворотню. Но ветер и туда забрасывал холодные горсти дождя.

Прошли, весело разговаривая, мальчишки из Кикиной шараги. Я окликнул их.

— Порядок! — отозвались они. — А у тебя?

— Один остался.

— Иди к подъезду, сейчас начнется. Может, подвалит кто.

Я подошел к театру. Там нынче «Сильва». За тяжелыми дверьми — свет, тепло, музыка... Меня передернуло от сырости.

— Эй, парень, билета нет?

...Высокая фигура в плащ-палатке. Блестящие глаза под навесом капюшона, узкий нос с горбинкой.

— Билета нет, спрашиваю?

Я кивнул: есть, мол...

Крепкий рот. Узкие, твердые губы. Небольшие усики над верхней губой. У меня дыхание перехватило.

— Послушай, парень... — Тон стал просительным. — Послушай... Ты еще сходишь! А я на один вечер, понимаешь... Завтра снова уезжаю...

Постепенно до меня дошло. Он думает, я сам собираюсь в театр. Он просит, чтоб я уступил.

Неужели Кроня?.. Но голос, голос неузнаваем — твердый, резкий... Если б он скинул капюшон, я б узнал тогда... Назвать по имени? А вдруг не он? Нет, не могу.

— Чего ж ты молчишь? Отвечай! Вот деньги... — Он доставал из карманов бумажки, шуршал ими... И такое отчаяние было на его лице, что я не выдержал. Сунул ему в руку билет и побежал.

— Эй, парень, куда ж ты?..

Я бежал домой, глотая дождь, перепрыгивая через лужи, а то и нарочно попадая в них ногой. А-а, чем мокрее, тем лучше! В ушах моих все звучал удивленный голос: «Парень, куда ж ты?..» Завтра мне предстояла расплата с Кикой, надо где-то доставать деньги, а где — я не знаю, ну и наплевать, чего-нибудь придумаю... Чем мокрее, тем лучше!



С тех пор прошло много лет. Очень много. Просто не верится, что ты сам их прожил, а не смотрел со стороны, как они шли, шли и шли...

Все эти годы мне редко приходилось вспоминать о далеких довоенных временах и людях тех времен. То, чем я занимался каждый день, моя работа (я учитель) не располагала к воспоминаниям.

Однажды я оказался на Петроградской стороне, где давно, очень давно не был. И жил и работал я в новом, дальнем районе.

Задумавшись о чем-то житейском, я шел по улице и вдруг поймал себя на том, что сквозь сутолоку привычных, обыденных забот продирается какое-то неосознанное беспокойство. Было похоже на то, как спишь, накрывшись с головой одеялом, а кто-то звонит у двери, и звонок пробивается к тебе сквозь толщу сна, и сначала он тебе действительно снится, а потом постепенно вырывается из сна и тебя за собой тянет...

...Я иду по красивой, просторной улице и когда вижу, что от беспокойства мне не отделаться, пытаюсь понять его причину. Я ищу причину в своих сегодняшних делах и мыслях и не нахожу ее там. Останавливаюсь на перекрестке, чтобы переждать поток машин, оглядываюсь и вдруг чувствую сильный внутренний толчок. Толчок почти физический, словно понукание — что-то делать, куда-то идти... Снова оглядываюсь и застываю на месте. Я вижу широкий двор с тремя огромными старыми деревьями, а рядом — еще деревья, помоложе. Ищу деревянный заборчик — его нет. Вместо него низкий каменный барьер, а дальше — скамейки, газоны... Взгляд летит в глубь двора: я узнаю парадную, ярко освещенные окна четвертого этажа... То, о чем я до сих пор рассказывал, заняло так много места! В памяти моей все это вспыхнуло мгновенной чередой ярких картин...

Я взбегаю по крутой лестнице на четвертый этаж. Тороплюсь отдышаться. Резко нажимаю на кнопку звонка. Жду. Замираю, слыша легкие шаги.

— Простите... Здесь живет Кронид?..

Только сейчас я сообразил, что не знаю ни отчества, ни фамилии.

— Кронид Павлович? — полуспрашивает, полуутверждает девушка, открывшая мне дверь, и, обернувшись, кричит в глубину коридора: — Папа, к тебе!..

И еще до того, как она крикнула это, а раньше, сразу, стоило мне только взглянуть на нее и увидеть этот гордый профиль, этот характерный вырез ноздрей, тонкий, выразительный рот, как я подумал: «Дочь!» — и не ошибся.

Он сначала выглянул в коридор, а потом и вышел сразу, на ходу натягивая пиджак и сбоку поглядывая на меня строго, пытаюсь узнать и не узнавая и, быть может, сердясь на себя за это...

А ко мне только сейчас пришло осознание: где я, у кого я? Я растерялся. Можно было ожидать чего угодно: убит на войне, живет в другом городе, в другом районе, ну в крайнем случае, уехал в командировку... Нет, все как в сказке — жив, здоров и стоит передо мной. Стоит, улыбается сдержанно и покачивает головой: «Нет, не узнаю... Извините, не томите... Кто вы?»

Был сивый — стал седой. Не такой сединой сед, как Мария Михайловна, не волшебной, а обыкновенной — серой, я бы сказал. Морщины, много морщин, и все прямые, резкие...

— Так кто же вы, назовитесь?

Дальше молчать нельзя, и я сбивчиво, нескладно называю себя, маму, говорю про их дружбу с Марией Михайловной...

Глаза его теплеют, загораются интересом. Он жестом показывает на меня дочери — а та стоит у полуоткрытой двери, прислонившись головой к косяку, — показывает и говорит:

— Вот, Маша, человек от т у д а...

И когда Маша кивает в знак полного понимания, я приободряюсь: значит, человек от т у д а им небезразличен!

— Что же мы стоим здесь! В комнату, в комнату проходите...

Прежде чем сесть на предложенный мне стул, я, словно не расслышав, прохожу по комнате туда и обратно и успеваю все разглядеть: новая мебель, новая лампа над столом, новые цветы, даже пол новый — не широкие крашенные доски, а паркет. Круглой печи как не бывало! На ее месте — телевизор. Увеличенная фотография Марии Михайловны на стене — в профиль. И чуть-чуть глаз на меня... Зато в той, другой комнате я успеваю разглядеть старинную швейную машину. Она стоит на прежнем месте, у окна.

— Садитесь, — повторяет Кроня. Нет, Кронид Павлович.

— Ну, вспоминайте, — говорит он привет-

ливо. Он сидит наискосок от меня через стол, и я вдруг ловлю себя на мысли, что ведь мы с ним разговариваем! Да-да, мы с Кроней разговариваем!.. А Маша слушает нас все в той же позе — щекой к косяку, руки под щеку.

Что-то меня все-таки сдерживает, смущает... Неуверенность, что ли: меня ли он узнал?.. И я осторожно, медленно, о мелочах, о деталях — чтоб увидел: помню. Помню комнату эту, помню его, тогдашнего, Марию Михайловну помню... Он слушает и поглядывает на Машу.

— Точно. Так и было. Здесь стояла печь. Точно.— Смотрит на меня в упор: — Как это все так запомнили?.. Слушайте, а Диму вы помните? Диму вы разве не знали?...

— Нет, — говорю, — не знал...

— Ну, простите, что перебил... Мне почему-то казалось, что вы его знали... Простите... Вы очень интересно вспоминаете. Продолжайте...

Я продолжаю. Вспоминаю двор, сарай, мальчонку в глубокой шапке. Кроня смеется: «Кирюха-опенок!..» Вдруг он вспыхивает:

— Послушайте, какой же я болван! Только сейчас сообразил! Ведь это к вам я тогда заходил в январе сорок второго? Ну, конечно, к вам! Господи, да я бы вас ни за что не узнал, вы же малявочкой были, а теперь... Маша! Послушай... Я тогда вырвался из Ораниенбаума на один вечер, чудом просто... Пришел сюда, а мамы уже нет. Я ходил, узнавал, куда увезли... Никто не знает... Я уже собирался уезжать — вспомнил про конину, не увозить же обратно! Я к Диме было хотел... (Он все это говорил, больше обращаясь к дочери, чем ко мне.) Но адреса-то Диминого я не знал, вот обида... А ваш адрес (кивок в мою сторону) я у мамы в записной книжке нашел. Я ведь знал, что они подруги.

У него горели скулы, он нервно покачивался, сцепив пальцы под коленом. Я немного подумал и кивнул в угол.

— Там были солдатики. Пехота, конница...

Тут его лицо вспыхнуло таким добрым лукавством и озорством! Поглядев на Машу, он вздохнул иронично: «Довоенные мои игры...» А я с горечью подумал: ну почему, почему не пришел я сюда десять, пятнадцать лет тому назад!..

И я уже готов был продолжить и детально,

со знанием мельчайших подробностей рассказать о бесшумной и тайной войне, которую вели здесь, в углу, оловянные солдатики и пластилиновые человечки, как они брали друг друга в плен, как бежали из плена... Но он опередил меня:

— Так вы в самом деле не знали Диму? Никогда не видели? Как жаль! Хромой такой мальчик, одна ножка короче другой. Не помните? Жаль. Он часто бывал здесь с мамой. Тоже наша заказчица...— И снова к Маше: — Помнишь, я тебе рассказывал? — Яркая улыбка на Машинном лице. И опять мне:

— Я вам сейчас расскажу... Это занятная история. Вам будет интересно... Когда Дима приходил сюда, он часто играл с моими солдатиками. Устраивал целые баталии на полу. А я очень жалел его, мне казалось ужасно — мальчик не может бегать, прыгать, ходить на лыжах, кататься на коньках. Я очень жалел Диму. И я затеял с ним тайную игру. Я знал, когда он придет, и к его приходу устраивал военные парады, покупал специально для него оловянную конницу, мастерил всякие игрушки... Он догадывался, Дима, но молчал. В том-то и была прелесть этой игры, чтобы молчать... Играть и молчать...

Честное слово, мне стало худо. На секунду какую-то, но так худо, что я схватился за сиденье стула. Казалось бы, чепуха, столько лет прошло, да и вообще — детская забава... А вот мне стало худо. Но я быстро взял себя в руки. Он даже не заметил ничего.

«Так, — подумал я, — играл он с Димой, а я только портил им всю игру». Мне стало грустно, я заторопился уходить. «Да что вы,

останьтесь, Маша чай поставит, как же так можно, сорвались с места...»

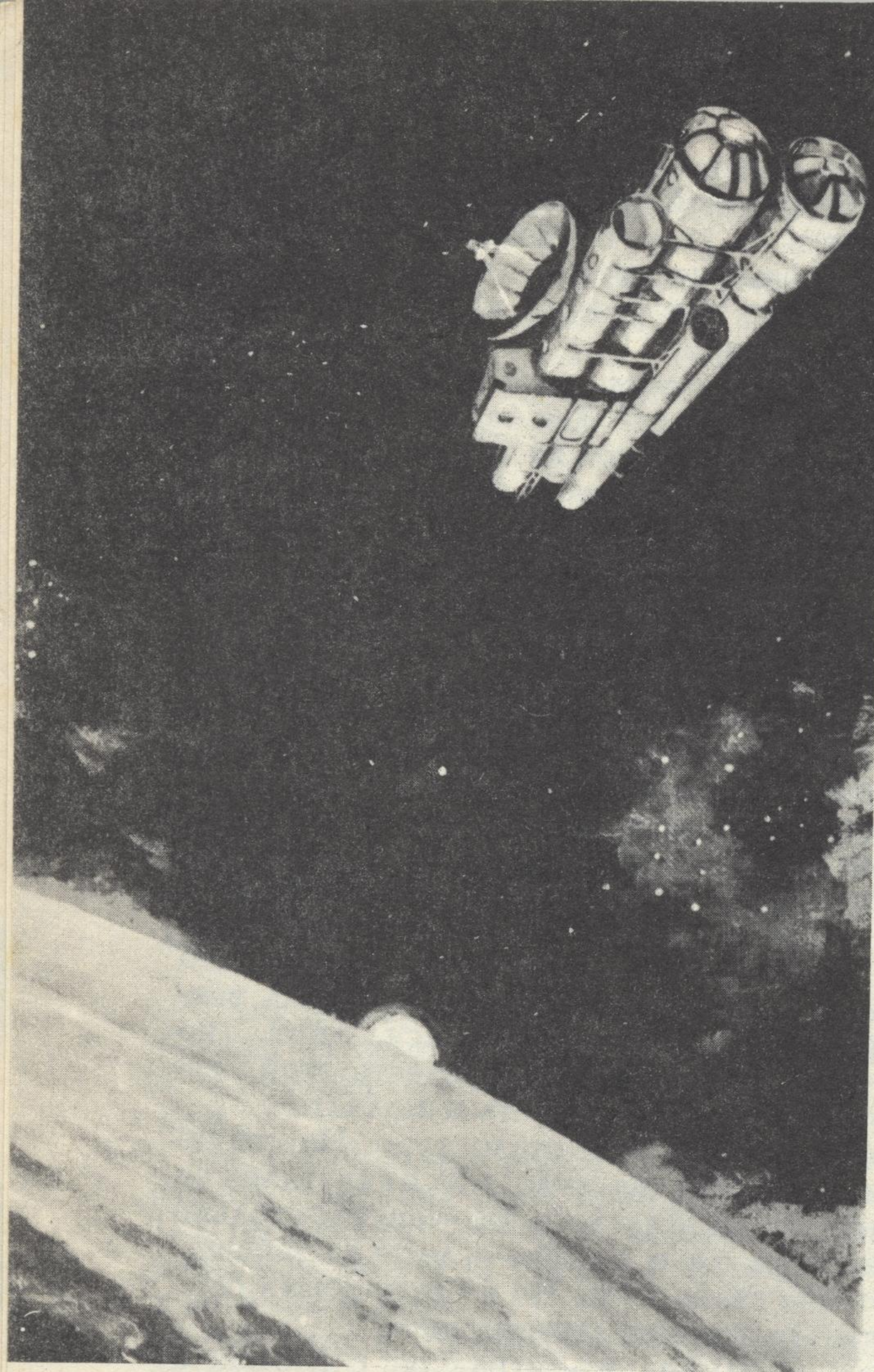
Нет, я не мог оставаться. Я должен был уйти.

Мы вышли в коридор. Тут я с трудом поднял на него глаза, а он все время смотрел на меня таким открытым, простым, надежным взглядом, каким только оттуда и смотрят. Я поднял глаза на него и думал в это время про Музкомедию, билет в пятнадцатый ряд и человека в плащ-палатке...

Спросить? А вдруг не он?..

И мне по-мальчишески жалко стало того проливного осеннего вечера и захотелось сохранить его в памяти таким, каким он был, ничего в нем не меняя, ничего не убавляя. Пусть так и останется.





Георгий КУЛИКОВ

МАЛЬЧИШКИ

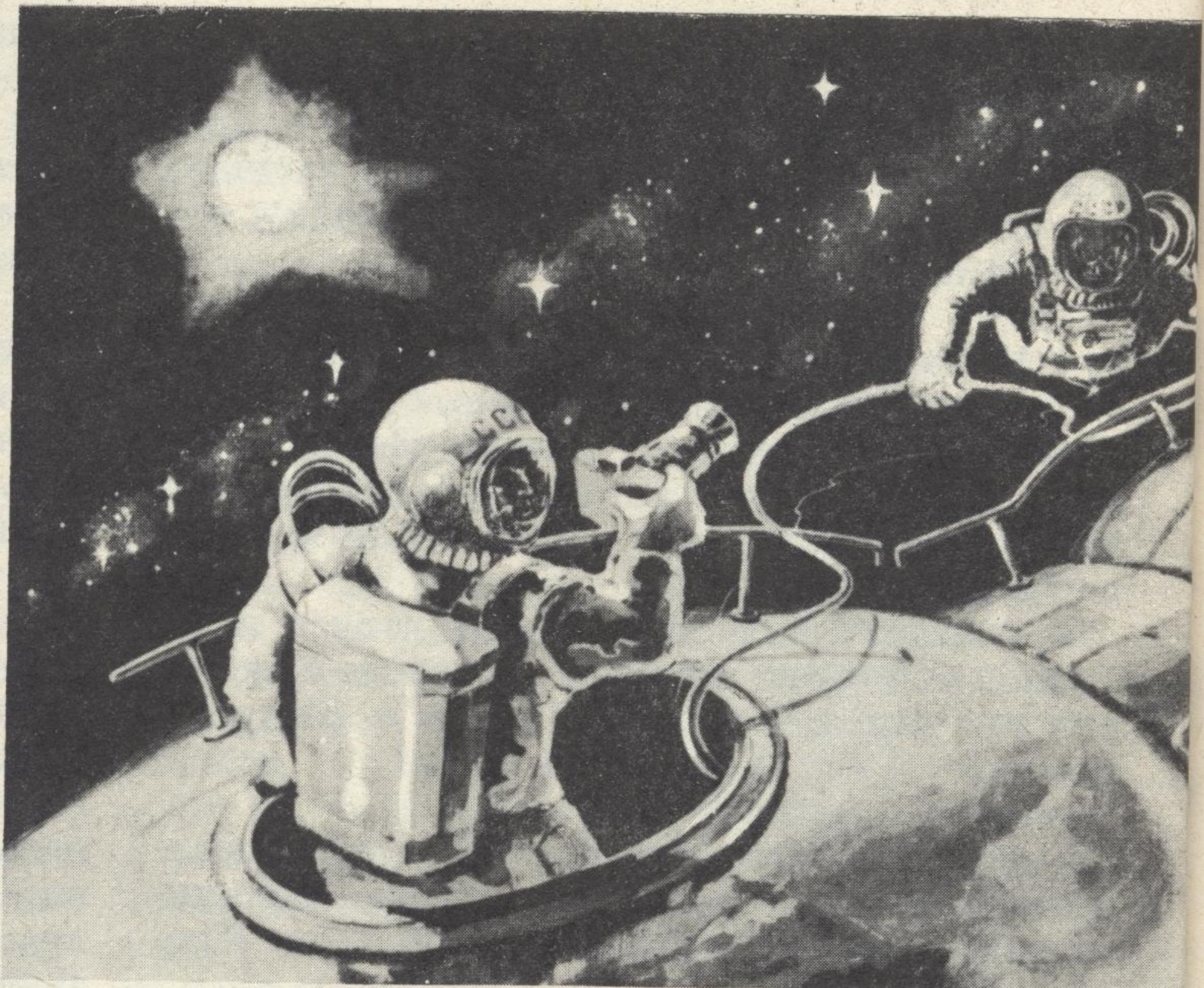
Мальчишки строят во дворе ракеты
Пока что из фанеры и досок
И мысленно уносятся к планетам
На кораблях «Союз» или «Восток».

На мастерство их поглядят отцы
И, улыбнувшись, скажут:
«Молодцы».

А матери их кличут со двора,
Как позывными: «Ужинать пора!»

Но их, уже летящих в мире
звездном,
Не манит летним вечером свой дом,
И от мечтаний в это время позднее
Ребята отрываются с трудом.

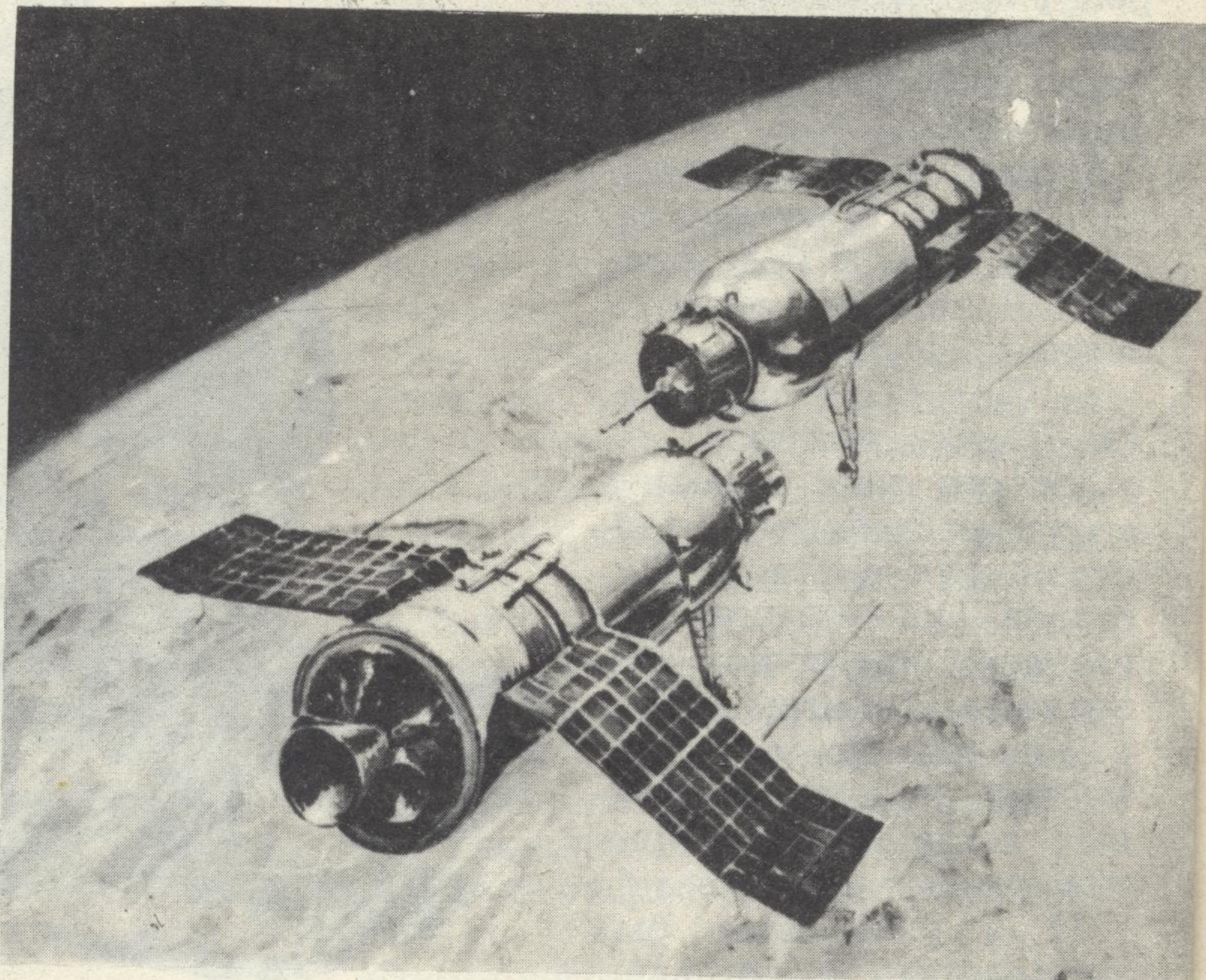
В мечтах их: неба даль над облаками.
И красота невиданных ракет.
Они сегодня бредят скоростями
Огромных
в небо рвущихся ракет!

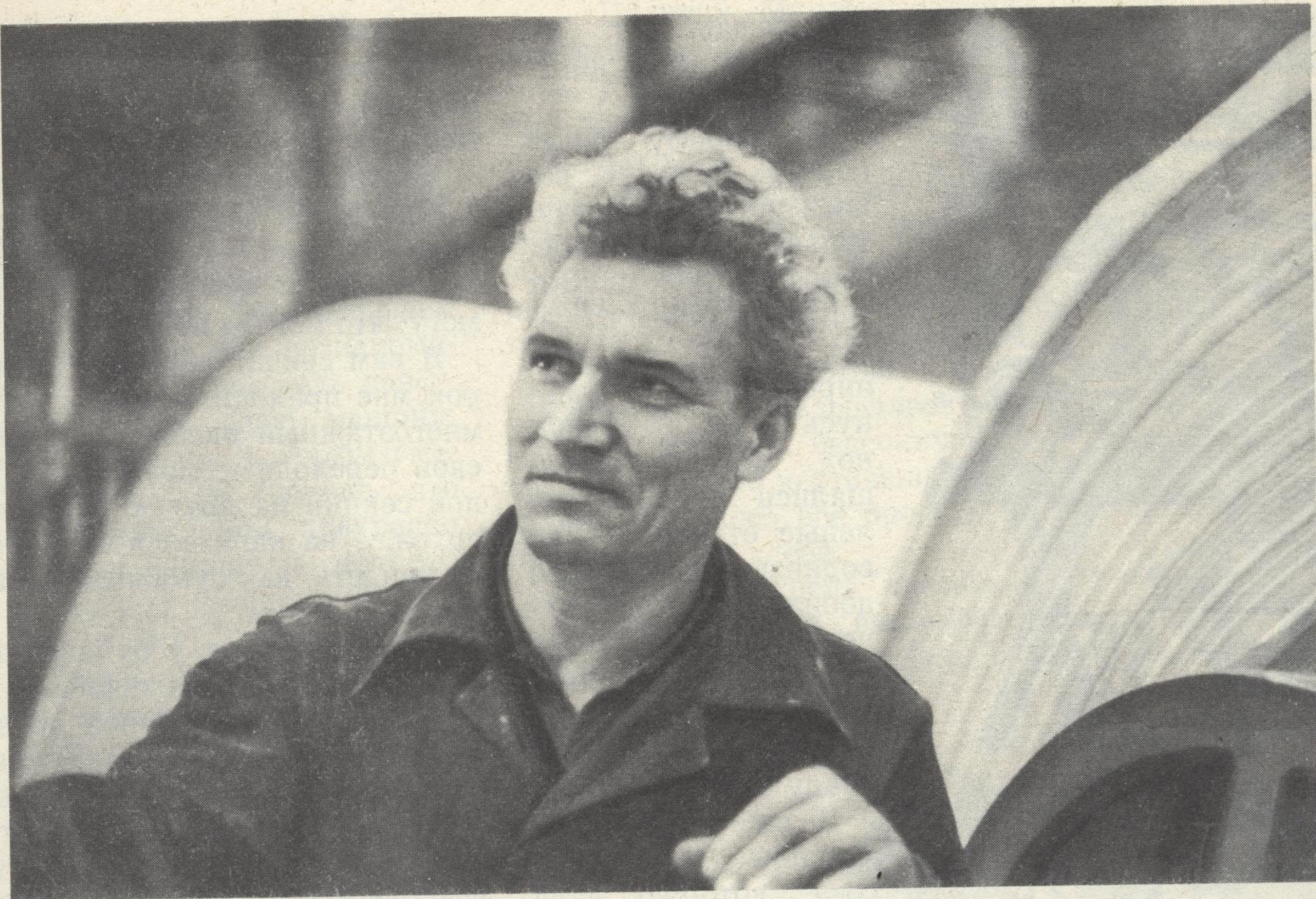


ЧЕЛОВЕК работает в космосе

Взгляни на эти картины, Летчик-космонавт Алексей Леонов — автор этих работ — рассказывает о том, что уже делается советскими людьми в космосе, о том, чему он сам был свидетелем и участником.

Наверху справа — «АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТЫКОВКА». Еще мгновение — и произойдет стыковка двух летящих над Землей космических аппаратов. А вот другая картина — «ПЕРЕХОД». Тут произошла ручная стыковка, и один из космонавтов вышел в открытый космос. Вверху слева — «ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ». После 19 апреля 1971 года и эта картина перестала быть фантастикой. В космос была выведена первая советская орбитальная станция «Салют».





И. Г. МАНДЫЧ,

старший машинист бумагоделательной машины Соликамского целлюлозно-бумажного комбината, Герой Социалистического Труда, делегат XXIV съезда партии.

За вы́сотой — вы́сота

Современное производство предъявляет быстрорастущие требования не к одним лишь машинам, технике, но и прежде всего к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет.

Из доклада Леонида Ильича Брежнева на XXIV съезде КПСС.

Люблю вечерние часы, когда к моему Володьке, семикласснику, наведываются его друзья. На пороге чинно вытирают ноги, вежливые, прямо-таки пай-мальчики. Но вот в комнате одни остаются, и начинается такой трамтарам, что жена охает и ахает: «Они ж, окаянные, дом перевернут!» Я успокаиваю ее: «Это разминочка, дело полезное».

Немного позже мы — сын, ребята и я — наваливаемся на стол: перед нами, как скатерть, схема нового радиоприемника. Один Володин товарищ «мысль сочинил», и мы соображаем, как эта штука скажется на развитии отечественной или, кто знает, мировой радиопромышленности. Суждения самые непререкаемые: «Законно придумал». Но и у оппонентов свои веские доказательства: «Это ерунда». Каждому хочется свою правоту доказать, я тоже в спор вступаю, кипячусь, на что получаю замечание: «Дядь Вань, ты нас своим авторитетом не дави».

И мне смешно становится.

И я думаю: «Конечно же, мальчишки сами дознаются, что в схеме хорошо, а что — чепуха». Сами! Своим умом дойдут! Своими руками хитрый приемничек сотворят, который поначалу будет одновременно петь, скрежетать, шипеть и издавать другие звуки. Но я знаю (я ведь еще

их вот такими карандашами помню!), мальчишки не отступят. Они будут пробовать, переклеивать, перепаяивать, пересоединять, пере... и раз, и два, и сто, если понадобится. Вот это я ценю и в сыне и в его товарищах.

Как знать, размышляю я, не с этих ли самых вещей начинается закалка характера. Честное слово, много зависит от того, захочешь ли ты взять, возьмешь ли первую на своем жизненном пути высоту или отойдешь в сторонку, утешая себя податливой мыслью: «А, охота была возиться...»

Высота, сказал я. А когда она у меня была, первая моя высота?..

И вот вспоминаю. Это было до войны. Мы с братом акробатикой увлекались. Мне лет десять было, брат — постарше. Номера сами придумывали. На вечерах в сельском клубе наш цирковой дуэт «Два — Мандычи — два» пользовался успехом.

Как-то в Красновишерске во время гастролей цирка мы увидели номер, который поразил нас. Мы решили освоить его. Упершись руками в плечи брата, мне надо было над его головой выгнуться в «нолик». Это нам сначала показалось, что легко. Я все время падал. А однажды так приложился лбом, что решил: «Ну его в болото, этот номер. Целей буду». Однако мне как-то не по себе стало. Не то чтобы я себя трусишкой по-



чувствовал, нет. Но состояние было никудышное.

Я помянул тогда болото. Рядом с нашим домом действительно было старое, заросшее болото. Вот туда я и привел брата: «Будем тут тренироваться. Шлепнись — не страшно». Домой возвращались мокрые, зеленые от тины, как водяные. Но своего добились. За исполнение этого трюка меня и брата решили послать в Москву, на Всесоюзную олимпиаду школьников.

И еще одно воспоминание. Это та высота, которую дала мне мама, Христина Феофановна. Она имела семнадцать детей и каждого чему-нибудь да научила. В первом классе я связал себе шерстяные носки — и крючком умел и спицами. В третьем классе мог себе брюки и курточку сшить, по выкройке, конечно.

Когда война началась, мне было двенадцать лет. В деревне всех мужчин на фронт забрали. Так вот тогда женщины такое расписание составили: «Понедельник — Ваня Мандыч лудит посуду у бабки Лукерьи. Вторник — подшивает пимы и чинит обувь у эвакуированной учительницы. Среда — перекладывает печку у бригадира». И так на всю неделю. Уставал очень. Никуда подчас идти не хотелось. А надо! Ждут... «Мужик идет на подмогу», — говорили обо мне деревенские женщины. В ту пору с высоты своих двенадцати-тринадцати лет я на всю жизнь уяснил: как это радостно — быть полезным людям...

2

А потом я поступил в ФЗУ. Кузнечному делу выучился. Молотобоец из меня получился хилый, прямо скажу. И мне посоветовали дальше учиться. В Красновишерске я окончил техникум целлюлозно-бумажной промышленности, и моя судьба определилась окончательно. Я сейчас де-

лаю газетную бумагу. Почти двадцать лет уже. Мимо меня пробежало столько километров бумажной ленты, что ею можно не один раз земной шар обернуть.

Володькины товарищи иногда спрашивают: «Дядь Вань, неужели не надоело каждый день одно и то же?» Вот чудак! Да это ж мой комбинат, это ж мой цех! Я и представить себе не могу, что мог бы пойти по другой специальности.

Я вам сейчас расскажу про машину, с которой мне приходится иметь дело. Она похожа на многоэтажный океанский лайнер. У нее есть и свои переходные мостики, и трапы, чтобы с одной секции на другую перейти, и даже место, похожее на капитанскую рубку, — отсюда можно увидеть, как бумажная река мчится к отсасывающим валам.

Валы забирают у бумажной речки всю влагу и выплескивают на горячие цилиндры белую газетную ленту шириной до шести метров. Цилиндры ее сушат и гладят, как утюги.

Много белоснежных рулонов отправляем мы в разные типографии страны (ведь на нашей бумаге каждая третья газета печатается), а нам говорят: «Надо, товарищи, больше. Постарайтесь, пожалуйста. Ведь и у газет и у журналов все время тиражи растут».

И мы стараемся. И для этого постоянно увеличиваем скорости бумагоделательных машин. Скорее крутятся валы и цилиндры — стремительнее белоснежный поток. Значит, и рулонов больше.

Помню, вызвали меня к начальству и сказали:

— Мандыч, будешь налаживать «тройку».

Это значило, что мне вместе с товарищами предстоит заняться реконструкцией третьей бумагоделательной машины. Так она вроде неплохая да и не очень старая, а работает со скоростью 250 метров в минуту. Вы спросите: много это или мало? Не так давно считалось, что это вполне нормальная скорость. И к этой цифре привыкли. Но ведь когда-то и поезда ходили вдвое, а то и втрое медленнее. Теперь же экспрессы мчатся так, что вагоны пересчитать не успеешь. Вот так и с «тройкой». В свое время хороша была, а теперь отставать стала от требований жизни. В «тихоход» превратилась.

Тогда я еще не представлял всей сложности предстоящей работы. Думал, что ускорить бег бумагоделательной машины — все одно, что разогнать «Москвича».

— На какую скорость будем «тройку» переводить?

— Метров на 380 — 400 в час. Раза в полтора бумаги будет больше.

Конечно, в техникуме я изучил технологию нашего производства, научился управлять и машиной. Но вот то, как наращивать скорости, мы не проходили. Считалось, что это вроде бы не наша забота: как машине положено работать, так пусть и работает. Но жизнь, видите, потребовала совсем другого.

Я пришел в библиотеку и попросил книжки, где бы все было «расставлено по полочкам».

Думал: спишу все, что надо, — и порядок. Словом, решая задачку, задумал сразу же заглянуть в ответ.

Но библиотекарь мне сказала:

— Рада бы помочь. Только нет такой литературы. Никто еще не написал подобных рекомендаций.

Собрались всей бригадой у «тихохода». Думаем, как быть да что делать. Разглядываем машину, будто в первый раз с ней познакомились. И вот тогда я подумал: а мы ведь действительно поверхностно знаем свою машину, свою «тройку». Вроде шоферов, которые умеют лишь вести автомобиль, но случись что серьезное, они не разберутся. Мы прекрасно могли заправлять бумагу в машину (а дело это сложное!), мы знали, какому цилиндру какую дать температуру. Вот и все. Теперь нужны были более глубокие знания, умение разбираться в машине до последнего винтика, чтобы, как сказал один рабочий, «понять ее характер».

Реконструкция — это непростая работа. Каждый узел надо было испытать, с головой окунуться в такие технические тонкости, что впору профессором становиться. Да у нас так и получалось, когда принялись за дело. Любой рабочий в меру своих возможностей становился конструктором. Каждый инженер с удовольствием, когда надо, брал в руки гаечный ключ и становился рабочим.

Несколько месяцев колдовали над «тройкой». Я не стану, ребята, говорить вам о всех технических подробностях. Но если коротко сказать, то мы, рабочие, как бы поставили старый агрегат на новые колеса.

И вот началась пробная обкатка.

300 метров в минуту — идет бумажная речка.

320 метров в минуту. Переживаем! Ничего, не рвется бумажное полотно!

350 метров в минуту! Нервы на пределе, но все нормально.

380 метров в минуту. Бесперебойно крутятся валы. Газетная лента стремительно летит на «накат», где, как нитка на катушку, наворачивается на увесистую бобину.

Не передать нашей радости. Наша «тройка» среди всех бумагоделательных машин страны в то время была самая скорая!

Первой на комбинате звание коллектива коммунистического труда было присвоено нашей бригаде. Это была очень важная веха в моей жизни.

3

Мы добились своего. К нам начали приезжать бумажники с других комбинатов — учиться.

— Молодцы, — говорили нам. — Рекорд поставили!

Не знаю, может быть, и закружилась бы у меня голова от похвал, да только не дошло до этого. Сказали мне:

— Получай, Мандыч, задание — будешь осваивать новые скорости.

— Да вы что? — говорю. — Куда ж больше? Мы предела достигли. Ну метров на тридцать еще подтянем.

— Нет. Придется осваивать машину с проектной скоростью 750 метров в минуту.

Мне показалось, что я ослышался. Но смотрят на меня серьезно. Никто не собирается шутить. И я сказал:

— Ну что ж, я готов!

«Девятка» — называлась следующая моя машина. Не одну бессонную ночь провели мы возле нее. Было чертовски трудно. Иногда, признаюсь, хотелось все бросить и уйти на какие-нибудь легкие хлеба.

А потом подросла «десятка». И ей нужно было дать самую высокую проектную скорость... Так все время. День за днем. Месяц за

Рисунки В. ШЛЯДИНА.



месяцем. Год за годом. «Одиннадцатую» сдал. На очереди «двенадцатая»!

Борьба за высокие скорости для нас, работников бумажной промышленности, — это ведь не то, что автомобильные гонки. Больше скорость — выше производительность труда. А это и есть самое главное для того, чтобы мы жили богаче и краше. Выше производительность труда — больше различных товаров, в том числе и бумаги, которую называют «хлебом культуры».

И нашим стараниям и поискам нет конца и края.

Многие мальчишки, друзья моего сына, придут со временем в мой цех. Я хочу дождаться того дня, когда, подтолкнув их вперед, скажу:

— Действуйте, парни! Вам есть над чем поработать. Потому что за одной высотой всегда открывается другая. И этого не надо бояться. Главное — сказать себе: «Ну что ж, я готов!..» ★



Неподдающийся

Генка

ПОВЕСТЬ
Окончание

В. БАДЕЕВ

Рисунки П. БАГИНА.

Хукочар

Глава пятая

Великолепная жизнь началась у Генки Хукочара!

Быстроногий олень привык к легкому седоку, стал послушен и терпелив. На левом боку висела у всадника острая пурта, за спиной ощущал он надежную тяжесть собственной винтовки, справа к седлу приторочен был маут. А впереди и немного в стороне сопровождал его верный Соболя.

Иногда приезжал Генка к взрослым. К старой изгороди, а потом и к новой. Отец давал тогда небольшой плотничный топор, острый и легкий. Вытесывал мальчик колья. Шел в одном ряду со взрослыми. Но долго работать отец не разрешал.

— Карауль стадо! — озабоченно просил

сына. Видел Генка — надеется отец и верит в него.

Вновь садился мальчик на оленя, ударял в бока пятками и мчал вокруг загона, обгоняя Соболя. Но чуть подозрительной становилась изгородь — пускал шагом. Смотрел, не вывернулись ли крепежные колья, на месте ли перекладины. Поправлял изгородь, если надо. Горд был доверием отца, старательно окарауливал стадо.

Ничего не понимают Зинка и Верка! Тут сразу замечай, где неладно. Быстро надо ехать и внимательно смотреть. Если медленно ехать, то, конечно, все заметишь, однако и к вечеру вряд ли до чума доберешься — большой участок. Отец учит: наметанный глаз надо иметь.

Глаза на изгородь смотрят, а уши колокольчики слушают. Если где-нибудь олени разрушили загородку и вышли из загона, быстро-быстро зазвонят колокольчики, — бегом выры-

ваются олени с огороженного участка — хочется им свежего, незатоптанного ягеля. Собирай потом, возвращай на место. Рабочий день потратишь или два. Вот какое важное дело поручил отец Генке! И он старался.

Почти у всех важенков появились маленькие оленята. Бегали они и кричали: «Мэа, мэа, мэа!» Казалось, весь лес кричит, и получалось: «Мама, мама!» Невольно вспоминал Генка маму. Пошла она, наверное, на родительское собрание, а там ей Юля Петровна про тройки... А Зинка с Веркой хихикали на весь класс. Подвел маму...

По вечерам понравилось Генке играть с дедом в вопросы и ответы. Интересная игра! Дед старается поставить в безвыходное положение, а он все-таки выкарабкивается.

— Пойдем в тайгу, — начинал Генка.

— Ночь в тайге, темно, — отвечал дед Бубух.

— Дорогу по звездам найдем.

— На небе тучи, ничего не видно.

— Утром рассветет, — говорил Генка.

— Звезд не будет.

— По солнцу дорогу найдем.

— Тучи на небе, солнца не видно.

— По деревьям дорогу найдем.

— Деревья в лесу неодинаковые, — возражал дед Бубух.

— На поляну выйдем к одному дереву.

— Как определим?

— Где сучков меньше, короче они и мох — север, позади — юг, на левой руке — запад, на правой — восток, — без запинки отвечал Генка.

— Куда пойдем?

— Налево пойдем...

Тихо переговариваясь, долго играли так дед с внуком — ходили по тайге, встречали множество зверей, видели птиц и рассуждали об их повадках, пока, наконец, не возвращались в чум.

Дед Бубух доволен был внуком: на многие вопросы толково отвечал Генка и почти все, что нужно, знал.

День бежал за днем. Не только на взгорках и полянках растаял снег, но и в лесу. Тронулась Тунгуска. Генка долго смотрел, как медленно плывут огромные льдины, как стремительно раскалывают их синие трещины.

Взрослые справились с изгородями, и отец не давал больше поручений Генке. Часами пропал мальчик у реки. Охотился за куропатками. Но что-то не везло ему. Увидит куропатку — бубух! Мимо. Побежит куропатка, замелькает в кустах, в мшистых кочках. Заспешит Генка. Но пока снова патрон вложит, далеко уже птица. Ринется за ней, выстрелит на ходу — и опять мимо. Трудно попасть в движущуюся цель.

Никто не спрашивал, а тем более не смеялся, когда маленький охотник приходил с пустыми руками. Но смутно-тревожные чувства овладевали мальчиком: что толку в охотнике, если он недобычлив?..

Вечерами меньше разговаривал Генка с дедом. Ляжет спать и думает: как добыть птицу?

Чтобы угостить взрослых вкусным ужином, чтобы горд был за него отец, похвалил бы при всех дед Бубух.

— У ручья, где старый лабаз, глухари токуют, — сообщил однажды дед Бубух отцу.

— Некогда, — возразил отец. — Точкование на носу.

Бубух сокрушенно вздохнул, а сам посмотрел на Генку.

И понял Генка!

Сразу после завтрака пошел на поляну около ручья, где на шести столбах-сваях стоял старый лабаз. Несколько бревен с двускатной крыши лабаза было сорвано, и как раз со стороны, обращенной к поляне, — готовое укрытие, поднятое вверх на столбах. Что может быть лучше?

Мальчик знал, что в днище узкого и длинного домика-склада прорублено квадратное отверстие. Поэтому взял жердь и, засунув один конец в проем, полез наверх.

Чего только нет, оказывается, в старом лабазе! Целый ворох интересных вещей.

Конечно, Генка прежде всего рассмотрел ржавые ружья, или, вернее, остатки от ружей разных систем. Здесь был ствол с магазинной коробкой еще от кремневки, про которую рассказывал дед Бубух. Ствол смешной у ружья: не круглый — шестигранный. Двумя руками оттянул мальчик курок — очень тугая пружина. Щелкнул курок, взвелся. Ух ты, работает еще! Нажал на спуск — как клюнет курок в железную полку!

Еще и другие стволы осмотрел Генка. Тут и тозовки были, и берданы, и двустволки... Долго возился со ржавым оружием. Медные дырявые чайники, котелки, кастрюли не захотел смотреть — что в них интересного?..

После обеда опять пришел к лабазу — со своей винтовкой и пачкой патронов, приятно оттягивающей карман куртки. Теперь Генка был деловит. Расставил на поляне мишени из медных чайников, кастрюль, котелков — пригодился хлам! — и начал пристрелку.

Непривычно стрелять сверху — не сразу попадешь. Но всю посуду продырявил мальчик выстрелами и, когда часто стал попадать, вылез из укрытия, собрал хлам и отнес к ручью. А то прилетят глухари, увидят незнакомые предметы, насторожатся — птица тоже соображать умеет.

Поздним вечером устроился Генка в лабазе и стал ждать. Долго-долго сидел. На спальном мешке, который принес дед Бубух.

Ночь стояла светлая, далеко видно. Устал сидеть Генка, прилег. Подумал: закричат птицы — услышу. Даже шум ручья не помешает, все равно услышу.

Ручей шумел глухо и ровно, усыплял, а Генка крепился и смотрел на бревенчатую крышу, сквозь щели которой голубело ночное небо. Потом вспомнилось, как в прошлом году к ручью приходил медведь. И как отец, дед Бубух и еще двое из другого отделения бригады, бросив на берегу приманку из огромных кусков мяса, караулили амикана в засаде, но он не появился.

Задевая
о ветки,
косач
рухнул
вниз.



А вот здорово, если бы сейчас пришел медведь, а он, Генка, из лабаза застрелил его!

Дед Бубух говорит: нельзя нападать на амикана с тозовкой — задерет. Но ведь если точно ударить, упадет медведь. Главное, чтобы точно.

Так думал мальчик и лежал, а ручей шумел сладко-сладко, и шум похож был на песни, которые иногда пела бабушка. И уже не голубело сквозь щели небо, а стало темно, как осенью...

Вдруг... увидел Генка... море! Большое море.

Не понимал мальчик, где находится, — кругом вода. Страшно стало. Будто нет тайги, гор, земли, только вода и вода. Посмотрел вверх — увидел человека. Посмотрел вниз — увидел человека. Что за люди? Совсем незнакомые... И тут вынырнула из воды гагара, а Генка кое-что стал понимать. Гагара выплюнула в воду землю. Маленькую, меньше самой маленькой кочки. Земля начала расти, расти. Быстро. Появились горы и тайга. Пропал страх у Генки. Очень интересно было смотреть. Как в кино. И он уже знал, что дальше: дед Бубух рассказывал.

Двое людей — это два брата. Наверху — младший, добрый, внизу — старший, злой. Когда эвенки были неграмотными, думали: землю в воду выплюнула гагара. Она выросла и стала большой. Потом добрый брат сделал из глины, костей и камня людей. Ему помогали собака и ворон. А старший брат мешал, вредил, да только ничего у него не получалось.

И вот теперь Генка смотрел и ждал. Земля выросла, но что-то не спешил младший брат делать людей, а гагара летала вверху и кричала, кричала. Совсем не по-гагарьему кричала гагара. Генка силился понять, почему не свой голос у птицы. Потом холодно стало, как зимой, и тут он... проснулся.

Голубое небо в щелях лабаза посветлело. Вспомнил мальчик, зачем здесь, а не в чуме с отцом и дедом Бубухом. Выглянул в проем крыши. Весь взгорок истоптан птицами. Проспал токование!

Великая досада охватила Генку, почувствовал, как жгучая краска заливает щеки, они словно становятся толще. В глазах защипало. Неужели права Юля Петровна — никогда не получится из него настоящий охотник?..

Разгоралось утро. Солнце играло длинными лучами в верхушках лиственниц и сосен. Там еще сохранялся клочковатый туман, и солнце стаивало его. Туман забирался в тень, под охрану густых веток, но лучи настигали и здесь. Быстро светлело.

Где-то далеко-далеко призывно кричал одинокий косач. Значит... не все потеряно!

Покинув лабаз, Генка, крадучись, побежал на крик, выбирая густые заросли. Хотя и трудно в них быстро продвигаться, но надо, чтобы незаметно.

Он увидел косача на высоком высохшем дереве. На голой ветке в самой вершине.

Красив красноголовый косач в утреннем солнце! Нежными гортанными звуками он звал кого-то. Покричит и слушает. Никто не отзывается. И опять кричит косач, вытянув шею.

Примерно в семьдесят пять метров оценил расстояние Генка, переставил хомутик на прицельной планке. Устроился поудобнее, чтобы выстрелить с упора. Тщательно выцелил.

Он брал под обрез.

Негромко щелкнул выстрел.

Косач замолк и удивленно посмотрел вверх, где просвистела пуля.

Генка замер в ожидании: взлетит косач или нет?..

Через минуту опять полилась воркующая песня.

Генка облегченно вздохнул, переставил хомутик на пятьдесят метров. Выцелил еще тщательнее — мимо!

Косач замолк и наклонился вниз. Не понимала птица: кто мешает песне?..

«Помогает, подсказывает, где летят пули!» — ликовал Генка, загоня очередной патрон.

Третий выстрел перебил ветку рядом с косачом. Птица испуганно захлопала крыльями, взлетела.

— Эх! — в сердцах сказал Генка и топнул с досады.

Он совсем пригорюнился, но все еще с волнением поглядывал на голый черный сук, будто косач мог вернуться. Да, жирная была птица. И вкусная, наверное...

Солнце поднялось, пригревало. Мальчику совсем не хотелось идти в чум, даже есть не хотелось. Отправился на берег Тунгуски покидать в воду камни. До берега недалеко.

Вдруг... снова раздался крик косача!

Песня полилась приглушенно, издали.

Подхватился Генка и побежал. Быстро, не обращая внимания на ветки, которые иногда больно хлестали по лицу. Чуть не оплошал, чуть не выскочил на открытое место, где мог заметить косач: сверху далеко видит, прятаться надо.

И опять красноголовый красавец выбрал сухостойную сосну.

Долго целился Генка. Хотел, чтобы наверняка. Но косач что-то забеспокоился, не заливался песней, как прежде, часто умолкал, прислушивался, а то и прохаживался по ветке.

Выстрелил Генка и закричал от радости — посыпалось перо!

Но косач... спокойно поднялся и полетел.

Как же это? Как же это? Ведь попал, попал, перо сыпалось, сам видел!..

Так в отчаянии думал мальчик, следя за медленным, тяжелым полетом большой птицы.

Через некоторое время опять побежал Генка в том направлении, куда полетел косач, не дожидаясь уже возобновления песни.

Правильно, наверное, сделал. Потому что, как только услышал первые воркующие звуки, взглянул из-за огромного обомшелого валуна и обомлел. И присел. И замер от радости: десять — пятнадцать метров до косача!

Спокойно нажал спуск маленький охотник. Но даже выстрела на этот раз не услышал. Или показалось, что не услышал. Увидел только: косач наклонился и, задев о ветки, рухнул вниз...

Первая добыча! Сладостна тяжелая ноша, если и путь неблизок.

Взвалив на спину еще теплого косача, Генка уверенно зашагал домой. У изгиба ручья сообразил: ошибся в направлении — и, чтобы не плутать, пошел вдоль по течению ручья, который должен вывести к реке, а от Тунгуски он найдет дорогу в любое время.

Или косач тяжелый, или не заметил в погоне, как далеко ушел? Петляет, петляет ручей, а не становится шире, значит, до реки еще не скоро.

Забеспокоился мальчик. Да и есть сильно захотелось.

На счастье, послышалось негромкое позвякивание колокольчиков — стадо! Генка повернул на звуки. И вскоре очутился у изгороди. Изгородь он знал хорошо — не раз обследовал ее надежность на своем олене. Эх, оленя бы сейчас! Вскочил в седло — через пять минут у чума. А так — идти да идти... Через весь почти загон.

Мальчик не знал, что дед Бубух уже побывал в старом лабазе и, не обнаружив внука, разволновался. Потом услышал выстрел, определил направление и, срезав угол, вышел к обомшелым валунам. Там и заметил, как Генка с добычей отправился вниз по ручью. Дед понял: мальчик потерял верное направление к чуму. Но не стал его окликать. «Пусть, — подумал, — как следует устанет — в другой раз будет внимательнее запоминать дорогу».

Ничего этого не знал Генка. Он, как заправский охотник, даже не потащил добычу в жилой чум, бросил птицу в маленьком, в бабушкиной кухне: не велика заслуга — косача взял; обыкновенное, однако, дело...

Взрослые ждали его.

— Есть добыча, Гена? — спросил отец.

— Маленько есть, — как можно равнодушно произнес мальчик.

Бабушка подала молоко и лепешку.

— И мяса поешь, Гена. Устал... охотник! — не удержался от похвалы отец, улыбнулся и, чего-то смутясь, вышел из чума.

Целый день Генка упивался новым своим положением — взрослые говорили с ним уважительно, почти как с равным. Только дед Бубух огорчил.

— Два патрона тебе, — сказал он, — пока два патрона. В первый раз промажешь — гонись за добычей. Второй раз промажешь — возвращайся.

— Почему?

— На второй раз птица пуганая, далеко улетает. Побежишь — заплутаться недолго. Тайга еще для тебя, Гена, везде одинаковая...

Удивился Генка: неужели дед Бубух понял, что он в самом деле немножко приплутал?

Глава шестая

Дни бежали за днями вперегонки. После белых ночей наступил длинный полярный день. К одиннадцати ночи только и скроется солнце, а через три-четыре часа снова светит всюю.

Загорел Генка, окреп. Рука стала тверже, глаз вернее. Но вскоре прекратил охоту. Нельзя. Села птица на гнездовье выводить крикливое потомство. В такое время ни один умный человек не станет пугать ее выстрелами. И даже есть строгий закон. Запрещает закон охоту, чтобы много вывелось птиц, чтобы всегда в тайге была добыча.

Пролетел в заботах и хлопотах сонкан — период отела оленей, наступило другое время — мучун, когда зеленеют лиственницы. У взрослых появилось свободное время — иногда отец, иногда дед Бубух ставили сети на Тунгуске, приносили толстых, икрестых сига: хорошо полакомиться рыбой.

Вечерами отец настраивал рацию и передавал в колхоз сводку — сколько появилось на свет маленьких оленят. Рядом сидел дядя Николай и, насупив густые рыжие брови, что-то отмечал в записной книжке. Невозмутимо попыхивал самодельной трубкой дед Бубух. И только бабушку редко увидишь в чуме — все стряпает, коптит, сушит мясо и рыбу, заготавливает птицу впрок: к скорому аргишу, а кое-что и к зиме.

Приближалось точкование, или, как говорит дядя Николай, переучет оленей; взрослые напридумывают слов. Запоминай потом в школе все эти слова. И так русский язык трудный. Поэтому и завели в Эвенкии нулевой класс — учат русскому языку.

Дядя Николай дотошный, все ему надо знать. Расспрашивает отца, деда, бабушку. И чего-то записывает, записывает.

Однажды говорит отцу:

— Хороший у тебя сынишка растет, трудолюбивый. Учится, наверное, на пятерки.

А Генка как раз за чумом был. Услышал разговор. Стыдно ему стало. Потихоньку ушел подалее. И целый день потом боялся, что отец про школу спросит...

Пронесло.

А вот скоро приедут гости из колхоза. Целая бригада: и председатель, и зоотехник, и бухгалтер. Да еще охотники придут оленей отбирать — вьючных и учагов. Много народу соберется. Точкование — это и праздник: прибавляется колхозное стадо, всем радостно, всем весело. Особенно отцу — его трудом богатеет колхоз.

Но, между прочим, Верка — дочь председателя. Она-то уж наверняка разболтала о «гусях» в Генкином дневнике...

Скажи про это председатель — суровым станет отец, прикажет:

— Собирайся домой.

Как ни упрашивай — бесполезно...

Долгими солнечными вечерами Генка играл с Сободем, катался на учаге, а то брал пачку соли и шел к оленям. Подзывал короткими криками: «Мэа, мэа!» Совсем как олененок подзывает мать. Потом бросал соль на ягель. Олени с аппетитом поедали подсоленную пищу.

Животные смелели, ближе подходили к мальчику и уже брали соль из его крепких ладошек, обдавая теплым дыханием, щекоча кожу рук

мягкими, бархатистыми губами. Ох, как не хотелось бы Генке уезжать из стада!..

Бригада из колхоза приехала на катере. Стук мотора услышали днем. Отец, дядя Николай, дед Бубух отправились к реке встречать гостей. А бабушка разожгла в маленьком чуме костер, чтобы нажарить побольше шашлыков. Генка поймал вангая, свистнул Соболю и кружным путем, но раньше взрослых оказался на берегу.

Первым на берег сошел председатель. В левой руке он держал цветастый мешочек, довольно-таки объемистый. Председатель со всеми поздоровался за руку, а Генке отдал мешочек.

— Мама передала. Скучает о тебе.

Раскрыл Генка мешок — шоколад, конфеты в красивых обертках, печенье...

Вечером взрослые долго разговаривали о делах. Отец расспрашивал о других оленеводческих бригадах, о видах на урожай белки, соболя и еще о многом. Слушал Генка и старался понимать, пока не уснул. Сладко-сладко.

Назавтра целый день гонял Генка оленей. Незаменимым помощником был на своем быстром учаге. Раньше взрослых успевал. Да еще помогал ему верный Соболю.

Два загона соединялись длинным коридором из жердей. Из большого загона в маленький, по коридору, и помогал Генка гнать оленей. Перед входом в маленький загон стоял отец, выкрикивал названия пробегавших оленей:

— Авалаканх! Важенка, важенка! Бык! Важенка! Хор! Важенка, важенка!

Около отца — дядя Николай и бухгалтер колхоза с блокнотами. Блокноты у них в клеточку, как тетрадки по арифметике. На каждой строчке — название оленя. Когда отец это название выкрикивал, они ставили в клеточке точку.

В каждой клеточке помещается четыре точки. Потом точки соединяются палочками по бокам и крест-накрест. Получается как бы перечеркнутый квадратик. Четыре точки и шесть палочек — десять оленей означает каждая клеточка. Потом только сложи — и готово!

Двое считают — для контроля, сверяются, чтобы не ошибиться.

Много оленей собралось в маленьком загоне. Больше, чем в прошлом году.

Глава седьмая

Через неделю стадо двинулось в путь. Сквозь зеленую тайгу, через горы, ручьи и маленькие озерца по ягельным местам.

Не спеша брели олени по маршруту, который выбрал Генкин отец. Поправлялись животные после голодной зимы, с удовольствием поедали молодой мох и свежую зелень.

Вместе со стадом кочевали и пастухи.

Большой маршрут у стада. Идут олени по сытным, незатоптаным пастбищам, набираясь сил. В одном месте этот маршрут близко подходит к поселку. Здесь Генка должен покинуть отца, вернуться к маме.

Однажды после обеда ехал мальчик по тайге,

подгонял потихоньку отбившихся важенок с оленятами. И так думал: в поселке никто уже с ним не станет разговаривать, как со взрослым. В поселке-то он троечник... Все будут ставить в пример Зинку и Верку. Мама, хоть и соскучилась, обязательно поругает... А уж чего там в этой учебе особенного? Если еще и дома заниматься, так не хуже, а, пожалуй, получше бы девчонок отвечал! Возьму да буду отличником... запросто!

Занятый своими мыслями, не сразу понял Генка, что означает громкий хруст веток и быстрый топот многих оленьих копыт. А когда понял, замерло у него сердце — дикий!

Страшен дикий олень для домашнего стада. Хуже волка он, хуже медведя.

Сколько оленей может волк или медведь погубить? Ну, пять — семь. А дикий, попадая в стадо, становится вожаком, слушаются его домашние олешки, бегут за ним. Вот и угоняет десятки, а то и сотни... Всю работу пастухов может свести на нет.

Что делать?

— Па-па! — изо всех сил закричал Генка, чувствуя, как и его олень непослушно тянет в сторону, совсем не туда, куда направляют.

— Па-па!..

Олень под Генкой внезапно прыгнул, мальчик чуть было не вывалился из седла. Что-то больно ударило по спине — ружье! Громко залаял Соболь.

«Ну, берегись, дикий!» — храбро подумал Генка и, пригнувшись к голове учага, отпустил повод.

Олень будто этого и ждал. Кинулся в сторону затихающего шума, ловко лавируя меж деревьев.

Полетели навстречу Генке колючие ветки лиственниц, больно ударяя по голове и плечам. Еще ниже пригнулся мальчик. Никогда еще так быстро не ездил. Бежал олень, не чуя ног, словно хотел оторваться от земли и в длинном-длинном прыжке нагнать уходящее стадо.

Тревожно вдалеке звенели колокольчики.

Учаг изменил направление, и мальчик понял: олень побежал наперерез дикому.

Генка уже не слышал лая Соболя, отстала собака. Вот если бы Соболь сумел как-нибудь сообщить отцу или деду Бубуху, что в стаде дикий!..

Мелькнула мысль: далеко отъехал он за важенками да еще медленно погонял, чтобы оле-

ни по пути ели ягель. Отец с дедом, однако, на большом расстоянии. Могут не сразу понять беду...

Долго бежал Генкин учаг, не сбавляя шага, будто и не уставая вовсе. Напрямик к ручью, куда устремился и дикий. Все отчетливее звенели колокольчики, и, наконец, заметил Генка: мельтешат их серые спины в лесных зарослях. Осторожно передвинул ружье на грудь и, не снимая ремня, попробовал зарядить.

Два патрона в кармане, два патрона!

Не всегда ты прав, дед Бубух...

И тут Генка увидел дикого. Закинув ветвистые рога на спину, тот гнал, казалось, ничего не видя впереди.

Это был точно такой же олень, как и все, бегущие за ним, неопытный глаз не отличил бы его от домашнего. Но Генка, видя дикого впервые, сразу заметил подтянутость, сухощавость и крепкую мускулистую незваного гостя.

Мальчик сунул один патрон в рот и, передвинув затвор, вставил второй в патронник. Поднял ружье.

На счастье, открылась большая поляна. Но Генка никак не мог прицелиться на ходу. Ружье приходилось держать одной рукой, ствол дергался при каждом шаге оленя.

Да еще надо было спешить. На противоположной стороне поляны, за редкими соснами, заросли осинника и рябины, а дальше — ручей. Если дикий перескочит ручей и за ним другие олени, то в лесу их уже не остановишь!..

Генка выстрелил.

Дикий метнулся вправо, к ближним кустам и деревьям.

Промазал Генка!..

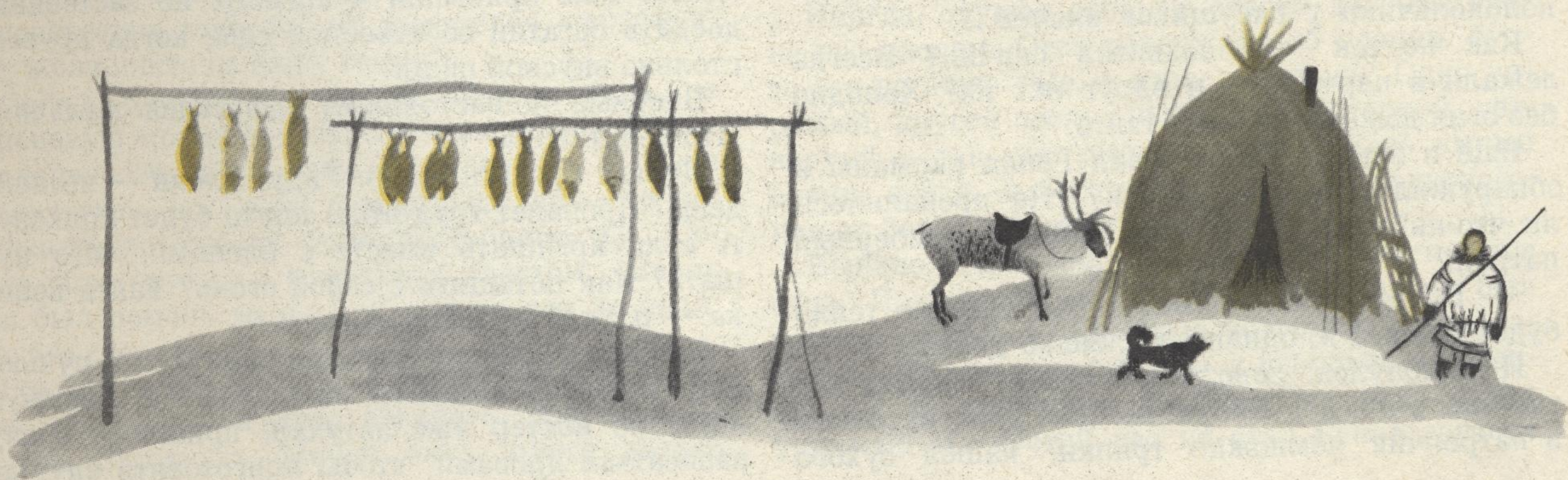
Чуть не плача, мальчик зарядил второй патрон, но было уже поздно — поляна кончилась, дикий скрылся в зарослях. В отчаянии Генка надал пятками по учагу, и тот от неожиданности отпрянул влево, пошел напролом через кусты. Мимо проносились олени, усталые, хрипло дыша.

Генка очутился у ручья, сбоку от дикого, когда тот замер на мгновение перед прыжком.

Мальчик вскинул ружье, и тут ветка больно хлестнула его по руке, раздался выстрел.

Генка увидел, как дикий вытянулся в прыжке над водой — опять промазал, и нет больше патронов!..

Теперь самые сильные олени, следовавшие за диким, не отставая, прыгали через ручей. Ген-



кин учаг тоже прыгнул. Мальчик успел заметить, что в воде барахтается какой-то олень — не одолел преграды.

В горячке Генкин учаг сразу после прыжка ринулся вперед и вскоре оказался в первых рядах бегущих животных. Генка во все глаза искал дикого, но его почему-то не было. Понемногу темп затих, а потом олени и вовсе пошли шагом.

«Что такое? — удивился мальчик. — Устали? Где дикий?..»

Он повернул учага. Тот послушно повиновался.

Не смея еще верить в удачу, Генка отправился назад, к ручью.

Так и есть: второй, случайный выстрел поразил дикого оленя. Пуля попала в шею. Удар ее сбил прыжок, дикий скатился в воду...

Дно горного ручья еще сохраняло ледяной покров, раненый олень не мог выбраться из воды — слабеющие ноги скользили по гладкому льду. Он хрипел — кровь захлестывала горло.

Храбро Генка соскочил с учага, привязал его к дереву и, вынув пурту, замахнулся на дикого.

— Назад! — закричал он. — У, харги!..

Тот не испугался мальчика. Из последних сил старался выкарабкаться на берег. Но и Генка не отступал. Размахивал ножом и кричал.

Потом Генка увидел: дикий прекратил борьбу, обессилен. Тогда взял маут и сразу же заарканил рога. Потянул на себя — тяжело, не вытянуть. Привязал свободный конец маута к своему учагу и, погоняя, выволок дикого на берег.

На всякий случай Генка привязал маут с диким к дереву, а сам вновь сел на учага и стал сбивать в кучу оленей, которые теперь, без вожака, как ни в чем не бывало, мирно паслись неподалеку.

Между тем наступала ночь. Правда, белая ночь. В ее белесом свете все хорошо было различимо. Но уже поднимался с земли туман, а в кармане Генки не оказалось спичек. Разгоряченный погоней, мальчик остыл и начал понемногу мерзнуть.

Да и страшно — один в лесу, а где отец?..

Куда увел дикий? Скоро ли найдут?..

Не слышно, чтобы стреляли. А уже пора хватиться пропажи...

Совсем замерз Генка и все вслушивался, не раздастся ли далекий выстрел карабина, не залает ли Соболь. Полная тишина окружала его, даже куропатки не кричали. Тихо позвякивали колокольчики у пасущихся оленей...

Как же так — не захватил спички? Всегда лежали в кармане — и вдруг нет их? Холодно без огня даже в весенней тайге.

Еще и еще раз обшаривал Генка карманы и обнаружил в одном дырочку. Не провалилось ли что-нибудь? Так и есть!.. Мелкокалиберный патрон!

— Будет огонь, — сказал сам себе, — тепло будет, а мяса я, однако, маленько добыл...

И улыбнулся, довольный. Генка сделал все так, как учил дед Бубух: вынул пулю, натолкал в патрончик немножко тряпки, нашел сухого

мха и выстрелил тряпкой в мох. Потом быстро раздул огонек, подбросил веток, костер занялся.

Веселее с костром Генке. Почувствовал себя хозяином тайги. Поднес дров, вырезал у дикого оленя язык, обжарил на костре, поел. Совсем хорошо стало мальчику, только начало клонить в сон. С трудом принес два толстых вывороченных корневища, чтобы огонь в костре не погас, устроился поудобнее и сам не заметил, как заснул...

Глава восьмая

Проснулся Генка от ощущения, что его кто-то целует. Это рядом стоял Соболь и, радостно повизгивая, лизал в щеку. Щенок был мокрый — перебирался через ручей вплавь.

— Соболь, — сказал Генка, — откуда пришел? Где чум?

Щенок, к сожалению, не понимал человеческого языка. Он пытался еще раз лизнуть мальчика.

А Генка спохватился — костер еле тлел. Надо беречь огонь, неизвестно, когда отыщет его отец или дед Бубух... Подбросил сучьев, раздул огонь.

— Сейчас, Соболь, позавтракаем, — сказал щенку. — Со мной не пропадешь!

Сказал так Генка, посмотрел на мокрую собаку и заторопился — холодно голодному Соболю.

Острой пуртой вспорол дикого оленя.

Ну, тут пришлось потрудиться. Как ни остра пурта, с трудом идет — крепкая у оленя шкура. По-хозяйски вынул Генка внутренности, чтобы мясо не испортилось. А Соболю за то, что отыскал хозяина, отдал лакомую печень. Сам же с удовольствием поел полупрожаренный шашлык.

— Теперь за работу! — сказал собаке после завтрака. — Нечего бездельничать!

Строго сказал. Почти тем же тоном, что и отец, когда он говорит о серьезных делах.

Затем подвел учага к поваленному дереву — коротки еще ноги, чтобы взобраться с земли, — вскочил в седло и поехал сгонять оленей.

За ночь олени отошли от ручья довольно далеко. Генка понял: не удержать их на одном месте. Уже привыкли к аргишу, не заставишь доедать остатки собственной еды, когда кругом столько вкусной пищи.

Впервые по-настоящему испугался мальчик. Что делать?..

Нельзя бросать стадо. Уйдут олени — не найдешь. Пропадет труд отца, плохо будет колхозу. А если аргишить вместе с оленями, чего кушать? Как потащить с собой огонь? Тайга велика — плутай хоть целый год...

К обеду уставший мальчик вернулся к ручью. Ему хотелось посидеть на солнышке, вытянув ноги, но костер уже затухал, пришлось сразу запасаться дровами, чтобы приготовить еду, да



Генка увидел, как дикий вытянулся в прыжке над водой.

еще натаскать, чтобы не потух огонь и после обеда и ночью.

А когда, наконец, приготовил себе шашлык и поел, загрустил мальчик. Слушал таежную тишину.

Молчала тайга. Не было в ней слышно ни человеческих голосов, ни выстрелов карабина. Неужели никто не ищет Генку?..

Соболь смотрел на хмурое лицо хозяина, на тоненькую морщинку, обозначившуюся у Генки на переносье, и все пытался заглянуть в узкие щелки глаз, но Генка отводил взгляд — не показывать же собаке свою растерянность!.. Соболь тихо скулил и помахивал хвостом. Щенок рад был помочь мальчику, только вот не знал, как это сделать.

Генка чувствовал: его разбирает усталость. И уже появилась мысль посидеть подольше у костра, отдохнуть. Может быть, олени далеко

не уйдут?.. Но вспомнил отца и его совет: хочешь быть сильным — и через силу дело делай, гони от себя лень.

— Со мной, Соболь! — прикрикнул мальчик на щенка, хотя тот и так готов был бежать за ним хоть на край света.

Иногда, слушая отца, не совсем доверял Генка его словам. Отец рассуждал об оленях, будто это не животные, а взрослые люди. Один упрямый, другой послушный, третий озорной, четвертый — так, ни рыба ни мясо. Есть умные олени, а есть и бестолковые! Из бестолкового, как ни бейся, учага не выучишь.

Выпало Генке убедиться в правильности слов отца. Помучился с важенкой, у которой был черный олененок. Два раза подгонял, и два раза она убегала, возвращаясь к небольшому озерцу, где ей нравилось пастись. Вот ведь какая упрямая! На третий раз не стал Генка гнаться

по пятам, а побежал кратчайшим путем к озеру и там встретил непослушную олениху. Задал ей жару! Без отдыха гнал к стаду, приучал к дисциплине. И Соболю помогал — зло облаивал провинившуюся.

Когда был наведен порядок, Генка подумал: а ведь он может завернуть стадо, возвратит на старое место, к ручью, только ниже по течению. Или выше. Это уж как захочет.

— За дело, Соболю! — крикнул Генка и, выехав вперед, стал сбивать оленей с маршрута, который животные выбрали сами.

Не так-то просто повернуть оленей. Охрип мальчик от крика, совсем замучил учага, пока не добился своего. Большую дугу описало стадо, прежде чем направилось к ручью. И уже стало темнеть, когда Генка услышал шум журчащей воды.

Еще день провел мальчик в тайге. Здорово устал. После ужина наладил костер и сразу же крепко уснул.

Не знал Генка, что вторую ночь не спят отец и дед Бубух. Ищут. Но совсем в другой стороне. А бабушка скорым аргием в первую же ночь достигла поселка и подняла тревогу. Все взрослое население вышло на поиски. Судя по маршруту стада, мальчик должен находиться где-то недалеко от колхозной усадьбы — километров пятнадцать — двадцать, но он как сквозь землю провалился...

Дядя Николай и председатель связались по радиации с окружным центром Турой, попросили помощи. Из Туры вылетел вертолет. Дядя Антон, как лучший следопыт, сел в вертолет, чтобы показать маршрут стада.

Но в том-то и дело, что дикий увел оленей в сторону от маршрута! Сбил с толку отца, деда Бубуха и дядю Антона...

На третий день с самого раннего утра вертолет описывал круги, делая их все большими и большими. Как потом говорили летчики, они

искали Генку по квадратам на карте. Дядя Антон первый заметил синеватый дымок Генкиного костра.

— Сюда! Сюда! — закричал Генка, услышав гул вертолета. Бросил в пылающий костер сырого мха. Большой столб дыма поднялся вверх.

Вертолет не мог приземлиться около Генки — слишком мала площадка. Приземлился на другой стороне ручья. И вскоре прибежал обрадованный дядя Антон.

Он хотел было обнять мальчика, но, увидев убитого оленя и жарящийся шашлык, сдержался.

— Здравствуй, Генка, — сказал он. — Как дела?

— Вчера олени были все, сегодня еще не смотрел, — с достоинством ответил мальчик. — А где папа, дед Бубух?

— Они тебя ищут, — сказал дядя Антон и не выдержал, обнял Генку.

Тут Генка чуть было не расплакался.

— Собирайся, — проговорил дядя Антон, — скорее полетим в поселок! Ведь все тебя ищут!

— А олени? — спросил Генка. — Нельзя бросать.

— Да... ты прав, — сказал дядя Антон и опять крепко прижал к себе мальчика. — Я останусь. Доверишь своего учага?

На вертолете вместе с верным Соболю полетел Генка. Сначала визжал Соболю. А потом затих и лег в ногах.

Сверху хорошо видно. Как только перелетели гору, сразу заметил Генка отцовское стадо. Вертолет снизился и завис. Летчик прямо из кабины два раза бабахнул зелеными ракетами. Потом снова полетели. Видели внизу людей, похожих на маленьких букашек.

Еще несколько раз снижался вертолет, а летчик палил из ракетницы. Это был сигнал, что Генка нашелся.



Лет тридцать пять назад несколько мальчишек склонились над свежим номером «Пионера». Читали, перечитывали, не могли начитаться досыта напечатанным там стихотворением. Одним из мальчиков был автор этих строк, а другим — автор самого стихотворения Миша Кульчицкий. Первый раз напечататься! Да еще в Москве — это надо было понимать. В те годы дома и деревья казались выше, а расстояния — длиннее. «Пионер» был столичным журналом, а Миша — нашим харьковским парнем, таким же литкружковцем, как и все мы, таким же начинающим поэтом. И вот его напечатали в Москве. Позже меня много раз печатали в Москве, но никогда я не испытывал такого ошеломления, как в тот вечер в Харьковском Дворце пионеров.

О нем тоже нужно сказать несколько слов. Сейчас дворцов много, а этот был первый — и в Харькове и во всей стране. Только что столицу Украины перевели в Киев, из города выехало множество правительственных учреждений, освободились лучшие здания. Лучшие из лучших передали ребятам.

Во Дворце была комната сказок, где освещение менялось по ходу повествования — рассвет, полдень, полночь происходили по мановению руки рассказчика.

Во Дворце заседало общество юных полярников и не только заседало, но и выезжало в полном составе в Северный Ледовитый океан, на Новую Землю.

Во Дворце всем желающим бесплатно выдавали по стакану газированной воды. Платить нужно было только за воду с сиропом.

Во Дворце устраивались массовые елки.

Все это — и сказки с разноцветным освещением, и полярники, и бесплатная газировка, и даже елки — было впервые.

Кроме того, во Дворце собирался литературный кружок, куда ходило человек двадцать ребят, в том числе и мы с Мишей.

На кружке мы и познакомились. Случилось так, что мы пришли туда в один и тот же вечер и оба прочитали по стихотворению. Я — обыкновенное, а Миша — необыкновенное.

То, что стихи были необыкновенными и необыкновенным был их автор, было совершенно ясно каждому.

Сколько лет было тогда Мише? Четырнадцать или пятнадцать. Но он уже был поэтом.

Мы все, литкружковцы, писали стихи к Первомайским праздникам, или по случаю первого снега, или по случаю первой любви, или по случаю плохого настроения.

Миша писал стихи всегда, по всем случаям, с утра до вечера. Позднее, в университете, какой-то профессор сказал ему: «У тебя, Кульчицкий, посещаемость пунктирная». В школе у Кульчицкого тоже была пунктирная посещаемость. А когда он приходил на уроки или позднее на лекции, от этого было мало



Б. СЛУЦКИЙ

**ДЕТСКИЕ
ГОДЫ
ПОЭТА
МИХАИЛА
КУЛЬЧИЦКОГО**

академического проку. На уроках и лекциях Кульчицкий также писал стихи.

Мы учились, гуляли, ездили на велосипедах, влюблялись. Кульчицкий также делал все это, но лениво и как будто в тумане. Он писал стихи.

У него дома я увидел библиотечку книг поэзии. Кое-что досталось Мише от отца, когда-то в молодости, в бытность офицером Стародубского полка, издавшего две книжечки стихов. Но большую часть книг Миша собрал сам, безжалостно экономя на пятаках и гривенниках, выдававшихся ему матерью на завтрак. Аппетит у Миши был превосходный, и почти каждый день он приносил его в жертву своей любви к поэзии. Однако почти все, что мы любили в поэзии, многое из того, что не любили, — многие сотни книг были куплены, прочитаны, перечитаны, выучены наи-

зуюсь. Рядом с русскими книжками стояли украинские. Шевченко и Павла Тычину мы любили так же, как и русских поэтов.

То, что поэзия — труд, Кульчицкий понял очень рано. От него остались многие и многие тысячи строк. Среди них не только стихи, но и упражнения. Что такое упражнения? Это значит написать стихи в манере Маяковского или Лермонтова, Хлебникова или Шевченко, причем соблюсти рифмы, ритмы, строфику, словарный строй учителя. Таких упражнений у Кульчицкого были сотни.

Много лет спустя, вчитываясь в поэмы раннего Лермонтова, я обнаружил у него такие же «упражнения», помогавшие осваивать поэтику Пушкина.

Многому выучился Миша и на переводах, переводя с украинского на русский и с русского на украинский. Позднее он стал «переводить» Жуковского в манере Маяковского и наоборот. Таких «переводов» я никогда и ни у кого более не встречал.

Для нас, для двух десятков литкружковцев, стихи были увлечением в ряду других увлечений, занятием в ряду других занятий. Для Миши они были жизнью. Он даже не строил иных планов, кроме поэтических.

А теперь прочитайте внимательно отрывок из поэмы «Самое такое», написанный, когда Мише было уже более двадцати лет.

Для меня стихи —
 вокругшарный ветер,
никогда не зажатый
между страниц.
Кто сможет его
от страниц отстранить?
Может,
не будь стихов на свете,
я бы родился,
чтоб их сочинить.
Но если бы
кто-нибудь мне сказал:
сожги стихи —
коммунизм начнется, —
я только б терцию
промолчал,
я только б сердце свое слышал,
я только б не вытер
сухие глаза,
хоть, может, в тумане,
хоть, может,
согнетя плечо над огнем.

Никакого сомнения нет, что если бы жизнь поставила Мишу перед невероятным выбором: «Сожги стихи — коммунизм начнется», — он бы сжег стихи. Однако жизнь сложилась иначе. В июне 1941 года началась

война. В то время Миша жил в Москве, учился в Литературном институте Союза советских писателей. Ему было неполных двадцать два года. Но он очень созрел как поэт. Среди десятка сверстников, которые тогда шумели в студенческих аудиториях Москвы, Миша очевидно выделялся и талантом, и рано пришедшей умелостью, и даже количеством сделанного. У нас у всех был десяток-другой дописанных до конца стихотворений. У Миши — огромная бухгалтерская книга, гроссбух, как он ее называл в подражание Хлебникову, у которого тоже была такая книга. В гроссбухе были многие сотни страниц, испещренных стихами. Мишу начали печатать в больших журналах. Его хвалил руководитель нашего семинара в Литературном институте прекрасный поэт Сельвинский. Его любили Эренбург, Асеев, Кирсанов — как раз те люди, мнением которых Миша особенно дорожил. На литературных вечерах Мишу уже не только провожали, но и встречали аплодисментами. Начинаясь слава. Однако еще прежде славы пришла война.

22 июня 1941 года райком комсомола послал нас с Мишей по домам проводить митинги. Я провел одиннадцать или двенадцать, с непривычки сорвал горло, устал, пошел в общежитие и немедленно заснул. Вскоре Кульчицкий разбудил меня, и мы пошли записываться добровольцами.

Война развела нас по разным фронтам. В январе 1943 года под Сталинградом младший лейтенант Кульчицкий пал смертью храбрых. Большое, тяжелое, сильное тело Кульчицкого упало на землю, которую он любил больше всего в жизни, и вскоре смешалось с этой землей. Гроссбух затерялся где-то в стрелково-минометном училище на подмосковной станции Хлебниково, которое Миша окончил перед отправкой на фронт. Однако ранние стихи Миши были сохранены его матерью Дарьей Андреевной и сестрой Олесей — Ольгой Валентиновной. Нелегко было сохранить эти стихи. Без малого два года Харьков был оккупирован фашистами. Арестовали и замучили Мишиного отца. По городу шли повальные обыски, а две женщины, одна из которых была тринадцатилетней девочкой, хранили, перетаскивали с квартиры на квартиру рукописи, каждая строка которых была против фашистов. Если сейчас книга Кульчицкого издана, если его стихи дошли до народа и переведены на многие языки, если, как мне рассказывал поэт Михаил Львов, мэр французского города встречал советскую делегацию со стихами Кульчицкого на устах, — за это надо поблагодарить Мишину семью.



АЭРОДРОМ

Мачт антенных частота.
Желтым блещет солнца
фара.
Крыльев строй суровый
стал,
Где стеклянные ангары.

Крыльев ширится размах,
Шелестят шасси по травам,
Воздух газами пропах
И горячими ветрами.

Небо льется голубым,
Ветры утренние чисты.
Разрывая тучи дым,
Прыгают парашютисты.

Расширяя горизонт,
Все бежит от бури грома.
Стал прозрачней неба зонт
Над травой аэродрома.

В шлеме кожаном пилот
Направляет к небу крылья.
Дирижабль стремится
в полет.
А навстречу — эскадрильи.

Зашумел аэродром,
Юность песню запекает.
И пурпуровым огнем
Знамя мачта развекает.

1936 г.

* * *

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: лейтенант
Звучит «налейте нам»,
И, зная топографию,
Он топает по гравиию.

Война ж совсем не фейерверк,
А просто — трудная работа,
Когда —

черна от пота —

вверх

Скользит

по пахоте

пехота.

Марш!
И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чеботы
Весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино!

Хлебниково — Москва.
26 декабря 1942 года

МОЙ ГОРОД

Я люблю родной мой город Харьков —
Сильный, как пожатие руки.
Он лежит в кольце зеленом парков,
В голубых извилинах реки.

Я люблю, когда в снегу он чистом
И когда он в нежных зеленях.
Шелест шин, как будто шелест
листьев,

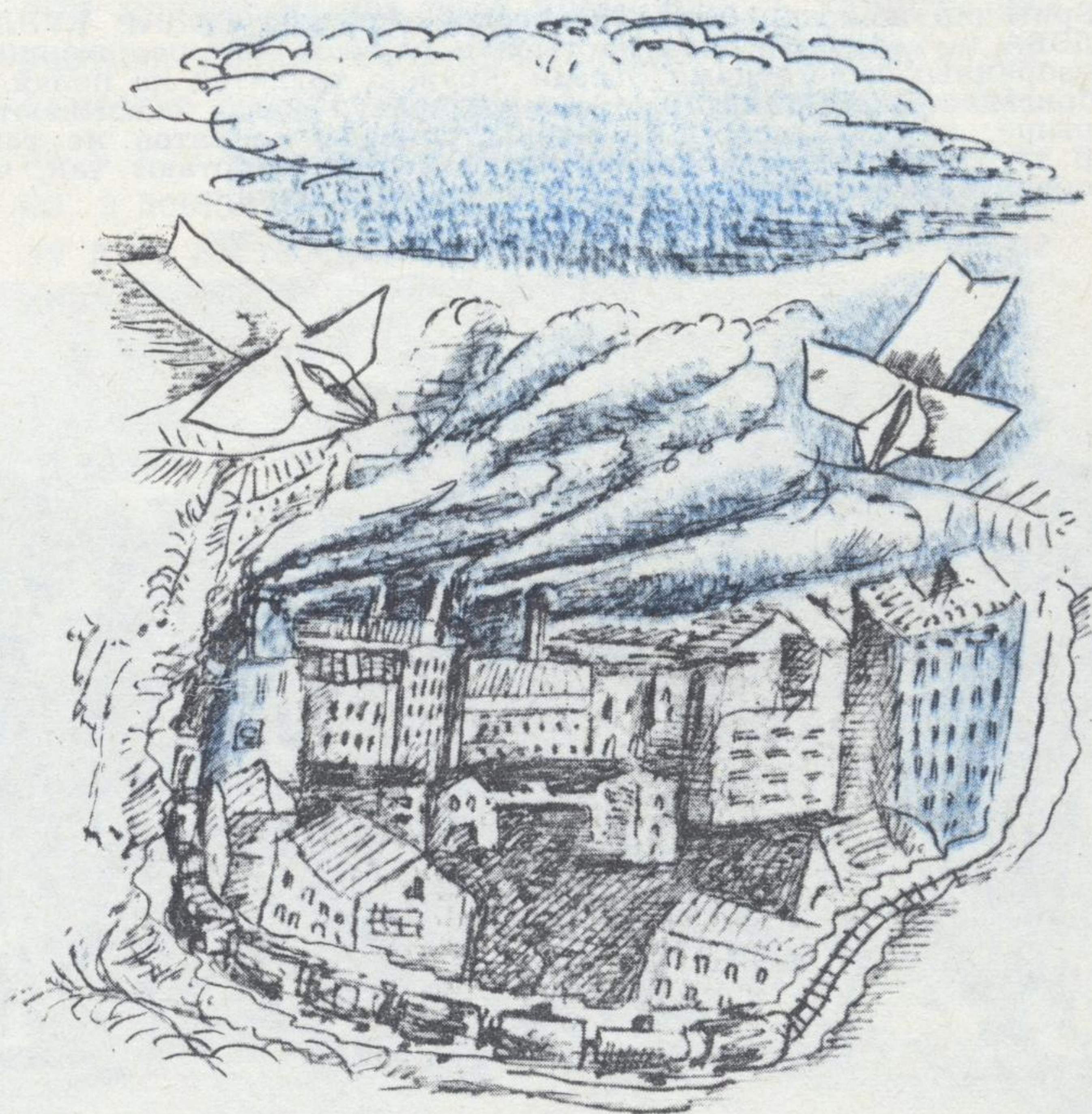
На его широких площадях.

От Москвы к нему летят навстречу
Синие от снега поезда.
Связан он со всей страной крепче,
Чем с созвездьем связана звезда.

И когда повеет в даль ночную
От границы орудийный дым,
За него и за страну родную
Жизнь, коль надо будет, отдадим.

1939 г.

Рисунки Ю. ВАЩЕНКО.



ДЕЛ ВПЕРЕДИ МНОГО!

«Дел впереди много — дел интересных и увлекательных. Нас ожидают годы самоотверженного и вдохновенного труда. Только так мы воплотим в жизнь предначертания съезда», — сказал в своей речи при закрытии XXIV съезда коммунистов Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. Почти пять тысяч делегатов съезда — рабочие и министры, колхозники и ученые, военные, деятели культуры, вернувшись со съезда, трудятся сейчас на своих рабочих местах.



Коммунист, делегат XXIV съезда партии товарищ МАСОЛ — директор завода. Кабинет директора очень напоминает штаб, руководящий большим сражением. На Новокраматорском машиностроительном и впрямь сражение. Только мирное, трудовое.

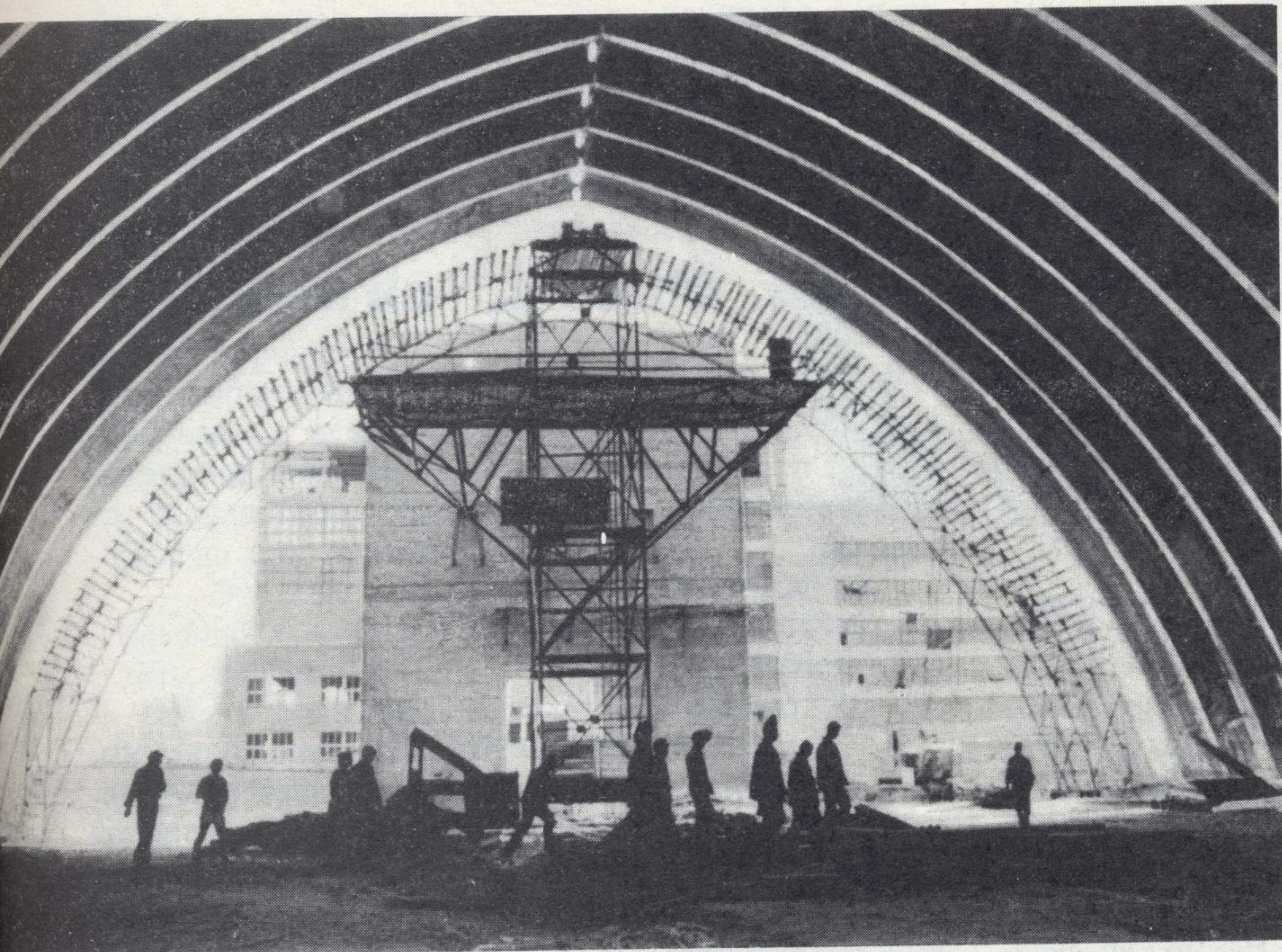
Делегат съезда АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ХРАМЦОВ — рабочий. На «Уралмаше» знают Александра Ивановича, его трудовую хватку, его высокий талант мастера. Не только молодые ребята идут к нему за помощью и советом.

ЛЮБА БЕЗУГЛОВА после школы пришла на Краснодарский хлопчатобумажный комбинат. Прошло девять лет с той поры. Ткачиха Любовь Безуглова освоила пять профессий, научилась работать так, что у нее теперь учатся другие. Товарищи по работе избрали ее своим партийным вожаком и послали своим делегатом на XXIV съезд коммунистов.

Вернувшись со съезда, писатель АНУАР АЛИМХАНОВ вновь сел за свой рабочий стол. Один из самых популярных писателей Казахстана, А. Алимханов воспекает в своих произведениях людей труда.

Бригадир женской хлопководческой бригады САПАР КУРЛИДОВА (в центре) — одна из тысячи двухсот четырех женщин, избранных делегатками съезда. Дружно трудится на полях ее бригада. Урожай, которые она собирает, всегда оказываются выше, чем у других. Но члены бригады секретов не таят. В туркменском колхозе «Коммунизм» все работают так, что правительство наградило колхоз орденом Ленина.





Эдуард БРАНДЕС

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

«СОЛЬ ЖИЗНИ»

Довести в 1975 году поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений до 72 млн. тонн и кормовых фосфатов — до 3 млн. тонн.

Из Директив XXIV съезда КПСС.

Рожденный морем

Случилось это давным-давно, когда ни нас с тобой, ни наших бабушек и дедушек, ни бабушек бабушек и дедушек дедушек, ни бабушек бабушек бабушек и дедушек дедушек дедушек да и вообще человечества еще в то время не существовало.

Триста миллионов лет назад Земля выглядела совсем не так, как сейчас. Там, где на наших картах моря, возвышались горы, а там, где степи, долины и пустыни, бушевали моря. Они покрывали почти всю сушу.

На территории нашей страны от Ледовитого океана до Каспийской низменности простиралось море, названное геологами Пермским.

Одна за другой менялись геологические эпохи. И Пермское море с каждой эпохой тоже меняло свой облик: то разливалось, то отступало от берегов, пока не исчезло совсем.

Море оставило громадные залежи разных солей. И среди них — хлористый калий, одно из самых ценных минеральных удобрений.

Калий — это пища для растений. Без него они не образуют плодов, увядают и гибнут. Принятый почвой калий дает возможность капусте нарастить кочан, сахарной свекле — увеличить количество сахара, картофелю — подбавить крахмала в клубни, льну — удлинить и укрепить волокна, а зерновым — пшенице, овсу, ржи — такую силу дает в стебель, что они ни при каком ветре не полягут.

В чистом виде калий в природе не встречается.





Больше всего этого удивительного элемента, который называют «солью жизни», в хлористом калии, или в сильвине.

Добывают сильвин из сильвинита—минерала, в котором хлористый калий смешан с поваренной солью и глиной. Добывают на калийных комбинатах.

Город на сильвините

Есть такой город на Урале — Березники. Молодой город, веселый, ему всего сорок лет. Так вот, здесь уже работают два таких комбината. И выпускают они половину всех калийных удобрений, производимых в нашей стране.

Можешь представить, что будет, когда построят третий комбинат, четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой! А это дело не за горами. И вполне возможно, что ты приедешь работать на одну из березниковских строек.

И если ты удивишься, почему, мол, в одном городе столько комбинатов, то на это каждый тебе здесь ответит:

— Город наш особенный, он стоит на сильвините.

И тебе покажут полосатый красно-белый камень. Глядя на этот камень, ты сможешь представить, как оседали на морское дно соли. Сначала на глину откладывался красный слой — это сильвин, если лизнуть его языком, то он окажется на вкус горьким. Затем оседала другая соль — поваренная, получался слой белый.

Когда я впервые взял в руки этот чудесный камень, я долго вертел его, рассматривал каждый кристаллик и, конечно же, незаметно лизнул. И

тотчас убедился, что сильвинит горько-соленый, как морская вода. Я бы, к примеру, от такой пищи отказался. Но если растениям она нравится, если нет для них еды вкуснее, то надо дать им ее, и как можно больше!

На самом, самом...

Второй Березниковский калийный комбинат самый большой в Советском Союзе и во всей Европе. Он намного моложе города. При въезде на его территорию еще сохранился транспарант со словами:

**ВСЕСОЮЗНАЯ
КОМСОМОЛЬСКАЯ
УДАРНАЯ
СТРОЙКА**

— Почему **ВСЕСОЮЗНАЯ?** — спросишь ты.

— Потому что сюда, на строительство комбината, приезжали люди из самых разных городов и поселков. Это были и опытные строители, и солдаты, демобилизовавшиеся из армии, и школьные выпускники.

КОМСОМОЛЬСКАЯ — понятно почему. Строили комбинат молодые, комсомольцы.

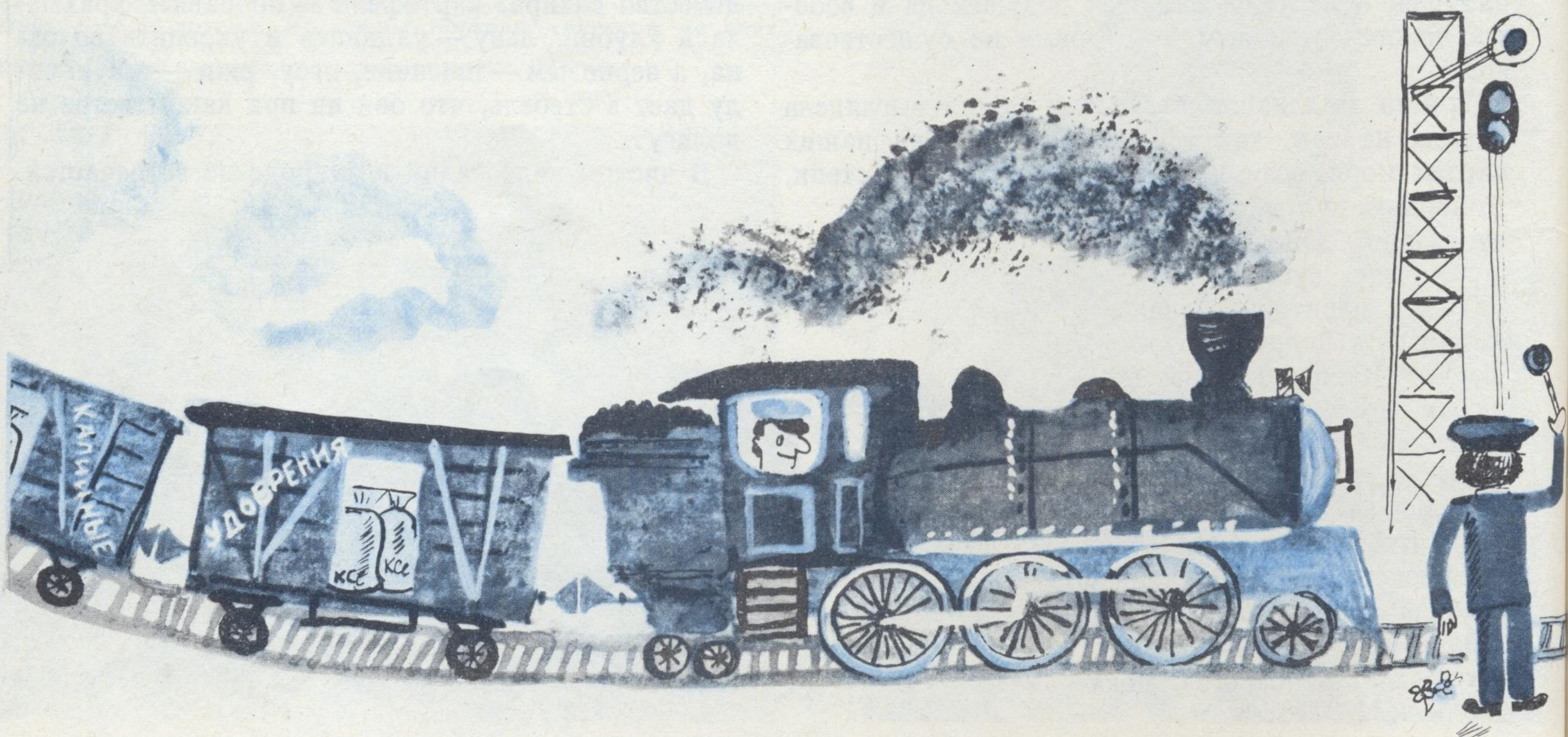
— Почему **УДАРНАЯ?**

— Стройка была особенно важна для страны, и работали на ней по-боевому, дружно.

Продукция комбината очень нужна всем полям — и центральных областей, и Белоруссии, и Казахстана, и Сибири. Уже разъехались бетонщики, штукатуры и каменщики по другим стройкам, а комбинат все набирает и набирает мощность...

Город Березники называют республикой химии. Здесь много химических предприятий. Но калийный комбинат узнаешь сразу. Только у него есть настоящий шахтерский копер — высокая башня с колесом наверху.

На шахте, как и полагается, добывают руду. Ее поднимают в специальных вагончиках-скипах.



Каждый такой вагончик весит двадцать две тонны. Вот для чего нужен копер. В нем стоят мощные лебедки, которые поднимают вагончики на высоту стопятидесятиэтажного дома. И тросы у этих лебедок соответствующие — толщиной с мою руку.

Электромоторы лебедок гудят строго и сердито. Словно говорят: «Проходи, проходи мимо. Не мешай работать».

Я и не мешал им. Я только смотрел на них и восхищался.

— Это еще что! — сказали мне на комбинате. — Вот в шахту спуститесь, тогда...

И мы спустились в шахту. Сначала я даже не поверил, что нахожусь под землей, на глубине нескольких сот метров. Передо мной открылся зал с такими высокими, сверкающими сводами, что ему мог бы позавидовать дворец Снежной королевы. И чем дальше мы шли по залу, тем удивительней он становился: стены казались увешанными драгоценными коврами с легкой серебристой выпушкой.

— Красные стены — это сильвинит, — сказали мне. — Сильвинита тут так много, что ни одно месторождение в мире с нашим не поспорит.

От центрального зала в разные стороны уходили галереи. В них работали комбайны. Прижмется комбайн к стенке галереи огромным диском, выпустит зубья, включит моторы — и такой скрежет и свист пойдет, точно целый лесопильный завод заработал. Одни зубья взрывают стенку, а другие сдирают с нее пласты.

Комбайн и режет сильвинит, и подбирает его, и посылает на транспортеры. Нелегкая это работа. Но проходит комбайн целых семнадцать метров за день.

Транспортерные ленты несут руду в центральный зал, где ее загружают в скипы. Там, где еще нет транспортеров, двигаются саморазгружающиеся вагоны.

Воздух в калийной шахте удивительный. Чистый, сухой, прохладный, свежий, как на море.

— Мы хотим в шахте специальный профилакторий устроить, — сказали мне. — Такой воздух самый полезный для здоровья.



Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Сильвинит поднимают на поверхность. И вот тут-то начинается его превращение в пищу полей.

Сначала глыбы минерала подают на солемельницу. Их дробят на более мелкие куски. Глыбы пропускают между двумя барабанами, вращающимися навстречу друг другу. На барабаны насажены крестовины, к которым свободно подвешены молотки. Эти неутомимые молотки ударяют по кускам сильвинита и раскалывают их. Дробленую руду просеивают на больших ситах и размалывают на быстро вращающихся вальцах. Потом молотый сильвинит по транспортеру направляют на химическую фабрику.

Сильвина в сильвините примерно четвертая часть, почти три четверти в нем поваренной соли, немного других солей и около двух процентов глины. И эти разные вещества надо на фабрике отделить друг от друга.

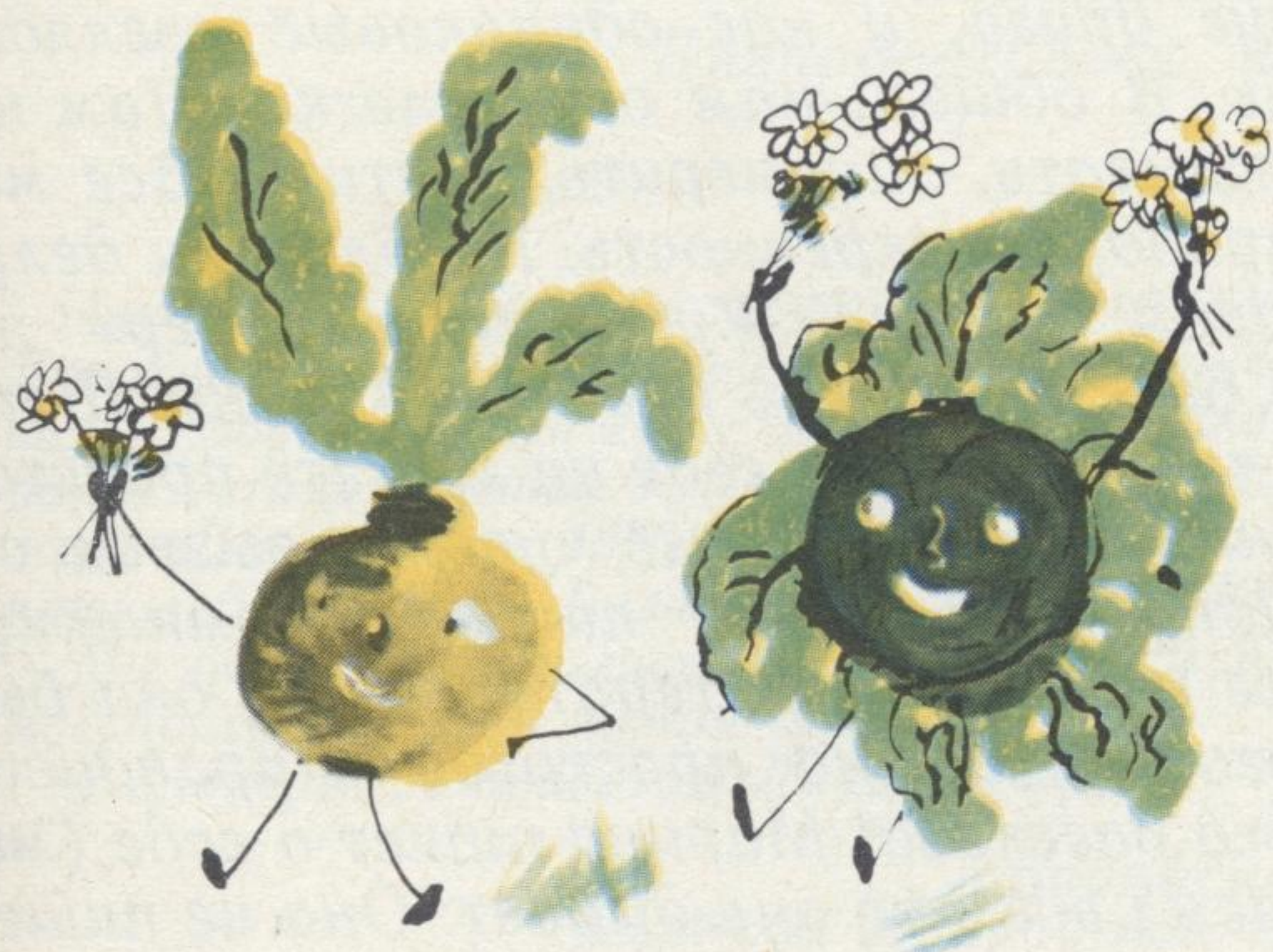
Сильвин и поваренная соль в холодной воде ведут себя почти одинаково, но в горячей воде растворяется больше хлористого калия. С повышением температуры в растворе, насыщенном обеими солями, содержание хлористого калия растет. На этом химическом свойстве и основано получение хлористого калия из сильвинита.

Молотый сильвинит насыпают в огромные котлы с горячей водой. Когда весь хлористый калий растворится, насыщенный раствор сильвина охлаждают. Холодный раствор с выпавшими кристаллами попадает по трубам в центрифуги. Центрифуги бешено вращаются, на их стенках оседают кристаллы сильвинита. Специальные ножи срезают соль со стенок. Отсюда сильвин отправляют в сушилку, а потом на склад...



И вот уже бегут поезда по дорогам страны... Бегут длинные составы вагонов, на которых простым ученическим мелом написано: «Березники». И все железнодорожники понимают, что в этих вагонах корм для полей, садов, огородов.

И таким поездам дают «зеленую улицу». Пусть быстрее получит лакомую пищу земля — наша кормилица!



Ящерица

Ящерица подползла к самой избушке и посмотрела на меня маленькими глазами. Я ей протянул руку. Она охотно влезла, посидела, повертела головой. Убедившись, что я ей не буду делать ничего плохого, полезла по плечу и долго сидела на спине.

Я ее погладил вдоль туловища, и она побежала вниз по штанам на землю. Остановилась. Я шагнул к ней и тут заметил паука величиной с вишню.

Ящерица мгновенно бросилась на него. Он сопротивлялся, но она стала его мотать и прикусывать зубами, и, наконец, расправилась с пауком, и побежала дальше.

У кочки остановилась. К ней подбежала другая ящерица. Эта была светлая, а моя — темная. Темная ящерица — самец.

Самка подошла совсем близко, и тогда мой ящер отдал ей паука, и она сразу же исчезла в траве, а самец побежал дальше охотиться за насекомыми.

✱

Билеты на сон

Почему на сны нельзя
Покупать билеты?
Сон с названием «Зима»,
Сон с названием «Лето»...
Быстро лягу я в кровать,
Кнопочку нажму,
Захочу — увижу осень,
Захочу — весну.

Я могу увидеть льва,
А могу и львицу.
Мама на меня не будет
Никогда сердиться:
«Почему весь день в кино
Пропадаешь где-то?»
Почему на сны нельзя
Покупать билеты?

Письма в «Кораблик»

Дорогая редакция!
Пишут вам девочки, простые пионерки. Мы дружим давно, с первого класса. Причем сдружились не потому, что живем рядом и учимся в одном классе. Нет! Просто мы отлично понимаем друг друга, у нас одинаковые взгляды на жизнь. В общем, нам очень легко. Нам не нужно скрывать, лицемерить, лстить. Все мы любим правду и искренность. Но ближе к делу.
В первом номере журнала «Пионер» за 1971 год был напечатан рассказ Марины Шептуновой «Лебеди». Вы себе не можете представить, какие разнообразные чувства вызвал он у нас! Одна из нас тоже пишет понемножку. Она тоже увлекается литературой. Но она была до того восхищена простотой и правдивостью этого рассказа! Марина пишет о себе (мы так думаем) все, что она думает. Она не пишет



Вова СЕКУНДО,
он живет в Москве,
учится в 6-м классе.

Чайник

Серебристый чайник на плите стоит,
Серебристый чайник на меня глядит,
Серебристый чайник все шипит, шипит,
Серебристый чайник крышкою стучит.

Алла СЕМЕНОВА
живет в Ленинграде,
учится в 6-м классе.

Я хочу собаку

Я хочу собаку,
Все равно какую,
Белую или черную,
Только чтоб большую!
Чтоб была разумной,
В магазин ходила,
А потом бы с почты
Газеты приносила!
Я хочу собаку,
Дога или бульдога,
Пусть всякие болонки
Ей дают дорогу!
Умную такую —
Просто золотую!

Наташа ГРАЧЕВА,
Владимирская область,
дер. Бельково.

В покосе

Хорошо в покосе летом —
Пахнет лугом и травой.
Луг, ромашками одетый.
Сена стог стоит прямой.

И блестят на солнце косы.
И дрожат на травах росы.



«НА ПРОСТОРЕ».
ШВЕЦОВА Ира, 10 лет.

«Кораблик» отвечает

об осени «чужими» словами, как делают многие. Она пишет о своей осени.

Когда мы прочитали рассказ, мы поняли, что мысли Марины — это наши мысли! А как близка нам (и, мы думаем, многим читателям) тема ее рассказа. Какой же она все-таки замечательный человек! Потому что, даже если она писала о выдуманном герое, то и тогда она не может быть плохой.

Когда читаешь ее рассказ, чувствуешь: каждое слово идет от сердца. Мы очень благодарны Марине за ее рассказ. Она, которой мы почти не знаем, заочно стала нашей пятой подругой.

Элла, Аня, Ира, Ната
г. Днепрпетровск, школа 118

Пишут вам ученицы пятого и шестого классов Лидя Лопатина и Галя Кочанова. Мы давно выписываем журнал и любим читать его... Однажды мы нашли в «Мурзилке» стихотворение «Большие уши», которое в 3-м номере «Пионера» за 1970 год напечатано как собственное произведение Юры Великанова из города Шахты.

Мы очень возмутились таким поступком Юры: как он мог присвоить себе чужой труд?

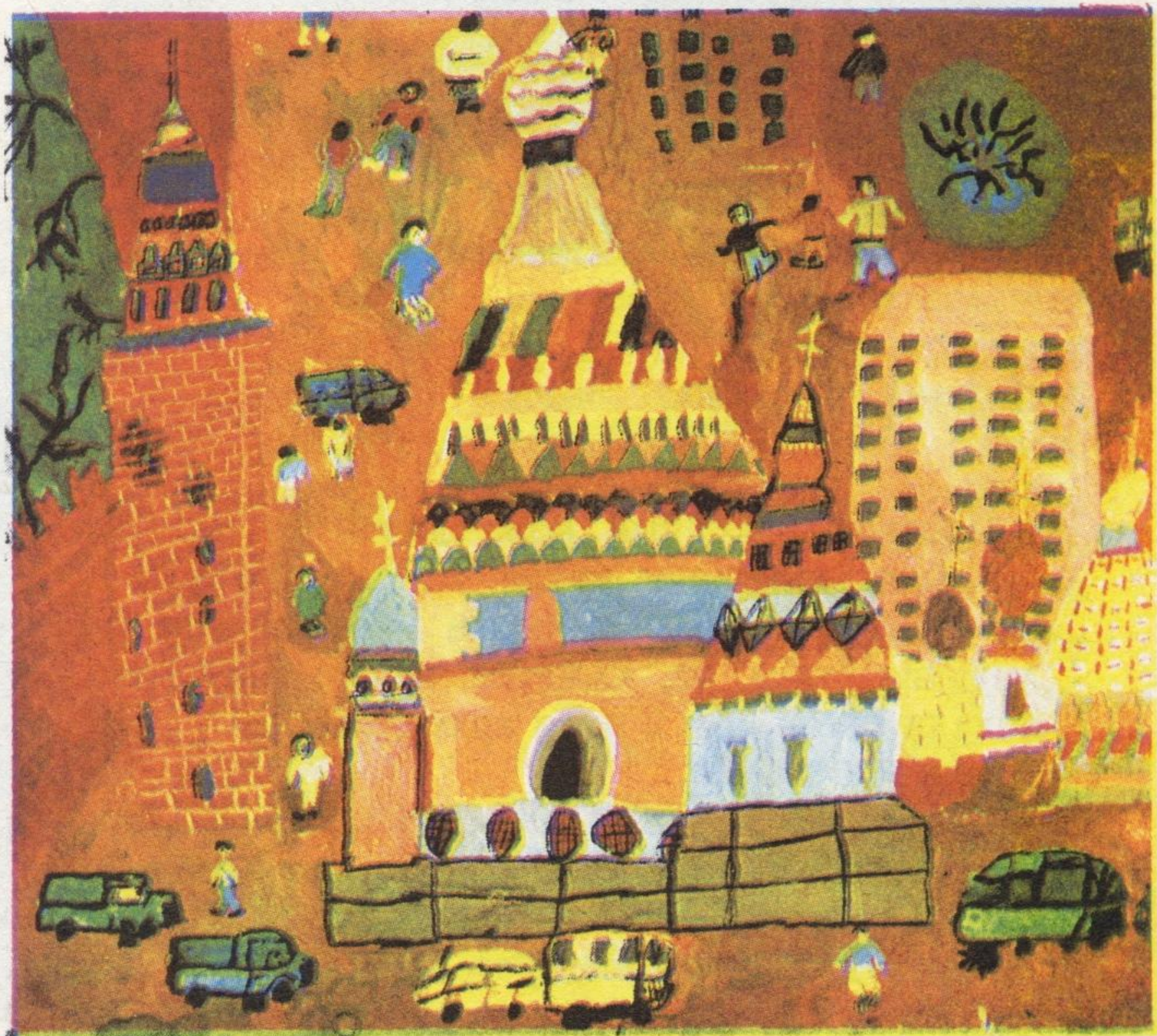
С пионерским приветом Лидя и Галя.

«ПОКРОВСКИЙ СОБОР».
АНДРЕЕВ Витя, 10 лет, Электроугли.

Юра Великанов обманул нас, выдал чужие стихи за свои. Что же получилось, прославился ли этот мальчик? Пожалуй, прославился, но так, как никому бы мы не пожелали.

«Кораблику» очень неприятно, и всем его авторам и читателям тоже.

Вот и все, и пусть больше никогда такого не будет!





Последний удар ножом — и показалось изображение юной согдианки, играющей на старинной арфе.

О ноже...

Простой кухонный нож: длинное, негнущееся лезвие и деревянная ручка. Ни на что другое, кроме чистки картофеля, резки капусты или разделывания рыбы, он, кажется, не пригоден. Однако попади такой нож в руки археолога, как начинают твориться чудеса.

Открываются двери дымных шалашей первобытных охотников и рыболовов, появляются на свет божий разноцветные настенные росписи в развалинах дворцов, чувствуется гарь сожженных воинственными пришельцами селений, и слышится

РАССКАЗ О НОЖЕ, ДРЕВНЕМ КУРГАНЕ, СКРИПКЕ И НЕОБЫКНОВЕННОМ КОНЦЕРТЕ

**Р. САДОКОВ,
археолог**

шум битвы и плач по погибшим. Сотни, тысячи ударов ножом — разной силы и направленности — наносит археолог скрывающей в себе исторические сокровища земле. А иногда на острие археологического ножа вдруг забьются, зазвонят старинные мелодии.

Музыка? Но ведь это звук, тающая и навсегда исчезающая волна. Как же остановить ее распад и «услышать» самые первые, самые удивительные звуки, заслоненные от нас контурами отодвинутых в века зыбких империй, шумом человеческих переселений и хаосом неожиданных катастроф?

Нет, рецепт достославного барона Мюнхаузена здесь непригоден. Помните, как он однажды в

сильный мороз ехал из Петербурга домой, на родину? А тогда движение почтовых карет сопровождалось звуками особого сигнального рожка. Но мороз, как впоследствии рассказывал Мюнхаузен, был настолько крепок, что звуки, извлекаемые кучером, моментально замерзали и не достигали ушей тех, кому предназначались. Так барон и ехал в полной тишине и молчании. Постоялый двор, где меняли лошадей, весь светился теплом и уютом. Барон долго топтался у горячей печки, хлопал в ладоши, ужинал, как вдруг в комнате раздались громкие, четкие звуки почтового рожка: «Тру-туту! Тра-тата! Ра-рара!» Это отогревшиеся у печки звуки оттаяли и сами по себе стали вылетать из валявшегося тут же рожка, устроив постояльцам гостиницы несколько запоздалый концерт.

— Мы с кучером,— заканчивает рассказ Мюнхаузен,— в течение всего вечера наслаждались этой очаровательной музыкой.

Конечно, сколько бы мы с вами ни сидели у горячей печки, нам никогда не услышать оттаявших звуков, разве что «стрельнут» горящие жарким пламенем березовые поленья. Потому что только работа, а не сидение сложа руки у печи, только научные исследования, будь то раскопки древних курганов или изучение пожелтевшей от времени старинной рукописи, только, наконец, большая любовь к музыке смогут приоткрыть завесу над одной из самых трудноразличимых областей человеческой культуры — музыкальным прошлым.

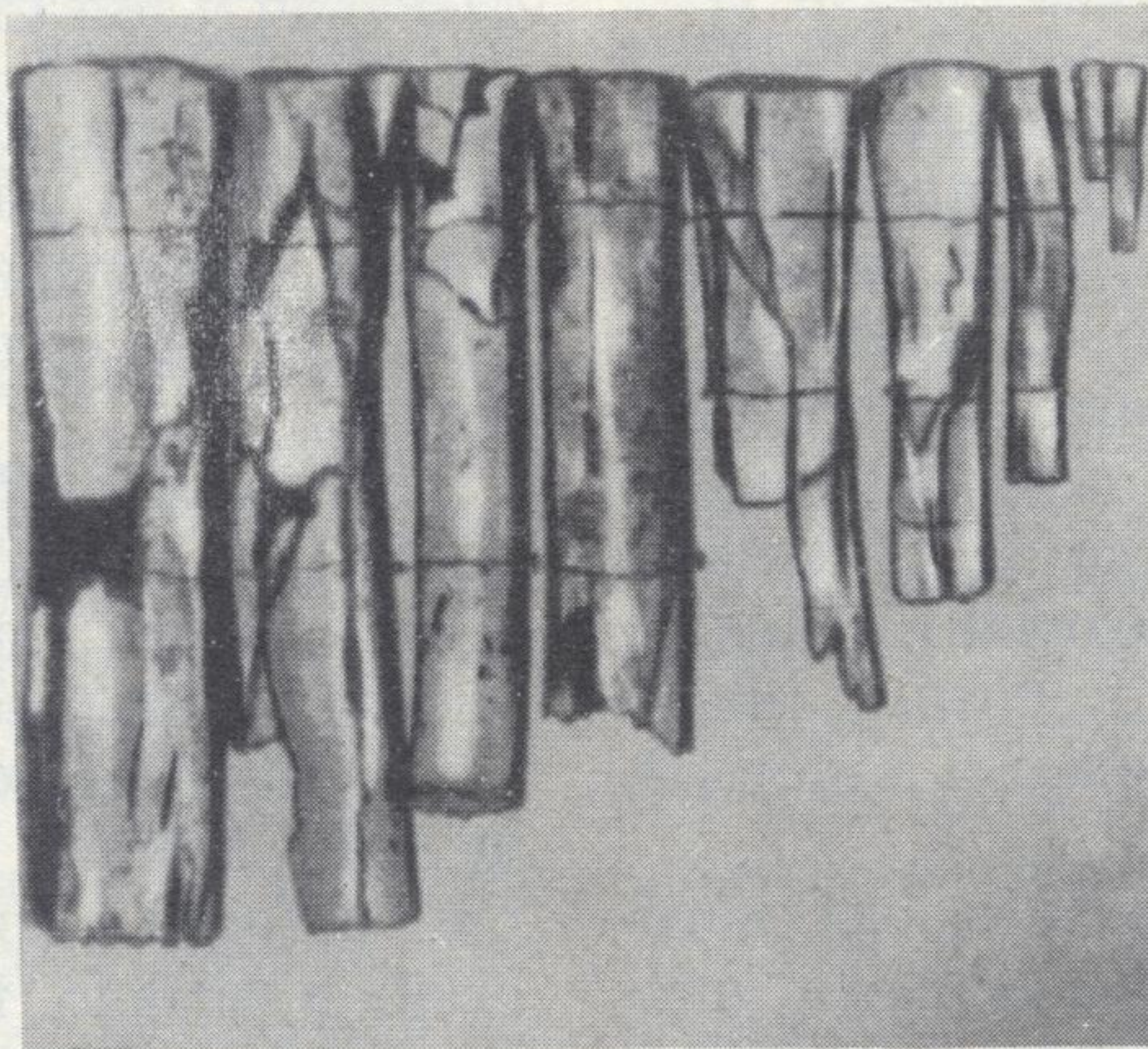
Есть две отрасли науки — музыка и археология, сплав которых делает былью рассказ знаменитого барона.

«Музыкальная археология»... Что это такое? И можно ли так говорить? Конечно, термин не совсем точный, но пока он единственный, которым мы можем назвать эту очень молодую отрасль исторической науки. И одним из самых интересных разделов музыкальной археологии, без сомнения, является изучение исторического прошлого музыкальных инструментов.

...древнем кургане

Лето в Заволжье жаркое и сухое. Небольшой археологический отряд Саратовского университета разбил свой палаточный городок возле села Скатовки. Предстояло копать курганы. Их было пять — невысоких, плоских возвышенностей. Если бы не точный глаз археологов, никто и не заметил бы этих заросших травой «плюшек». Перед тем как сделать первый удар лопатой, гадали, когда они были насыпаны. Хотелось раско-

На самом дне древней могилы лежал этот необычный инструмент.



пать курганы подревнее, а некоторые мечтали даже о «бронзовом» кургане, то есть кургане, относящемся к бронзовому веку. Первая же земляная гробница повергла мечты археологов в прах! Под насыпью лежали останки кочевника золотордынского времени, рядом с ним покоились принадлежащие ему вещи. Обыкновенные, хорошо известные археологам вещи! М-да... не тот сюрприз. Археологи недоверчиво покосились на второй курган, поплевали на руки и принялись за дело. Через некоторое время стало ясно, что он того же времени, что и первый. Когда закончили с третьим и четвертым курганами, в руках у археологов оказалась коллекция типичных кочевнических вещей: колчаны из бересты, стремяна, удила, кожаные сумки и даже кресало и кремни. Оставался последний, пятый курган. Что таит он в своих недрах? Такого вопроса даже и не возникло. Известно что: еще один кочевник.

Надо сказать, что археолог, помимо множества практических навыков, должен обладать еще и музыкальным слухом. Но вовсе не для того, чтобы напевать или насвистывать песенки, а для того, чтобы услышать, где грунт не тронут, а где вскопан. Иными словами, по звону лопаты археолог должен уметь определить край древней могилы. Когда археологи, копавшие пятый скатовский курган, услышали, что звонкий стук лопат вдруг сменился на мягкий, шуршащий, они поняли, что под ними могильная камера. Потому что земля в ней мягкая и рыхлая, не в пример плотным и звонким стенкам.

И вдруг... Из земли, словно цыпленок из яйца, проклюнулся горшок. Хороший такой глиняный горшок с простым и красноречивым орнаментом. Горшку было 5 000 лет! По сравнению с ним все эти кочевники были просто детьми. Археологи радостно и облегченно вздохнули. Наконец-то! Бронза! А вот и сам хозяин! Желтый, словно лакированный лоб черепа, пустые глазницы, вытянутые вдоль туловища распавшиеся кости рук...

Но что это? Возле одного из сосудов лежит кучка тонких, хрупких косточек, обильно посыпанных красной краской. Несколько осторожных взмахов мягкой кистью — и глазам изумленных археологов предстали восемь костяных трубочек разной длины и неодинакового диаметра: мал мала меньше... Когда их рассмотрели, то оказалось, что края у каждой трубочки очень ровные и аккуратно обработаны, а бока отшлифованы. Что и говорить, находка была необычной. В таких случаях разгадка либо приходит сразу, либо откладывается на неопределенно долгое время. Назначение восьми костяных трубочек было сформулировано быстро и кратко: «духовой музыкальный инструмент типа флейты Пана».



*Песни туркменских башии
можно слушать долго...*

Погребенный в кургане человек, без сомнения, любил и умел играть на этом инструменте, и, когда он умер, сородичи простодушно решили, что ему будет неуютно на том свете без сладостных и нежных звуков его флейты, и положили ее к нему в могилу. Так он и пришел к нам спустя пять тысячелетий со своими горшками, бронзовым ножом и флейтой.

...скрипке

У южных отрогов Султануиздагских гор, там, где разноцветные ступенчатые обнажения окаймляют черный скалистый хребет, поднимаются величественные развалины древнего города. Никто не знает настоящего его имени, зовут его просто и безлико «Топрак-кала» (Земляная крепость). Пучеглазые ящерицы сторожат молчание темных, осыпающихся сводов; вверху, в блеклом, выцветшем небе, неподвижно висят на раскинутых крыльях черноперые птицы.

Если вам повезет, когда-нибудь там побывать, непременно посетите уютный домик старого музыканта Айтбая-ага. Там, среди глиняных тарелок, разноцветных шелковых сюзана и нехитрого домашнего имущества, можно увидеть скрипку. Она, словно оружие, висит на стене, заботливо покрытая прозрачной полиэтиленовой пленкой. А если особенно повезет, у Айтбая-ага соберутся его товарищи-музыканты и сыграют такие музыкальные пьесы, каких никогда и нигде не услышать. И, возможно, в этом концерте прозвучит мелодия, которая захватит вас целиком, и потом, много лет спустя, вы вспомните ее, поражаясь властной, гипнотической силе ее воздействия.

Мелодия тягуча и плавна. Сначала она неторопливо взберется вверх и, постояв немного, опустится. Потом она так же спокойно и величаво

поднимется, достигнет какой-то невидимой вершины и, словно споткнувшись, упадет вниз. Опять взлет и опять падение. Но чувствуется, что внутренние силы нарастают, звучание инструментов становится громче, и возникает нетерпеливое ожидание победы. Она близка, армии звуков под барабанный грохот пойдут на последний приступ звуковой высоты — еще, еще немного...

Когда я впервые услышал эту мелодию, я незаметно посмотрел на своих спутников. Они сидели, напряженно внимая диковинной страстной мелодии. Она же, казалось, обрела самостоятельность и, как джин, выпущенный из сосуда, бушевала вокруг независимо от нас и сама по себе. Это была и узбекская и в то же время не узбекская мелодия. По рисунку музыкальных фраз, по интонациям я старался угадать окраску пьесы.

Между тем исполнение близится к концу. Мелодическое восхождение, наполненное яростью и ликованием, достигает звуковой вершины и на какое-то мгновение застывает в победном, звенящем кличе. Не пропустите этот момент и посмотрите на руки музыкантов. Вы увидите, как кисть дядюшки Айтбая сожмет струны своей скрипки у основания грифа, максимально укорачивая их, пальцы ребабчи (музыканта, играющего на ребабе — струнном инструменте) застынут в том же положении, а дарьячи (музыкант, играющий на бубне) «выстрелит» такой затейливой вязью ритмов, что они сольются в один дрожащий высокий звук...

Топрак-кала! Я вспомнил, где нужно искать прообраз этой пьесы! Там, в немых развалинах, начинается живая музыкальная нить, на которую, словно бусины, нанизаны века.

...Отшумела жизнь. Проходя по гулким помещениям дворца; можно ощутить тревожное чувство встречи с прошлым. Вот здесь когда-то горел огонь в камине, там восседал суровый хорезмшах Вазамар, в мастерских гнули тяжелые, тугие лу-

ки. Зал, стены которого украшены глиняными изображениями танцующих мужчин и женщин в масках, предназначался для царских пиров. Здесь отовсюду веет музыкой: «ночь Мины» — веселый хорезмский праздник, сверкал, гремел и плескался именно тут.

Выбрасывая глиняный завал, скопившийся в комнате за семнадцать веков, ученые обнаружили на стене роспись, то есть картину, нарисованную красками прямо на штукатурке. На росписи изображена большеглазая, смеющаяся девушка, играющая на маленькой девятиструнной арфе. Арфистка одета в широкую, свободную юбку из ткани светло-пепельного цвета, шея, плечи и живот обнажены. На руках у нее тонкие браслеты. Черные, густые волосы волнообразно начесаны на лоб и пышными прядями падают на плечи. Когда нашли этот прелестный портрет, комнату решили назвать «комнатой арфистки». Но оказалось, что археологи поторопились. Спустя какое-то время в том же помещении нашли еще два изображения: лютнистки, то есть музыкантши, играющей на лютне, и барабанщицы. Было высказано предположение: а не изображен ли здесь целый ансамбль, древнее инструментальное трио? Это очень похоже на правду, и главное, что объединяет все три портрета, — положение рук на инструментах: арфистка щиплет самую короткую струну арфы, лютнистка укорачивает (то есть нажимает) струны прямо на стыке грифа и корпуса лютни, а барабанщица обеими руками бьет в маленькую (есть еще большая, на другой стороне) мембрану барабана. Что это значит?

Как известно из физики, звучание натянутой струны тем выше, чем она короче. «Голос» у короткой струны звонкий, а у длинной низкий, рыкающий. Древнехорезмийская арфистка играет на самой короткой струне — значит, арфа звучит высоко, звонко. Лютнистка левой рукой тоже сильно укоротила струны, следовательно, звук, получившийся от удара по струнам правой рукой, опять высокий и звонкий.

А теперь представим барабан, не тот, древний, а наш, современный, какой можно увидеть в любом оркестре. Ударим по большому барабану — он загрохочет, словно гром, а маленький звонко затараторит, будто в него бросили горсть гороха. Так вот третья музыкантша играет на самой маленькой мембране барабана, значит, ее инструмент «тараторит» весело и звонко. Вот и получается, что все «три девицы» одновременно «взяли», как выражаются музыканты, один высокий тон.

В музыке такое часто бывает. Если попытаться «нарисовать» мелодию песни или танца, симфонии или оперы, то в рисунке будет видимо-невидимо всевозможных треугольников. И все они своими вершинами обращены вверх. Иными словами, мелодия то подскакивает, то падает, то устремляется ввысь, то снова опускается. Но все эти треугольники заключены в один, самый большой. Вершина этого треугольника — кульминация. Особенно хорошо это чувствуется в узбекской музыке. Там такая вершина — кульминация — называется ауджем. Во время ауджа многотысячная толпа



Изображение хорезмийки, которая пела и играла 1700 лет назад.

слушателей замирает, затихает, словно парализованная.

Теперь вы понимаете, почему я ахнул, когда увидел, как дядюшка Айтбай нажал струны своей скрипки совсем не в привычном месте, не на грифе, а где-то там, где начинается корпус скрипки? И из-под смычка вылетел высокий, тонкий, как пение жаворонка, звук. Ведь так же нажимала струны своей лютни и безымянная древнехорезмийская лютнистка! И арфистка! И барабанщица! Значит, и то древнее трио и трио дядюшки Айтбая исполняли произведения, где обязательно был яркий, звенящий аудж.

Как удивительно!

А откуда взялся индийский колорит песни, который вначале смутил меня? Тут уж без истории не обойтись. Древнехорезмийские музыкантши были нарисованы на рубеже III—IV веков нашей эры, то есть тысячу семьсот лет назад. А двумястами годами раньше Хорезм переживал один из труднейших периодов своей истории: он попал под власть сильной среднеазиатско-индийской империи, известной в науке под названием империи Кушанов. Такое вассальное, зависимое положение длилось примерно сто лет, после чего в начале III века новой эры (то есть за сто лет до создания портретов музыкантш) Хорезм решительно освобождается, и сам, в свою очередь, становится могущественной державой, которую современники сравнивали разве что с Римом.

И вот, чтобы подчеркнуть величие нового государства, правители его строят колоссальный трехбашенный дворец Топрак-калу со множеством помещений, пышно украшенных настенными росписями, причудливыми глиняными статуями, множеством колонн и т. д. Все направлено на укрепление и развитие одной мысли: освобождение — независимость — величие.

А индийский «налет», индийская «окраска» пьесы, конечно же, возникла лишь во время наибольшего сближения с культурой Индии, то есть когда Хорезм потерял свою самостоятельность. Очевидно, в это самое время и родилась одна из народных свободолюбивых песен, отличавшаяся героическим характером и звавшая хорезмийцев на борьбу. Вполне естественно, что музыке, помогавшей освобождению, музыке, возвеличивающей новую державу, нашлось — и довольно значительное — место в новой резиденции хорезмшахов. Трудно, конечно, утверждать, что древнехорезмийский художник «нарисовал» именно ту песню, которую нам довелось слышать в современном Хо-

Академии наук переполнен. Только что с трибуны сошел человек, рассказавший о своей многолетней, тяжелой и блистательной работе. Без сомнения, такого заседания Академия еще не видывала.

Тотчас после доклада в зал вошли артисты Государственной капеллы, за рояль сел пианист, дирижер взмахнул рукой, и... под сводами Академии полилась могучая и скорбная «Песнь покаяния» на слова грузинского царя Давида Строителя.

Когда настанет время последнего вздоха,
Величие царственности пройдет и слава
померкнет...

Что это? Неужели возможно такое? Чтобы музыка, звучавшая тысячу лет назад и забытая за непонятной вязью древних нот, вновь ожила и донесла до нас дыхание тысячелетий?

В рукописи, которая хранится в музее Тбилиси, поэтический текст песнопений писан на пергаменте черным старинным шрифтом, а над и под



В Древнем Вавилоне любили играть на арфах.

резме. Но можно быть уверенным, что он изобразил одно из таких произведений, своего рода гимн освобождению.

Так скрипка старого музыканта, растолкав века, помогла решить загадку древней мелодии, а наука — музыкальная археология — доказала, что и немые на первый взгляд росписи заговорят, зазвучат, если подойти к ним, как к живым существам. Потому что в них — сердце и душа народа.

...и необыкновенном концерте

Находки древних музыкальных инструментов или их изображений редки. Значение их огромно. Это все равно, что найти древнюю рукопись или затерянный в песках пустыни город. Но есть и более трудная задача — заставить зазвучать древнюю музыку.

Этот день запомнился всем археологам, этнографам, музыковедам. Зал заседаний Грузинской

каждой строкой киноварью (красным) выведены какие-то значки. Это и есть те таинственные древнегрузинские ноты, за которыми, словно за бесчисленными печатями, была скрыта тысячелетняя музыкальная загадка. Тексты гимнов читались сравнительно легко, но музыка была мертва. Потому что красные музыкальные знаки упорно сопротивлялись расшифровке.

Многие ученые пытались раскрыть тайну загадочных нот. Впрочем, без всякого успеха. Потому что, как оказалось, они шли по неверному пути: знаки изучались сами по себе, а литературный текст сам по себе.

Павле Ингорква, грузинский историк и филолог, большой знаток древнегрузинской поэзии, начал с текстов. По общему мнению, они были прозаическими.

— Никто не учитывал, — недоуменно говорил П. Ингорква, — что в древности стихи и прозу писали сплошным текстом. Когда я стал вчитываться в тексты гимнов, я уловил в них сложный ритм.

Ритм! Это было так необычно, что исследователь отложил все дела и занялся... арифметикой. Дело в том, что в текстах есть красные и черные точки. П. Ингорква подозревал давно, что чер-



ные точки не простые знаки препинания. О своих упражнениях в арифметике ученый рассказал: «Я стал подсчитывать количество слогов между точками и обнаружил в них поразительную закономерность». Действительно, в первом абзаце одного из гимнов количество слогов между точками было: 7, 7, 7, 11, 7, 7, 5. И так во всех абзацах, вплоть до конца первой песни гимна. Во втором тексте другое: 5, 10, 5, 11, 5, 8, 10. И тоже до конца текста. Следовательно, черные точки в тексте не точки, а обозначение размера стиха. Гимны — это стихи. Правда, без рифм.

Таково было первое открытие П. Ингороквы. Но на этом ученый не остановился. Азарт научного открытия неудержимо влек его дальше. «Надо было раскрыть тайну музыки, ритмическая пульсация которой уже чувствовалась в самом строе стиха», — рассказывал исследователь.

Приступая к расшифровке таинственных музыкальных знаков, П. Ингороква чуть-чуть хитрил, говоря, что ему ничего не известно. На самом деле он уже давно разгадал один знак, когда работал над стихотворными текстами гимнов. Это была точка, красная «музыкальная» точка. Она соответствовала черной точке. Значит, заключил П. Ингороква, красная точка — знак музыкального размера, соответствующего размеру стиха.

А сколько же было всего музыкальных знаков?

Их оказалось не так много: всего восемнадцать, один из которых — красная точка — был разгадан. Некоторые из этих знаков употреблялись часто, другие реже, третьи совсем редко. П. Ингороква определил, сколько раз повторяется каждый знак во всех песнопениях всех рукописей и какое количество слогов стихотворного текста приходится на каждый знак. Вы представляете? Всех хоралов во всех грузинских рукописях 1 300. Уму непостижимо, как это П. Ингороква не запутался в своих выписках, таблицах и прочих разных бумажках.

И только для того, чтобы впоследствии просто написать: ...основных знаков восемь, остальные десять — дополнительные, редко встречающиеся.

Итак, восемь. Восемь нотных знаков. Магическое число! Одно оно говорило, что древнегрузинская нотопись основана на восьмиступенной октаве. Каждая из восьми ее ступеней обозначалась одним знаком.

Теперь наступило самое главное: нужно было заставить знаки зазвучать, то есть установить, какой звук скрыт за тем или иным знаком.

Давно было известно, что над первой строкой каждого гимна есть приписка, своего рода «подсказка», на какой «глас» его петь. И таких «гласов» было восемь. Опять восемь! Впрочем, особой тайны они уже не составляли. Это было обычное «осьмогласие» древнехристианской музыки, в котором каждый «глас» соответствует «ключу» в современной нотной системе. Допустим, «первый глас» — это гамма, начинающаяся от ре, «второй глас» — от ми и т. д.

...Павле Ингороква осторожно поставил на пюпитр рояля толстую нотную тетрадь. Сел. Еще раз взглянул на название древнего гимна, взял первый звук...

«Трудно передать неповторимое переживание тех минут, — вспоминал потом ученый, — когда я впервые услышал звуки, доносившиеся до меня из глубин веков, звуки, отделенные от нас десятью столетиями. Ведь если бы в расшифровке была допущена хоть одна ошибка, в результате получился бы случайный и бессмысленный набор звуков. А между тем... между тем звучала прекрасная торжественная мелодия!»

✱

Музыкальная археология — очень человеческая наука. И потому очень современная. И нужная. Пожелаем ей успеха!

★



СТИХИ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

В. БРОНЕВСКИЙ

Трубочист

Если верить трубочистам,
Всяк в трубу влезает чистым,

А потом, по крыше даже,
Ходит выпачканный в саже.

Ходит, сажу не стирает,
С высоты на мир взирает,

Видит больше, чем туристы.
Вот счастливицы—трубочисты!

И. КУЛЬМОВА

Дождик

Дождик на дворе уснуть не может,
Он всю ночь считает —
Вдруг поможет?
Сосчитал он брошенные грабли.
Не уснул.
Самого себя считал по капле.
Не уснул.
Млечный Путь пересчитал на
кружки.

Не уснул.
Сосчитал рябинки на кукушке.
Не уснул.
В огородах сосчитал все грядки.
Нет.
Сам себе загадывал загадки.
Нет.
Пел о чем-то до изнеможенья.
Ничего.
Повторял таблицу умноженья.
Ничего.
Сосчитал, что только можно было.
Нет как нет.
Все на все стал помножать уныло.
Нет как нет.
Перестал считать.
И помогло.
Задремал.
Но было уж светло.

Тень

Вот моя тень,
Глупая тень,
Ходит за мной,
Ходит весь день.
Так надоедлива,
Хоть и моя,
Все повторяет,
Что делаю я.
Я на прогулку —
Она на прогулку,
Я покупаю
Конфету и булку —
Тень покупает
Конфету и булку,
Я припускаюсь
По переулку —
Тень моя мчится
По переулку,
Я убегаю от тени
Во двор —
Тень моя тоже
Несется во двор.
Лезу в отчаянье
Через забор!
Лезет, представьте,
Через забор!
Я припускаюсь
По лестнице вскачь.
Скачет за мною.
Ну просто
Хоть плачь!



Л. Е. КЕРН

Уж

Шел
Уж
Узкой
Дорожкой,
Не шевелил
Ни одной
Ножкой.
Он
Шевелил бы,
Если бы
Мог,
Но
У него
Не было
Ног.

Перевел
с польского
Ю. ВРОНСКИЙ.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Е. ПОРАЗИНСКАЯ

* * *

Ветер веет с Вислы милой.
Я беру перо, чернила.
Он стучит в мое оконце.
Я пишу.

Тут будет солнце,
Будет лес, плетень и хата,
Где играла я когда-то...

Пусть богата заграница —
Не она в душе хранится.
Край родимый не покину,
Не уеду на чужбину,
Хоть бы золотом дорогу
Мне устлали.

Слава богу,
Вот мой лес, деревня,
поле.
Мне не надо лучшей
доли!





Шесть Наполеонов и двенадцать стульев

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ст. РАССАДИН,
Б. САРНОВ

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

«Неужели он не мог сам придумать?..»

«Дорогой «Пионер»!

Я прочла пятый рассказ о литературе, который называется «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!..».

Во-первых, меня огорчило одно ваше рассуждение. По-вашему получается, что Андерсен не сам придумал сюжет для своей сказки «Тень». Он взял его у какого-то другого писателя. Из вашего рассказа я поняла, что писатели так поступают довольно часто, и авторы рассказа как будто даже считают, что такой поступок правильный. А я считаю, что в этом есть все-таки что-то нехорошее. Особенно мне обидно за Андерсена. Он был такой талантливый! Неужели он не мог сам придумать сюжет для своей сказки?

А во-вторых, по-моему, писатель Вересаев правильно считал, что сюжеты у Гоголя случайные и не типичные. Вересаев правильно пишет: «Опытные чиновники принимают мальчишку-вертопраха за правительственного ревизора...» Такая история, наверное, могла произойти. Но это все-таки исключительный случай. Так разве можно называть его типичным?

Наташа Руденко,
8-й класс. Петрозаводск».

Наташа поняла нас совершенно правильно. В том, что писатели используют чужие сюжеты, действительно нет ничего дурного.

Андерсен, за которого Наташе стало обидно, и не думал скрывать, что сюжет его «Тени» был подсказан ему книгой немецкого писателя Шамиссо «Удивительные приключения Петера Шлемиля». Он прямо сказал об этом — и не где-нибудь, а в самом тексте своей «Тени».

Когда тень ушла от ученого, пишет Андерсен, «он рассердился, но не столько на то, что пропала тень, а потому, что он знал, что существовал рассказ о человеке без тени, хорошо всем известный на его родине, в холодных странах, и, если бы ученый рассказал свою историю, все бы сказали, что он подражает».

Сам Андерсен был в этом отношении не похож на своего героя. Его совсем не беспокоило, что кто-нибудь может подумать, будто он подражает. Он прекрасно знал, что воспользоваться чужим сюжетом — это еще вовсе не значит быть подражателем.

Очень многие книги и пьесы — даже самые знаменитые — создавались на основе чужих сюжетов.

Скажем, «Фауст» Гете. Оказывается, в основу его легла народная немецкая легенда об ученом-чернокнижнике, докторе Фаусте. И не один Гете воспользовался старинным сюжетом. Например, у англичанина Кристофера Марло, кото-

рый был современником Вильяма Шекспира, тоже есть пьеса под названием «Трагическая история доктора Фауста».

А сам Шекспир? Ведь у него, кажется, нет почти ни одной пьесы, сюжет которой не встречался бы прежде. Об истории ревнивого мавра Отелло люди впервые узнали от итальянского писателя Чинтио. Об истории принца Гамлета — от средневекового датского летописца Саксона Грамматика. Да, впрочем, и сам Саксон Грамматик сообщал в своей летописи, что истории этой уже несколько сотен лет.

Это все такие случаи, когда совершенно ясно, откуда писатель взял сюжетную основу. Но бывает так, что мы читаем две разные книги и нам даже в голову не приходит, что сюжеты их схожи между собой. Настолько в этих книгах все другое — герои, время и место действия, сама жизнь.

Итальянец Беппо и Киса Воробьянинов

Итальянец Беппо жил в Лондоне. Он работал в мастерской, где изготавливались бюсты и мраморные памятники. Это был «молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то павианье».

Ипполит Матвеевич Воробьянинов, или, как называл его Остап Бендер, Киса, жил в русском уездном городе. До революции он был предводителем дворянства, а при Советской власти стал регистратором загса. Он был высок и сухопар, носил старомодное золотое пенсне и длинные, холеные усы.

Казалось бы, что может быть общего между двумя столь различными людьми?

Общее, однако, было.

Итальянец Беппо совершал поступки, на первый взгляд настолько странные, что им заинтересовался в конце концов сам Шерлок Холмс. Беппо разыскивал гипсовые бюсты императора Наполеона. Причем, как установил проницательный Холмс, не любые, не первые попавшиеся, а изготовленные в одной и той же мастерской в одно и то же время.

Таких бюстов было шесть.

Ипполит Матвеевич Воробьянинов охотился за стульями. И тоже не за первыми попавшимися, а изготовленными в одной и той же мастерской и принадлежащими к одному и тому же гостинному гарнитуру.

Стульев было двенадцать.

Сходство этим не ограничивается. Достав очередной бюст Наполеона, Беппо тотчас разбивал его. Ипполит Матвеевич, найдя очередной стул, поступал точно так же.

И Беппо и Ипполит Матвеевич совершали эти странные поступки по одной и той же причине. Беппо разыскивал драгоценную жемчу-



Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

жину Борджиев, спрятанную в одном из шести Наполеонов. Воробьянинов искал бриллианты своей тещи, спрятанные в одном из двенадцати стульев.

Жемчужина и бриллианты были очень ценными. Ради них и Беппо и Ипполит Матвеевич не остановились перед убийством. Беппо перерезал горло некоему Пьетро Венуччи, который владел той же тайной. Ипполит Матвеевич поступил точно так же с Остапом Бендером.

Вы, конечно, уже давно догадались, что речь идет о рассказе Артура Конан Дойля «Шесть Наполеонов» и о романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев».

Как видите, между сюжетами этих произведений существует заметное сходство.

Один человек, работавший вместе с Ильфом и Петровым в редакции газеты «Гудок», рассказывал, что однажды кто-то из сотрудников газеты решил дружески подшутить над авторами «Двенадцати стульев». Он подарил им коробку, в которой лежало шесть «наполеонов». То есть, конечно, не шесть гипсовых бюстов, а шесть пирожных «наполеон». И вдобавок к коробке была приложена записка: «С почтением — Конан Дойль».

Намек был более чем прозрачным.

Все посмеялись этой шутке, а больше всех — сами Ильф и Петров. Их ничуть не обидело предположение, что они позаимствовали сюжет



у Конан Дойля. Да, впрочем, что же им было обижаться, если это они сами и рассказали друзьям, что в работе над романом использовали сюжетную схему рассказа «Шесть Наполеонов».

Но следует ли из этого, что сюжет «Двенадцати стульев» тот же, что в рассказе Конан Дойля?

Ни в коем случае.

В романе Ильфа и Петрова перед нами разворачивается не только другая жизнь с другими героями, живущими совсем в другой стране и в другую историческую эпоху. В том-то и дело, что здесь перед нами разворачивается **СОВСЕМ ДРУГОЙ СЮЖЕТ**.

Когда-то была популярна теория, согласно которой вся мировая литература насчитывает всего несколько сюжетов.

Сторонники этой теории считали, что сюжет — это что-то вроде алгебраической формулы. Например:

«А любит Б, Б не любит А; когда же Б начинает любить А, то А уже не любит Б...»

В эту формулу укладывалось множество самых разных произведений. Ну, скажем, поэма «Неистовый Роланд», принадлежащая великому итальянцу Ариосто. Или комедия Шекспира «Сон в летнюю ночь». Или «Евгений Онегин».

Вспомните хотя бы историю взаимоотношений Евгения Онегина и Татьяны Лариной. Когда Татьяна любит Онегина, Онегин ее не любит. А когда влюбляется он, Татьяна его отвергает. Нечто похожее происходит и у Ариосто и

у Шекспира. Правда, в «Неистовом Роланде» и в шекспировской комедии все это совершается под воздействием колдовских чар, а у Пушкина — в результате сложных душевных потрясений. Но сторонникам «алгебраической» теории эта разница казалась не имеющей никакого отношения к сюжету.

Получалось, что сюжет — это как бы готовый каркас, который можно взять и механически переставить из одного произведения в другое.

Но в настоящем произведении искусства такая механическая перестановка просто невозможна. Потому что сюжет — это не только **ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ**. Не менее важно, **С КЕМ ЭТО ПРОИСХОДИТ, КАК ПРОИСХОДИТ, РАДИ ЧЕГО ПРОИСХОДИТ**.

Когда говорят, что Андерсен или Ильф и Петров «взяли» чужой сюжет, не думайте, пожалуйста, что «взять» его было так уж легко. «Чужой сюжет, — писал Андерсен, — как бы вошел в мою плоть и кровь, я пересоздал его и тогда только выпустил в свет».

«Пересоздал» — это не значит просто слегка изменил, подстрогал, подштопал, приспособив к своему замыслу и к своим идеям.

Это значит — **СОЗДАЛ ЗАНОВО**.

«К нам едет ревизор...»

Чтобы вы поняли, как это бывает, мы сейчас коротко расскажем вам содержание одной старой русской комедии, написанной в первой трети прошлого века и ныне почти совершенно забытой.

Дело происходит в маленьком уездном городе. В доме городничего собрались местные чиновники. Тут судья, почтмейстер, смотритель уездных училищ...

— Да что вы, разыгрываете нас, что ли? — засмеетесь вы. — Ничего себе, забытая комедия! Это же «Ревизор» Гоголя! Кто его не знает?..

Если вы так скажете, можете считать, что мы вас действительно разыграли. Потому что это вовсе не «Ревизор».

Но продолжим наш пересказ.

Итак, в доме городничего гости. Почтовый экспедитор приносит свежую почту. И городничий обнаруживает в ней очень важное письмо.

— Вот важная новость! — восклицает он. — Слушайте, слушайте все! Это ко всем касается!

— Что, что такое? — наперебой спрашивают гости.

Городничий таинственно объясняет:

— Это пишет ко мне один из служащих в губернаторской канцелярии: он у меня на пенсии. — И начинает читать письмо: — «Почтенный благодетель Фома Фомич! Имею честь поздравить вас с наступлением теплой погоды и приятных дней... При сем извещаю вас, что его

превосходительство господин губернатор получил какие-то бумаги из Петербурга, но еще к нам не переданы, и потому мне неизвестно их содержание, а когда узнаю, то сообщу... Причем спешу вас уведомить — держите ухо востро! Через ваш город поедет важная и знатная особа, но кто — неизвестно... Многого писать не смею. Он едет якобы в Крым, но имейте предосторожность; он выезжает завтра и по расчету будет вместе с сим письмом».

Теперь вы, конечно, и сами видите: это не «Ревизор». Пьеса эта называется «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе», а написал ее в 1827 году (за восемь лет до появления «Ревизора») известный в те времена писатель Квитка-Основьяненко.

Да, это не «Ревизор». Но ведь сходство просто поразительное! Тем более вот что происходит у Квитки-Основьяненко дальше.

В город приезжает молодой человек из столицы. Человек пустой, мелкий — недаром автор наградил его фамилией Пустолобов. И этот самый Пустолобов, задумав жениться на богатой местной барышне, выдает себя за знатную персону, за столичного ревизора. Он с важным видом опрашивает чиновников о делах. Берет у городничего пятьсот рублей будто бы займы. И вдобавок много врет и хвастает.

— Мне отдыхать? — говорит он, когда городничий угодливо спрашивает, не утомился ли его гость. — Что же было бы с Россией, ежели бы я спал после обеда?

Или:

— Кому я поверю государственные дела, когда в Петербурге не могли найти человека, кому бы поверить мое писмоводство.

Ну как тут не вспомнить другого фантастического вралю — Хлестакова!

— Один раз я даже управлял департаментом... Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено... После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!

Пустолобов до того завирается, что уверяет, будто вся Европа у него в руке:

— Я свергнул в пяти государствах первейших министров!.. И с тех пор утвердил равновесие в Европе.

Хлестаков не отстает от него:

— Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится... Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу.

Сходство «Ревизора» и «Приезжего из столицы», конечно, было сразу замечено современниками. А что касается самого Квитки-Основьяненко, тот просто смертельно обиделся. Об этом рассказывают так:

«Квитка-Основьяненко, узнав по слухам о содержании «Ревизора», пришел в негодование и с нетерпением стал ожидать его появления в печати, а когда первый экземпляр комедии Гоголя был получен в Харькове, он созвал приятелей в свой дом, прочел сперва свою комедию,



а потом и «Ревизора». Гости ахнули и сказали в один голос, что комедия Гоголя целиком взята из его сюжета, и по плану, и по характерам, и даже по частной обстановке».

Гоголь утверждал, что он не читал комедии Квитки, и ему нельзя не верить. К тому же «Приезжий из столицы», хоть и был написан раньше «Ревизора», но в печати появился пятью годами позже гоголевской комедии. Однако сам сюжет был Гоголю, несомненно, известен. Ведь история с мнимым ревизором была использована не одним Квиткой. Как раз незадолго до того, как Гоголь начал писать своего «Ревизора», в журнале «Библиотека для чтения» была напечатана повесть Александра Вельтмана под названием «Провинциальные актеры». И происходило в ней вот что.

В маленький уездный город (опять уездный город!) едет на спектакль провинциальный актер. На нем театральный мундир с орденами и генеральскими аксельбантами. Внезапно лошади понесли, возницу убило, а актер потерял сознание. В это время у городничего (опять городничий!) собрались гости. И в самый разгар веселья ему докладывают: так, мол, и так, приехал генерал. В дом вносят актера, одетого в генеральский мундир. А он к тому же без сознания, он бредит, говорит о важных государственных делах (повторяет отрывки из своей роли). Тут уже все убеждаются, что это настоящий генерал. Тем более, что и у Вельтмана все начиналось с того, что чиновники с трепетом ждут (опять!) приезда столичного ревизора...

Не мудрено, что подобные совпадения вызывали много толков, и влиятельный критик Сенковский назвал гоголевского «Ревизора» анекдотом, «тысячу раз напечатанным, рассказанным и обделанным в разных видах».

Но это, конечно, было несправедливо.

Вероятно, история о том, как случайного проезжего приняли за ревизора, и в самом деле была во времена Гоголя чем-то вроде распространенного анекдота. Пушкин даже уверял, что нечто похожее случилось однажды с ним самим. Кстати, он и посоветовал Гоголю написать комедию на этот сюжет.

Гоголь так и поступил. Но назвать его комедию «анекдотом» — значит не заметить в ней самого главного. Скорее уж анекдот получился у Квитки-Основьяненко или у Вельтмана.

Положив в основу своей комедии известный случай, Гоголь не просто его использовал, — ОН ОТ НЕГО ОТТОЛКНУЛСЯ.

«Нетипичный сюжет»

Те, кто упрекал Гоголя в подражании Квитке и Вельтману, не заметили, что различия между «Ревизором» и произведениями этих писателей несравненно больше, чем сходства.

Возьмем того же Пустолобова. Ведь он НАРОЧНО обманывает чиновников, выдавая себя за важную птицу. И радуется их доверчивости:

— Ха-ха-ха! На мой век дураков станет.

А Хлестаков, говоря как будто то же самое, не столько радуется, сколько удивляется.

— Право удивительно! Отчего это так? Ведь эго в самом деле какие дураки!

Это потому, что он обманул городничего и чиновников НЕЧАЯННО, сам того не желая.

Это не мелочь, а важнейшее различие «Ревизора» и произведений Квитки и Вельтмана.

В комедии «Приезжий из столицы» Пустолобов — ловкий проходимец. В повести Вельтмана актера принимают за ревизора по чисто случайному стечению обстоятельств: ведь надо было, чтобы актер оказался в генеральском мундире, чтобы лошади понесли, чтобы возницу убило, чтобы актер потерял сознание, — и т. д. и т. п.

А у Гоголя нет ни сознательного обмана, ни случайных совпадений. Наоборот! Хлестаков ни за какого генерала выдавать себя не собирается. Чиновники САМИ приняли его за ревизора только лишь на том основании, что он остановился в гостинице, живет довольно долго и не платит за постой. Недаром потом прозревший городничий потрясенно спросит сам себя:

— Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора?

И ответит:

— Ничего не было! Вот просто ни на полминца не было похожего.

Но тогда, может быть, и в самом деле прав был Вересаев, сказавший: «Как неорганичны

все гоголевские сюжеты, как они случайны и нетипичны! Опытные чиновники принимают мальчишку-вертопраха за правительственного ревизора...» — и т. д.

Казалось бы, с этой точки зрения сюжеты Квитки и Вельтмана гораздо типичнее...

На самом же деле все как раз наоборот!

Квитка и Вельтман рассказали о случае редком, исключительном, единственном в своем роде. Чтобы этот неправдоподобный случай выглядел похожим на правду, они вынуждены были придумывать объясняющие подробности.

Гоголь хотел рассказать не исключительный, а именно ТИПИЧНЫЙ случай. Он хотел сказать: это только кажется, что произошла случайность. Нет, совсем НЕ СЛУЧАЙНО испуганные чиновники были готовы ЛЮБОГО проезжего вертопраха принять за ревизора.

В том-то и проявилась гениальность Гоголя, что у него вся эта история кажется вполне правдоподобной БЕЗ хитроумных уловок Пустолобова, БЕЗ генеральского мундира, оказавшегося на актере.

Гоголевскому Хлестакову никакой генеральский мундир не нужен. Наоборот, оттого, что он одет в самый обыкновенный легкомысленный сюртучишко, чиновники испугаются еще больше: ревизор-то ведь тайный, инкогнито! Он скрывает от них свои чины и звания.

Хлестакову вовсе не нужно в бреду говорить о делах государственной важности. Чем ГЛУПЕЕ и легкомысленнее все, что он говорит, тем больше уверяется городничий в справедливости своих подозрений:

— Он хочет, чтобы его считали инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек...

Гоголь вовсе не считал своего городничего дураком. Он говорил про него: «...уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек».

И вот этот очень неглупый человек проявляет как будто совершенно неправдоподобную непонятливость. При первой встрече с городничим Хлестаков так прямо и говорит о себе:

— Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Казалось бы, уж куда яснее! Но городничий все понимает по-своему:

— О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил!..

Хлестаков сам так и выкладывает всю подноготную:

— Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню... Батюшка меня требует.

Но городничий и тут не верит:

— В Саратовскую губернию! А? И не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро.

И все это вовсе не потому, что городничий глуп. Скорее уж потому, что чересчур умен, чересчур хитер и ловок. Он становится жертвой своей собственной проницательности.

Ведь он потому и принял Хлестакова за ре-



визора, что весь свой недюжинный ум заставил работать только в одном направлении: как бы его не перехитрили, как бы не застали врасплох. Рыльце у него в пуху. Душа нечиста. С каждым днем накапливается в нем страх перед разоблачением, перед ревизором, который когда-нибудь да явится и потребует отчета. Страх этот так велик, что достаточно появления даже такой пустельги, как Хлестаков, чтобы городничий подумал: вот она, расплата!

Попастся на удочку ловкого мошенника, такого, как Пустолобов, мог и честный чиновник. Принять актера, одетого в генеральский мундир, за важного человека мог и просто дурак. А вот принять Хлестакова за ревизора просто так, без всякого повода с его стороны и даже вопреки тому, как Хлестаков выглядит и что он о себе говорит, — вот для этого надо быть человеком с очень нечистой совестью. И, главное, надо жить в такой обстановке, когда страх разобла-

чения — это не редкое заболевание, а постоянная и общая болезнь.

Квитка и Вельтман, каждый по-своему, описали смешной и забавный курьез. Анекдот. Они как бы говорят: вот смотрите, что у нас МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ.

Гоголь сказал совсем другое: вот как все мы живем, господа! В той действительности, в которой мы с вами обитаем, такое обязательно должно было случиться. НЕ МОГЛО НЕ СЛУЧИТЬСЯ! Он написал о маленьком уездном городе, а показал всю николаевскую Россию. Недаром царь, побывав на премьере «Ревизора», сказал:

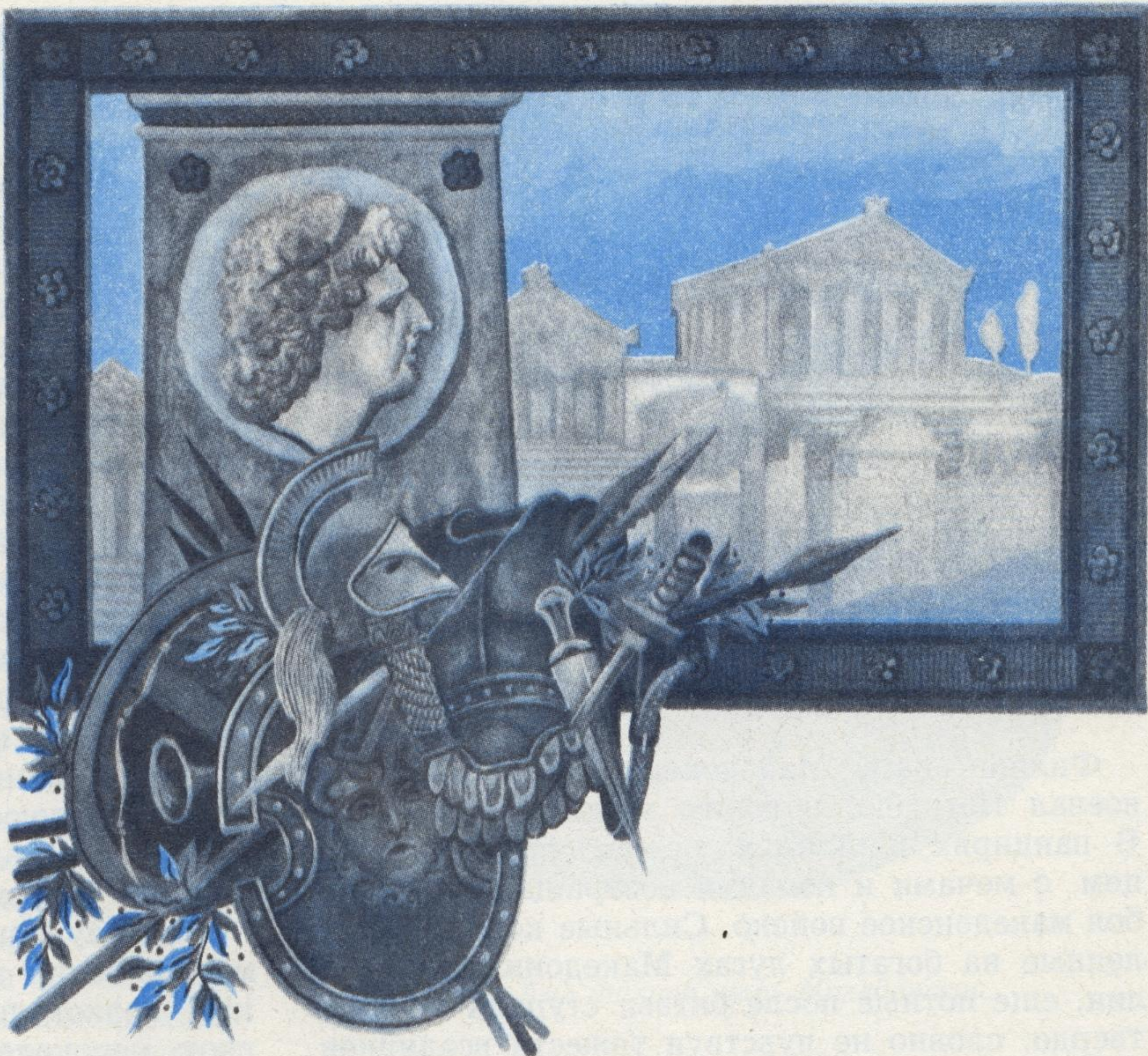
— Всем тут досталось, а мне — больше всех!

Он-то понял, насколько ТИПИЧЕН был сюжет гоголевской комедии.

Квитка и Вельтман такой чести не удостоились. ★

Олимпиада без конца могла рассказывать
о своих знаменитых предках. А мальчик
не устал слушать...





Л. ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА



сть такая легенда.

Когда-то в глубокой древности эллинским государством Аргосом правил царь Фейдон. У него был брат Каран. Карану тоже хотелось стать царем, и он решил завоевать себе царство.

Но прежде чем выступить с войском, Каран отправился в Дельфы — святилище бога Аполлона — попросить совета у божества. Оракул велел Карану идти на север. И там, встретив стадо коз, следовать за ним. Каран собрал войско и отправился на север. Указанные пути привели его в Македонию.

В одной из долин Каран увидел стадо коз. Козы спокойно паслись на зеленых склонах, и Каран остановил войско. Надо следовать за козами, но куда?

Вдруг хлынул дождь. Козы бросились бежать. Каран поспешил за ними. И так, следуя за козами, пришельцы из Аргоса вступили в город Эдесс. Жители из-за дождя и тумана, плотно накрывшего жилища, не видели, как чужеземцы вошли в их город. Каран захватил Эдесс, а потом и всю Македонию. От него-то и пошел род македонских царей.

В память коз, приведших Карана, он дал городу новое название — Эги, что значит коза. Город Эги стал столицей македонских царей. Он

стоял там, где плоскогорье спускается в цветущую Эмафийскую равнину и сверкают шумными водопадами бурные реки, бегущие с гор.

Легенда жила с давних времен, передавалась из уст в уста, утверждалась, становилась достоверностью. В древности на знамени македонского войска было изображение козла. А македонские цари нередко украшали свой шлем козьими рогами.

Но главное, что хранилось и настойчиво утверждалось в этой легенде, было то, что македонские цари пришли из Аргоса, из Эллады, что они эллины. Эллины, а не варвары, как все другие народы мира, на которых Эллада смотрела с высоты своего величия.

— Мы из Аргоса. Мы из рода Геракла. Мы эллины!

Но Эллада стояла перед Македонией, перед этой маленькой, никому не известной страной, как величавая, несокрушимая крепость. Она была сильна сухопутным войском, в гаванях ее стояли многочисленные длинные корабли — военные. А круглые — купеческие — бесстрашно уходили в сверкающие просторы моря...

Македонские цари то и дело воевали с соседними племенами, захватывая по клочку их земли. Но с Элладой они старались поддерживать союз и дружбу. Трогать ее было опасно. Греки захватили все побережье, отрезав Македонии пути к морю, а значит, и к торговле. Греческие

колонии подступали к самому краю македонской земли... И все-таки — союз и дружба!

Пока!

Пока Македония слаба. Пока еще нет сил встать перед эллинами с оружием в руках. Пока Македония разрознена и нет у нее сильного войска...

Так прошло двести лет, до того дня, когда к власти пришел младший сын царя Аминты — Филипп Македонский, который много беды принес эллинским городам.

Счастливым днем Филиппа

Филипп, царь Македонский, только что завоевал Потидею, колонию коринфских греков. В панцирях и шлемах, сверкавших под солнцем, с мечами и копьями возвращалось с поля боя македонское войско. Сильные кони, откормленные на богатых лугах Македонии и Фессалии, еще потные после битвы, ступали мерно и твердо, словно не чувствуя тяжести всадников, одетых в железо.

Войско раскинулось по всему полуострову. В разграбленном городе еще дымились пожары.

Филипп, веселый, усталый, весь в грязи и в крови битвы, сошел с коня.

— Празднуем победу! — тотчас закричал он, бросая поводья конюху. — Готовьте пир!

Но слуги и рабы и без его приказания знали, что делать. В большом прохладном царском шатре уже все было готово для пира. Светились на столах золотые чаши; чеканные, греческой работы, кратеры были полны виноградного вина; из-под крышек огромных блюд сочился запах жареного мяса, приправленного сильбием — душистой пряной травой...

Сбросив доспехи, Филипп облегченно вздохнул. Он взял Потидею. Теперь этот город, всегда враждебный, не будет стоять на пути торговли Македонии с Афинами. Правда, Потидея была членом афинского союза и вряд ли действия Филиппа понравятся Афинам. Но гора Пангея, которую он захватил вместе с Потидеей, Пангейская область, набитая золотом, стоит того, чтобы выдержать неприятный разговор с афинскими демократами, которые ныне стоят там у власти.

Неприятный разговор... А для чего дано Филиппу красноречие, обаяние, умение льстить и покорять сердца? Он скажет Афинам все, что они захотят услышать, он пообещает им все, что они потребуют, — обещать ведь не значит сделать!

А поэтому полней наливайте чаши, отпразднуем победу!

Весело за столом у царя — шум, говор, смех... В огромном царском шатре собрались его друзья: полководцы, военачальники, его этеры — телохранители, знатные македонцы,

которые всегда плечом к плечу стоят рядом с ним в кровавой сече.

Ближе всех к Филиппу сидит его полководец Птоломей, сын Лага, красивый человек с орлиным профилем: с легкой горбинкой нос, выпуклый подбородок, хищное и властное лицо.

Здесь и полководец Фердикка, неустойчивый в бою, самозабвенный на пиру, один из ближайших советников царя. Рядом с ним Мелеагр, вождь фаланги, плечистый, неуклюжий за столом, но ловкий на поле битвы.

Здесь и полководец Аттал, один из самых знатных людей Македонии. Уже сильно захмелевший, с черными, как маслины, глазами, он лез ко всем с развязным разговором и то и дело напоминал о том, что вот они сидят и пируют, а зять его, полководец Парменион, воюет сейчас в Иллирии. А ведь Парменион — его зять! И он, его зять, полководец Парменион, сейчас воюет!..

И где-то вдали, среди остальных, менее знатных этеров царя, сидел, не притрагиваясь к чаше, суровый Антипатр из рода Иоллы, самый близкий царю человек, властный и опытный полководец, не раз доказавший Филиппу свою непоколебимую верность и преданность. Один из первых в бою, он был последним на пиру: Антипатр не любил пьяного и грубого веселья. Филипп нередко повторял, смеясь:

— Я могу пить, сколько захочу: Антипа не напьется, — так он ласково называл Антипатра. — Я могу спать крепко: Антипа не заснет!

И не раз видели, как Филипп украдкой бросал под стул игральные кости, когда Антипатр входил к нему в мегарон.

Царь сидел во главе стола — высокий, красивый, с большой чашей в руках, в которой светилось вино, лукавое, коварное, как сверкающий глаз бога Диониса, вырастившего лозу.

В самый разгар пира, речей и веселых возгласов в шатер вошел вестник. Он был измучен долгой скачкой, почернел от пыли. Но зубы его сверкали в улыбке.

— Победа, царь! Победа! — закричал он, подняв руку.

Все сразу умолкли.

— Откуда ты? — спросил Филипп.

— Из Олимпии, царь!

— Что?!

Филипп вскочил, чуть не опрокинув стол.

— Говори!

Но у вестника уже не было голоса.

— Победа! — прохрипел он, все так же счастливо улыбаясь. — Твои лошади победили в состязаниях.

— Мои лошади! В Олимпии!

Филипп, не сдерживаясь, кричал и смеялся от радости, грохая по столу кулаком.

— Мои лошади победили! Ага! Лошади царя-македонца победили в Олимпии у греков!

Он протянул вестнику тяжелую драгоценную чашу.

— Пей. И чашу возьми себе.

— Вот как! Слышали? — ликующий, с бле-

стящими глазами, повторял он, обращаясь к своим гостям. — Вы слышали? У греков в Олимпии победили лошади царя-македонца, варвара!..

Последнее слово он произнес с горечью, в которой слышалась и угроза. Филипп вдруг задумался, помрачнел. Победные крики, поднявшиеся было в шатре, утихли.

— Вы помните, как они это сказали царю Александру, моему старшему брату? — Лицо Филиппа стало тяжелым, и глаза налились гневом. — Может, вы не помните, может, не знаете? Александр тогда явился в Олимпию, хотел, как и всякий эллин, — а мы эллины из Аргоса, потомки Геракла, как вам известно! — так вот, он хотел вступить в состязание. И какой шум тогда подняли греки! «Удалить македонца из Олимпии! Удалить варвара! Варвары не имеют права участвовать в эллинских празднествах!» Но Александр, мой старший брат, не сдался. Он сумел им доказать, что мы, македонцы, ведем свой род от царей Аргоса, от самого Геракла. И тогда сам великий Пиндар прославил его олимпийские победы. А нынче — вот! — Филипп засмеялся. — Нынче и мы побеждаем. Я велю в память этой победы выбить на моих монетах коней и колесницу — пусть не забывают, что мы умеем побеждать!

Снова в шатре забушевало веселье. Но ненадолго. Филипп, расстроенный воспоминаниями, задумался.

— Может быть, вы скажете, что старший брат мой, царь Александр, меня не любил и не жалел? Да, скажете вы, он тебя не жалел. Он отдавал тебя, совсем маленького ребенка, самого младшего своего брата, в заложники. Да, отдавал. Но ведь он это делал, чтобы защитить Македонию от врагов, которые были сильнее его. Мой старший брат был мудрым правителем. Кто перенес столицу Македонии из Эг в Пеллу? Царь Александр. Потому что здесь безопаснее. А в Эгах мы будем хоронить своих царей. Мой старший брат Александр уже покоится там. И меня отвезут в Эги, когда умру. И моих сыновей, которые после меня будут царями. Вы же знаете предсказание: пока македонских царей хоронят в Эгах, род их не окончится.

— Царь! — окликнул его один из военачальников. — Зачем на пиру говорить о смерти?

— Нет, нет. — Филипп отбросил со лба густые светлые кудри. — Я говорю о моем старшем брате Александре. Ведь когда он начал царствовать, враги со всех сторон грозили ему. Иллирия ему грозила страшно. А у него не было сил защищаться. Что же ему было делать? Заключить договор о дружбе, откупиться. Вот тогда он меня и отдал в заложники иллирийцам. Но он же выплатил выкуп и вернул меня домой. А ваши отцы, богатые властители Верхней Македонии, не хотели помочь ему!

Невнятный шум, невнятные протестующие речи послышались в ответ. Филипп их не понял и не расслышал.



Таким был Филипп, царь Македонский.

— Вы скажете, что мой старший брат, царь Александр, вторично отдал меня в заложники? Да, отдал фивянам. А что же ему было делать? Ведь ему необходимо было установить, укрепить дружбу с Фивами, потому что вождь фиванский Эпаминонд, славнейший, непобедимый полководец, был нужен ему другом, а не врагом. Целых три года я жил в Фивах, в доме великого человека Эпаминонда. Там я стал настоящим эллином, там я понял, что такое Эллада, как высока ее культура, как велики ее поэты, философы, ваятели... Меня воспитали там, мне дали образование. И самое главное — меня научили воевать. Выпьем за великого полководца и философа, за сурового и благородного человека — Эпаминонда!

Снова засверкало в чашах вино, снова зашумели голоса, и угаснувшее было веселье снова оживило пир. И никто не слышал, как застучали копыта коня перед шатром. И не сразу увидели, как новый гонец появился в шатре.

— Добрая весть тебе, царь!

— Откуда ты? — спросил Филипп. — Какую весть ты привез мне?

Гонец еле переводил дух:

— Я из Иллирии...

Филипп сразу отрезвел.

— Что там? Как мой Парменион?..

— Полководец Парменион жив и здоровствует. И поздравляет тебя с победой.

— С победой? Разбил иллирийцев?

— Иллирийцы покинули поле боя. Была большая битва. Много войска легло. Но мы разбили врага. Парменион кланяется тебе.

— Друг мой Парменион! Спасибо тебе. Слышите? Иллирийцы разбиты. Столько побед сразу: Потидея взята, кони мои победили в Олимпии. И теперь иллирийцы разбиты! Дайте

гонцу вина, наградите его! Отпразднуем и эту победу!

Но на этом необычайные известия не окончились. Примчался третий гонец, и тоже усталый и тоже радостный.

— Я из Пеллы, царь! Из твоего дома. Царица Олимпиада велела сообщить, что у тебя родился сын.

— Сын! — закричал Филипп и со звоном обрушил на стол чашу. — Вы слышите? Сын! У меня — сын!

В глазах Филиппа блеснули счастливые слезы.

— Вы слышите, македонцы? — Филипп встал и обвел взглядом своих приближенных. — Родился ваш будущий царь. Что еще велено передать мне?

— Еще велено передать, что сегодня на крыше твоего дома весь день сидели два орла.

— Два орла — это хорошее предзнаменование. Я назову моего сына именем моего старшего брата — Александром. Родился будущий царь Македонский — Александр. На коней! В Пеллу!

Копыта тяжелых лошадей загремели по каменистым горным дорогам. Всадники, уже без шлемов и панцирей, мчались в Пеллу, новую столицу — крепость македонских царей, стоящую на реке Лудии, на широкой равнине, окруженной горами.

В Пелле предсказатели объявили Филиппу:

— Сын твой, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

Все это случилось летом, в шестой день месяца гекатомбеона¹ по-гречески, а по-македонски — лоя, 356 года до нашей эры.

Кто такой Демосфен?

Олимпиада любила сына со всем пылом своей яростной души. Мать старалась сделать все, чтобы он был счастлив в теплом женском окружении и чтобы он не очень тянулся к отцу.

Олимпиада рассказывала мальчику разные истории о победах македонских царей и царей эпирских. Особенно эпирских. Ее не очень заботило, все ли понимает Александр в этих рассказах. Ей доставляло какое-то горькое удовольствие повторять, что род царей эпирских, из которого происходила она сама, нисколько не хуже и не ниже царей македонских.

— Македонские цари — и твой отец — происходят от Геракла. А мы, цари Эпира, — через меня и ты тоже — ведем свой род от Ахиллеса, сына Пелея. Ахиллес — великий герой, прославленный на все века.

Она могла без конца рассказывать о своих знаменитых предках. О том, как богоравный

Ахиллес воевал под Троей, какие были на нем доспехи, какое копье было у него, какой щит... А мальчик не уставал слушать рассказы о войнах и битвах.

Филипп, занятый военными походами, обаянный дерзкими замыслами покорить все соседние народы, редко бывал дома. Но иногда перед светлоглазым мальчиком являлся огромный, бородатый человек, от которого крепко пахло потом и железом, громогласный, веселый — его отец. Несмотря на ревнивое недовольствие матери, Александр тянулся к нему, хватался за его кудрявую бороду, пытался вытащить из ножен кинжал, висевший у пояса.

Однажды Филипп вернулся из похода с черной повязкой, закрывавшей правый глаз. Трехлетний Александр с любопытством разглядывал его повязку, а потом захотел посмотреть на глаз, что спрятан под ней.

— А там нет глаза, — спокойно сказал отец, — выбило стрелой. Но что глаз? Я осадил большой город Мефону, понимаешь? Осадил и взял. Жители не хотели сдаваться, защищались. Вот и выбили мне глаз. Стрелой со стены. Однако я все-таки Мефону осадил и взял.

— Осадил и взял, — повторил мальчик.

— Правильно! — громко засмеялся отец. — Что там глаз? А зато Мефона наша!

Филипп упорно осаждал и захватывал города греческих колоний. Закончив одну битву, он бросался в другую. Разграбив один город, он захватывал и грабил другой. Сила его росла, войско крепло, сокровищница наполнялась золотом.

И только с Афинами Филипп старался сохранить мир. Афины по-прежнему стояли перед ним со всей своей мощью, со своим спокойствием и презрением.

Правда, теперь они признали Филиппа эллином — он вынудил их к этому. Но признали лишь потому, что стали опасаться его военной силы. Все равно он для них варвар. Македонец. Они даже над языком македонским смеются: «Что-то вроде греческого, но какое грубое, варварское наречие! И еще называют себя греками!»

Филипп сохранял с Афинами мир, но никогда не оставлял мысли победить Афины. Однако затевать открытую войну опасался: у афинян еще достаточно сильное войско и самый большой флот.

Поэтому пока лучше давать клятвы дружбы и верности, самой горячей дружбы и самой неизменной верности!

Однако в Афинах уже поселилось беспокойство. Какая-то маленькая, незначительная Македония захватывает греческие города один за другим, и греки все время проигрывают битвы. Что происходит? Может быть, Афины уже потеряли и свою силу и свое влияние? Может быть, Филиппа уже нельзя победить, нельзя остановить его наступление? Или и вправду его войска непобедимы?

В эти дни тревоги и дурных предчувствий

¹ Гекатомбеон — конец июня — июль.

пританы¹ созвали народное собрание, высший орган демократической власти.

Народ собрался на Пниксе, на холме в юго-западном районе города, где почти всегда проходили народные собрания. Тяжелые стены из огромных камней полукругом охватывали Пникс. На каменных скамьях сидели афинские граждане, шумя, толкаясь, споря... Сегодня глашатаям не пришлось уговаривать их прийти на собрание или притаскивать насильно, охватывая толпу окрашенной киноварью веревкой, как нередко случалось в последнее время.

На высокую трибуну, с которой была видна дальняя синева моря, взошел афинский оратор Демосфен. В скромной одежде, с обнаженным правым плечом, как ходили тогда греки, он встал перед народом, стараясь справиться со своим волнением. Ему нередко приходилось выступать на Пниксе, и все-таки он каждый раз мучительно волновался. Он знал, что некрасив, что его худые руки, напряженно сжатый, тонкогубый рот, сдвинутые брови с глубокой морщиной между ними не производят на людей пленяющего впечатления, необходимого оратору.

— Граждане афинские!..

Мощный, чистый голос прокатился над площадью. Площадь затихла. Речь Демосфена зазвучала над ней.

— Прежде всего не следует, граждане афинские, падать духом, глядя на теперешнее положение, каким бы плохим оно ни представлялось!

Народ слушал с жадностью. Это было то, что он хотел услышать.

— Вы сами, граждане афинские, довели свои дела до такого плохого состояния, не сделали ничего, что было нужно. Поэтому еще есть надежда их улучшить. Вот если бы вы сделали все, что могли, и дела наши все-таки оказались бы в этом тяжелом положении, тогда и надежды на их улучшение не было бы.

Демосфен говорил долго, но афиняне все так же внимательно и жадно слушали его. Его речь поднимала дух афинских граждан, а это было сейчас необходимо им.

— ...Не думайте же в самом деле, что у Филиппа, как у бога, все теперешнее положение упрочено навеки!

Что же надо делать Афинам? Снарядить войско и положить конец разбоям Филиппа.

Филиппу очень скоро стало известно о выступлении Демосфена. У македонского царя по всем окрестным странам были свои люди — «подслушиватели» и «подглядыватели». Вот и теперь один из них прибыл к нему из Афин и подробно рассказал, о чем говорил Демосфен.

Филипп усмехнулся.

— И он думает, что Афины станут воевать по его слову! Напрасно старается: афинян на войну не поднимешь. Они изнеженные ленивы, они привыкли к тому, что все труды несут за них рабы и наемники, а война слишком тяже-



А это афинский гражданин, оратор Демосфен.

лый и опасный труд. Выступать на площади, щеголять красноречием — вот их занятие. Крыша еще не горит у них над головой! — И добавил про себя с угрозой: — Но уже тлеет!

Александр было всего пять лет, когда Демосфен произнес свою первую речь против его отца.

— Кто такой этот Демосфен? — спросила Олимпиада у кормилицы Александра Ланики. — Еще один афинский крикун?

О Демосфене уже слышали во дворце, о нем говорили, над ним смеялись. Брат Ланики, Черный Клит, был одним из молодых этеров Филиппа, поэтому Ланика знала, кто такой Демосфен.

Отец и мать Демосфена умерли рано, ему в то время было всего семь лет. Отец оставил ему и сестре хорошее наследство. Но опекуны их богатство растащили и растратили.

В детстве Демосфен был таким слабым и болезненным, что даже не ходил тренироваться в палестру, как это делали все афинские мальчики. Да еще и заикался и картавил. За то над ним и смеялись, прозвали его Баталом — неженкой и заикой. Батал этот был флейтистом из Эфеса. Он наряжался в женский наряд и выступал на сцене в женских ролях. Так вот Демосфена и прозвали Баталом за то, что он был изнеженный и слабый, как женщина.

В детстве ему удалось побывать на одном общественном процессе. К Демосфену был приставлен раб, который смотрел за ним. И он упросил этого раба отпустить его послушать знаменитого в то время афинского оратора. Раб отпустил его. И когда Демосфен послушал этого оратора, то уже забыть его не мог. С этих пор осталась у него неотступная мечта — научиться ораторскому искусству.

¹ Пританы — члены правительства, назначались поочередно заведовать текущими делами государства.

Так выглядели непобедимые македонские воины.



Когда Демосфен подрос, то пригласил к себе учителем опытного оратора Исса. И как только стал совершеннолетним, предъявил иск своим нечестным опекунам и сам выступил против них в суде. Судьи признали, что его требования законны и справедливы, и велели опекунам вернуть ему наследство.

Опекуны и не отказывались вернуть Демосфену его богатство. Но как вернешь, если все растрчено?

Одно время, чтобы как-то прожить ему и его сестре, Демосфен произносил судебные речи и этим зарабатывал. А нынче он стал политиком, вмешивается во все государственные дела Афин и пытается всем навязать свою волю.

— А не про него ли это говорили, что он картавый?

— Про него.

— Но как же он может произносить речи в народном собрании? Такого оратора в Афинах никто не будет слушать, его тотчас прогонят!

— А его и прогоняли. Со свистом. Как начнет картавить — букву «р» не мог выговорить — да как начнет дергать плечом, тут его и гонят долой с трибуны!

— Но почему же слушают теперь? Только потому, что он выступает против Филиппа?

— Теперь он больше не картавит. Расска-

зывают, что он ходил по берегу моря и, набрав в рот камушков, декламировал стихи. Добивался, чтобы даже и с камнями во рту речь его была чистой. И так усиливал голос, что даже морской прибой не мог его заглушить. Потом произносил речи перед зеркалом, смотрел, красивы ли его жесты. А чтобы не дергать плечом — люди очень смеялись, когда он дергался на трибуне, — он повесил над плечом меч: дернется — и уколется об острие!

Александр внимательно слушал рассказ Ланики, опершись локтями на ее колени.

— А Демосфен кто? — спросил он. — Демосфен — царь?

— Ну, что ты! — засмеялась Ланика. — Какой там царь! Простой афинянин. Демократ.

— А кто такой демократ?

— Это человек, который думает, что все надо делать так, как хочет народ. А царей он ненавидит.

— А моего отца?

— А твоего отца ненавидит больше всех.

Маленький сын царя, наморщив округлые брови, задумался. Он не очень уяснил себе, о каком народе идет речь и чего добивается Демосфен, научившись хорошо говорить.

Но что Демосфен ненавидит царей и ненавидит его отца, это он понял. И запомнил на всю жизнь.

Александр уходит в мегарон

Когда Александру исполнилось семь лет, его, по обычаю греков, увели от матери на мужскую половину дома.

Олимпиада была расстроена. Она расчесывала мальчику его тугие кудри, прихорашивала его. А сама все заглядывала в большие, светлые глаза: не блестят ли в них слезы, не таится ли печаль?

Но Александр не плакал, и печали в его глазах не было. Он нетерпеливо вырывался из рук матери, отмахивался от ее золотого гребня. Чтобы не расплакаться самой, Олимпиада пыталась шутить.

— Вот как мы собираем тебя в мегарон, как Ахиллес, Пелеев сын, на бой собирался. Помнишь? От щита его свет достигал до эфира. А шлем сиял, как звезда. И волосы были золотые у него, как у тебя...

Но Александр, уже знавший наизусть все об Ахиллесе, Пелеевом сыне, на этот раз не слушал, что говорит мать. И Олимпиада с горечью поняла, что ребенок уходит из ее рук и просто не может дождаться той минуты, когда вступит, как взрослый мужчина, в отцовский мегарон.

За ним пришел Леонид, родственник Олимпиады. Она добилась, чтобы его взяли педагогом-воспитателем к сыну. Все-таки свой человек, через него Олимпиада будет знать, как живется в мегароне Александру.

— Прощу тебя, не мучьте его слишком в гимнасиях¹, — сказала она Леониду, и тот взглянул на нее с удивлением — так зазвенел ее голос от слез, — он еще маленький. Вот возьми корзинку, тут сладости. Давай ему, когда он захочет полакомиться.

— Не могу ничего этого сделать, — ответил Леонид, — мне сказано: никаких уступок, никаких поблажек.

— А ты спрячь, будешь потихоньку давать.

— Разве я один буду около него? Целая толпа воспитателей. В тот же миг донесут царю. Нет, я буду воспитывать его, как подобает эллину: чем суровей, тем лучше.

— Ну, идем же! — Александр схватил за руку Леонида и потянул его к выходу. — Идем же!

Ланика, не выдержав, отвернулась и закрыла лицо в слезах покрывалом. Мать проводила мальчика до порога. И потом долго стояла под ливнем солнечных лучей, падавших сквозь отверстие в потолке. Она стояла, будто одетая в светлое золото среди сумрака обитых деревом стен.

Александр, не оглянувшись, ушел со своим воспитателем. Они пересекли солнечный двор и скрылись в синем проеме дверей мегарона.

Олимпиада знала, что этот день наступит, она с тайной тоской ждала его. И вот этот день на-

ступил. Филипп отнял у нее сына, как отнял свою любовь. Но не наступит ли такой день, когда она за все рассчитается с Филиппом?

Мрачная, со сдвинутыми бровями, Олимпиада вернулась в гинекей. Комнаты показались ей слишком тихими и совсем пустыми.

Служанки и рабыни затрепетали, когда она вошла к ним. Суровый блеск ее глаз не сулил добра. Разговор, которым они скрашивали время за работой, замер на устах. Только звенящий шелест веретен и постукивание набивок ткацкого стана слышались в большом низком помещении.

Олимпиада придирчиво присматривалась к работам.

— Это что, нитка или веревка у тебя на веретене? А у тебя почему столько узлов? Что будет из такой пряжи: сукно или дерюга? Клянись Герой, я была к вам чересчур добра!

Пощечина налево, пощечина направо, пинок, рывок... Приказав отхлестать розгами молодую рабыню, которая показалась ей слишком заносчивой, Олимпиада немного успокоилась. Она позвала дочерей Клеопатру и Кинану, игравших в мяч во дворе, и велела сесть за пряжу. Какими же хозяйками они будут в свое время и как могут спросить работу со своих рабынь, если сами ничему не научатся?

Вернувшись в спальню, Олимпиада уселась за пяльцы и принялась вышивать черную кайму на розовом пеплосе². Теперь ее жизнь, ее заботы, ее мечты только в одном: задавать работу служанкам, следить, чтобы они хорошенько ее выполняли, да и самой сесть за стан и выткать для мужа шерстяной плащ или, как сейчас, заняться своим нарядом, который уже никого не радует...

А мальчик, заполнявший собой все ее дни и ночи, ушел к Филиппу.

Александр и раньше не раз прибегал в мегарон. Но отец не хотел, чтобы мальчик видел его пьяные пиры, и приказывал тотчас увести ребенка обратно.

Теперь Александр вошел сюда по праву. Он шел, выпрямив спину, чтобы казаться выше. Замедлял шаг, разглядывая грубые, покрытые копотью росписи на стенах, подзывал собак, которые свободно бродили по залу в поисках еды — после пира под столом всегда можно было найти кость или недоеденный кусок.

В мегароне Александра ждали педагоги-воспитатели, обязанные смотреть за ним, обучать правилам поведения, тренировать его в гимнасиях. Каждый из них приветствовал Александра, каждый хотел понравиться ему. Особенно старался акарнанец Лисимах.

— Какой красавчик! Да какой крепкий! Ахиллес, да и только! Скоро, пожалуй, отправится в поход с отцом. Но если ты, Александр, — Ахиллес, то я — твой старый Феникс. Ведь я также приставлен к тебе — учить тебя и воспитывать. Знаешь, как великий Гомер написал в «Илиаде»?

¹ Гимнасий — место для гимнастических занятий.

² Пеплос — большой прямоугольный кусок материи — покрывало.

«...Там и тебя воспитал я таким,
о бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил; и с другим никогда
не хотел ты
Ни на пирушку пойти, ни откусать
чего-нибудь дома,
Прежде чем я, на колени к себе посадив,
не нарежу
Мяса тебе на кусочки и кубка к губам
не приставлю!»

Так и я, как Феникс, готов служить моему богоравному Ахиллесу!

Другие воспитатели тоже хвалили Александра. Но никто не был так ловок в похвалах, как этот акарнанец, который, хотя и был грубым невеждой во всех остальных науках, знал Гомера и ловко играл на этом.

Александру все это льстило. Но он слушал их с невозмутимым лицом. Он сын царя.

— Здравствуй! — сказал ему отец, только что вставший после вчерашнего обильного вином ужина. — От Филиппа, царя македонского, Александру привет!

У мальчика заблестели глаза от восторга.

— Царю македонскому Филиппу от Александра привет! — живо ответил он.

Он весь вспыхнул, так что и лицо, и шея, и грудь его покраснели. Белокожий, он краснел мгновенно, будто охваченный огнем.

— Вот ты и мужчина. Учись бегать, плавать, стрелять из лука, метать диск, бросать копье. Делай все, что скажут педагоги. Клянусь Зевсом, мне нужен крепкий, сильный сын, а не какой-нибудь неженка!

И, обернувшись к Леониду, Филипп грозно напомнил:

— Никаких поблажек! Никаких уступок!

— А мне и не надо поблажек! — обидевшись, запальчиво сказал Александр. — Я сам пойду в гимнасий. Вот сейчас и пойду!

Филипп заглянул в светлые, бесстрашные глаза сына и усмехнулся.

— Не сердись, — сказал он, — меня самого так учили. Так учил меня благородный Эпаминонд — без поблажек. Поэтому я теперь не знаю усталости в битвах, выношу самые тяжелые лишения в походах, бью врага сариссой¹, и рука моя не слабеет, могу скакать на коне день и ночь без отдыха, а когда нужно — могу внезапно явиться перед неприятелем и разбить его с ходу!

— Я тоже буду скакать на коне и бить с ходу!

— Будешь. Потому что тебе придется сохранить все, что я теперь завоюю.

— Я все сохраню. И завоюю еще больше! Я буду, как Ахиллес!

По крутым бровям Филиппа прошла тень. Олимпиада! Это ее рассказы!

— Не забывай, что македонские цари пришли из Аргоса, из страны Геракла, — сказал он, — и что сам ты потомок Геракла. Никогда не забывай об этом! Никогда!

Александр, пристально поглядев на отца, молча кивнул головой. Он понял.

Началась новая жизнь — среди мужчин, среди мужских разговоров и рассказов о минувших сражениях, о захваченных городах и о городах, которые надо захватить...

Ни поблажек, ни уступок Александру не понадобилось. Крепкий, ловкий, азартный, он с наслаждением тренировался в палестре, бегал и прыгал, метал дротик, учился натягивать лук, который сделал Леонид ему по силам. Едва доставая до уздечки, он уже взбирался на лошадь, падал, ушибался и только кряхтел от боли. Он раньше всех своих сверстников научился ездить на лошади. Самого еле видно из-за конской гривы, а скачет так, что педагоги чуть не падают от страха.

Если случайно кто-нибудь называл Александра ребенком, кровь бросалась ему в лицо, не помня себя, он налетал на обидчика с кулаками, не задумываясь, справится ли с ним или получит хорошую сдачу. И случалось, что сдачу он получал. Но тогда распался еще больше, и остановить его было невозможно.

Вспыльчивый, упрямый, Александр все делал, как хотел. И лишь тогда мог отказаться от задуманного, если ему умели объяснить, что задуманное им плохо. Скоро все окружающие знали, что с Александром можно ладить только разумными доводами, но не строгостью, не приказом.

Знал это и отец. Поглядывая на его синяки и царапины, Филипп усмехался себе в усы:

— Александр, будущий царь македонский! Эх, такие ли еще синяки придется тебе получать в жизни!

В то время Филипп и Александр хорошо ладили друг с другом.

Но отец, как всегда, недолго гостил дома. И года не прошло, как снова по улицам Пеллы засверкали шлемы военных отрядов и лес копий тронулся к городским воротам. Снова за стенами города загрохотали осадные башни и тараны с медным бараньим лбом. Снова в широком царском дворе заржали и застучали копытами тяжелые боевые кони.

Александр стоял, прижавшись к теплой колонне портика, и смотрел, как садятся на коней этеры, друзья и полководцы, ближайшие соратники царя. Мужественные, загорелые в походах, закаленные в непрерывных сражениях, они собирались на войну, как в обычный путь, спокойно и деловито проверяли вооружение, опраивали на конях попоны, заменявшие им седла.

Филипп прошел мимо — большой, широкоплечий. Ему подвели рыжего атласного коня под синей расшитой попоной. Филипп с привычной ловкостью вскочил на коня, который храпел и задира ластавую голову. Филипп натянул узду, и конь сразу смирился.

Александр не спускал глаз с отца. Он ждал, что отец заметит его. Но Филипп был уже чужим, суровым и грозным. Взгляд его под сдвинутыми бровями был устремлен куда-то далеко, в такую даль, которую еще было не постичь Александру.

¹ Сарисса — длинное тяжелое копье.

Широкие ворота, хрипло заскрипев на петлях, отворились. Филипп первым выехал со двора. За ним следом, будто сверкающий поток, устремились этеры. Все меньше и меньше их во дворе. А вот уже и нет никого, и ворота, прохрипев, закрылись. Сразу наступила тишина, только деревья чуть слышно шумели над крышей, роняя на прохладные камни первые желтые листья наступающей осени.

— Где мой Ахиллес? Твой Феникс ищет тебя!

Александр с досадой отпихнул кулаком Лизи-маха. Молча, сжав дрожащие губы, он направился в палестру. Там играли в мяч его сверстники, дети знатных македонцев. Высокий, стройный мальчик Гефестион тотчас подбежал к нему.

— Будешь играть с нами?

Александр проглотил слезы.

— Конечно, — ответил он.

Конец Олинфа

Филипп решил захватить большой греческий город Олинф, стоявший на фракийском берегу. Олинфяне обратились с просьбой к Афинам помочь им.

Демосфен со всей силой своего красноречия призывал афинян снарядить войско и послать на помощь Олинфу.

— ...Скажите, ради богов, — говорил Демосфен, — кто же среди нас настолько простодушен, кто же не понимает того, что война, происходящая сейчас там, перекинется сюда, если мы не примем своих мер?..

— Клянусь богами, он прав, — усмехался Филипп. — Только все красноречие его впустую. У афинян все тяготы несут рабы. Только на рабов они и полагаются, и это их погубит.

Однако Филипп ошибся. Речь Демосфена была так горяча и взволнованна, что убедила народное собрание. Афиняне вскоре снарядили помощь Олинфу. Они послали олинфянам тридцать триер¹ с двумя тысячами наемного войска во главе с полководцем Харетом. Но эта помощь была так незначительна, что ничего не изменила в тяжелом положении олинфян.

Война под Олинфом разгоралась. Уже осыпались листья, устилая долины, в горах гудели осенние ветры, начались дожди.

«Наступит зима — и война кончится, — думали олинфяне, — за зиму мы окрепнем, соберем новое войско. Зимой никто не воюет!»

Никто в Греции не воевал зимой. Но Филиппу зима не была помехой. Его закаленное войско могло выдержать любые труды и лишения.

Увидев, что македонцы не собираются уходить от стен города, олинфяне еще раз отправили послов в Афины с мольбой о помощи.

Прохладный ветер проносился по Пниксу, принося с гор высохшие, гремящие, как железо,

колючие ветки бурьяна. Афиняне кутались в плащи. А на трибуне опять стоял Демосфен, взывая о помощи Олинфу. Шум ветра не мешал ему. Встревоженные афиняне, нахмурясь, слушали его. Возмущение Демосфена и его ненависть к Филиппу передавались им, волновали их.

— Какого же времени и каких еще условий дожидаетесь вы, граждане афинские, более благоприятных, чем теперешние? И когда вы станете исполнять то, что нужно, если не сейчас? Разве не все наши укрепленные места занял уже этот человек? А если он завладеет и этой страной, разве это не будет для нас величайшим позором? Разве не воюют сейчас те самые люди, которых мы с готовностью обещали спасти, если они начнут войну? Разве он не враг? Разве не владеет нашим достоянием? Разве не варвар?..

И эта речь — вторая олинфская — сделала то, что афиняне снова откликнулись на мольбу олинфян. Афины снарядили еще восемнадцать кораблей, послали под командой военачальника Харидема четыре тысячи наемников и сто пятьдесят всадников афинских.

Войска афинян помогли приостановить на время победное шествие Филиппа.

Все резче и холоднее становились ветры. Ночью замерзала вода. Но македонцы не отступали. Жаркие костры горели по ночам, и чем холоднее становилось, чем сильнее поливали землю осенние дожди, тем выше было пламя этих зловещих, рыжих, с черным дымом костров. И снова сражения. И снова защитники Олинфа разбиты. И снова упорно и неотступно продвигается македонец к Олинфу, покоряя на пути греческие города. Вот уже взял он большой город Торону. Вот уже захватил Мелиберну — порт Олинфа.

И в третий раз за эту осень выступил Демосфен на Пниксе против Филиппа — это была его третья олинфская речь, полная страсти, ненависти и почти отчаяния, полная упреков афинянам за их бездействие. Но Харидем слал им хвастливые донесения, и афиняне решили, что победа над Филиппом обеспечена.

Зима проходила в боях, в трудных переходах, в нелегкой осаде городов, в победах, в темной радости грабежей, в дыму разоренных жилищ, в ликующих кликах победителей, в проклятиях побежденных...

Олинф доставался трудно. Филипп свирепел.

Зима была суровой. Пронизывающие до костей дожди со снегом, бури, сырые ветры, несущие тяжкую простуду и болезни. Но никто не жаловался в войсках Филиппа. А дома, в Македонии, в жару и в непогоду, со стадами в горах легче ли? Может, и легче — там не убивают. Но ведь там не добудешь и богатств, которые достаются здесь, и славы не добудешь!

Уже много дорог пройдено, много взято городов. Вот уже и солнце потеплело, и горы снова оделись нежным туманом зелени.

Бодрее стал шаг у пехотинцев, веселее пошли кони. Филипп скорым маршем вел свое вой-

¹ Триера — военный корабль с тремя рядами весел.

ско. На похуевшем, осунувшемся лице, с жестким очертанием рта, с глубокой морщиной на лбу, отпечаталось выражение твердой решимости.

Уже ничто не могло остановить македонца, и никто не мог остановить его. По талой, кое-где подсохшей и зазеленевшей посевами земле войска Филиппа подошли к Олинфу. Не дойдя до города, в сорока стадиях¹ от него, Филипп раскинул свой лагерь.

И тут он объявил олинфянам жестокий ультиматум:

— Либо вам не жить в Олинфе, либо мне не жить в Македонии.

Афины с трудом и промедлениями собрали наконец новую армию. Но пока они собирались, прошло лето, и снова наступила осень. Черные афинские корабли качались на зеленых волнах Эгейского моря, пробираясь к Олинфу. Они изо всех сил боролись с противным ветром. Осенью в этих местах дуют пассаты, и плыть на парусах им навстречу очень трудно. А когда афинские триеры, измученные морем и ветрами, наконец подошли к олинфскому берегу, Олинф уже лежал в развалинах и в кровавом дыму пожара.

Филипп без всякой пощады осуществил свое военное право победителя. Город развалил и сровнял с землей. Уцелевших жителей — кого отправил в царские рудники на каторжные работы, кого продал в рабство или погнал на поселение в глубь Македонии. Лишь немногим удалось бежать и укрыться в греческих городах.

Землю городских кварталов Олинфа Филипп роздал знатным македонцам. Олинфскую конницу он взял себе, в свою царскую конницу этеров. Остальные города Филипп принял в состав Македонской державы.

Это случилось в 348 году до нашей эры, когда Александру исполнилось восемь лет. Услышав об этой огромной победе отца, он, грустный и сумрачный, пришел к своим товарищам.

— Клянусь Зевсом, — с досадой сказал он, — отец успеет завоевать все, и мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого!

Персидские послы

Однажды в Македонию прибыли послы персидского царя.

Вся Пелла вышла смотреть на них. Персы важно сидели на конях, на расшитых золотом пополах, сверкая драгоценным оружием, ослепляя роскошью длинных одежд — красных, зеленых, синих... Всё в этих людях было необычно для македонцев, все удивляло: и бронзово-смуглые лица, и красные от хны мелко завитые бороды, и пугающие нездешней чернотой глаза...

В царском дворце наступило смятение. Приехали послы, а кто же примет их? Царя нет — царь, как почти всегда, в походе...

— Но разве меня тоже нет дома? — высокомерно спросил Александр и объявил: — Послов приму я.

Послы вымылись с дороги, отдохнули. И когда они были готовы к разговору, Александр, одетый в свое самое богатое платье, принял их со всем достоинством царского сына.

Немолодые люди, придворные и советники персидского царя, переглядывались, пряча в глазах улыбку. О чем же будет говорить с ними этот маленький царский сын? Конечно, будет какой-нибудь детский лепет. Ну что ж. В ожидании настоящего разговора с Филиппом можно послушать и детскую болтовню.

Александр сидел в отцовском кресле, ноги его не доставали до пола. Но он был спокоен и по-царски приветлив — белокурый, светлоглазый, весь розовый от скрытого волнения. Большие, громоздко наряженные смуглые люди с улыбкой в таинственных черных глазах молча ждали, что он им скажет.

— Я хочу все знать о вашей стране, — сказал Александр, чуть наморщив округлые светлые брови, — велика ли ваша страна?

Послы переглянулись. Что ж, мальчик задает серьезный вопрос, значит, и отвечать надо серьезно.

— Наша страна очень велика, — ответил краснобородый толстый перс, фарнах, возглавлявший посольство, — наше царство простирается от Египта до Тавра и от Средиземного моря до Океана, омывающего всю землю. Под могущественной рукой нашего великого царя много стран и народов, не сосчитать городов. Даже эллинские города, которые стоят на азиатском берегу — Милет, Эфес и все другие эллинские колонии, — платят нашему великому царю дань.

— А хороши ли дороги в вашей стране? Если ваше царство такое большое, то и дороги должны быть длинными! Есть ли у вас такие длинные дороги, чтобы проехать по всей стране?

— У нас есть хорошая дорога — торговая дорога через Лидию до самой Индии. По ней купцы возят товары.

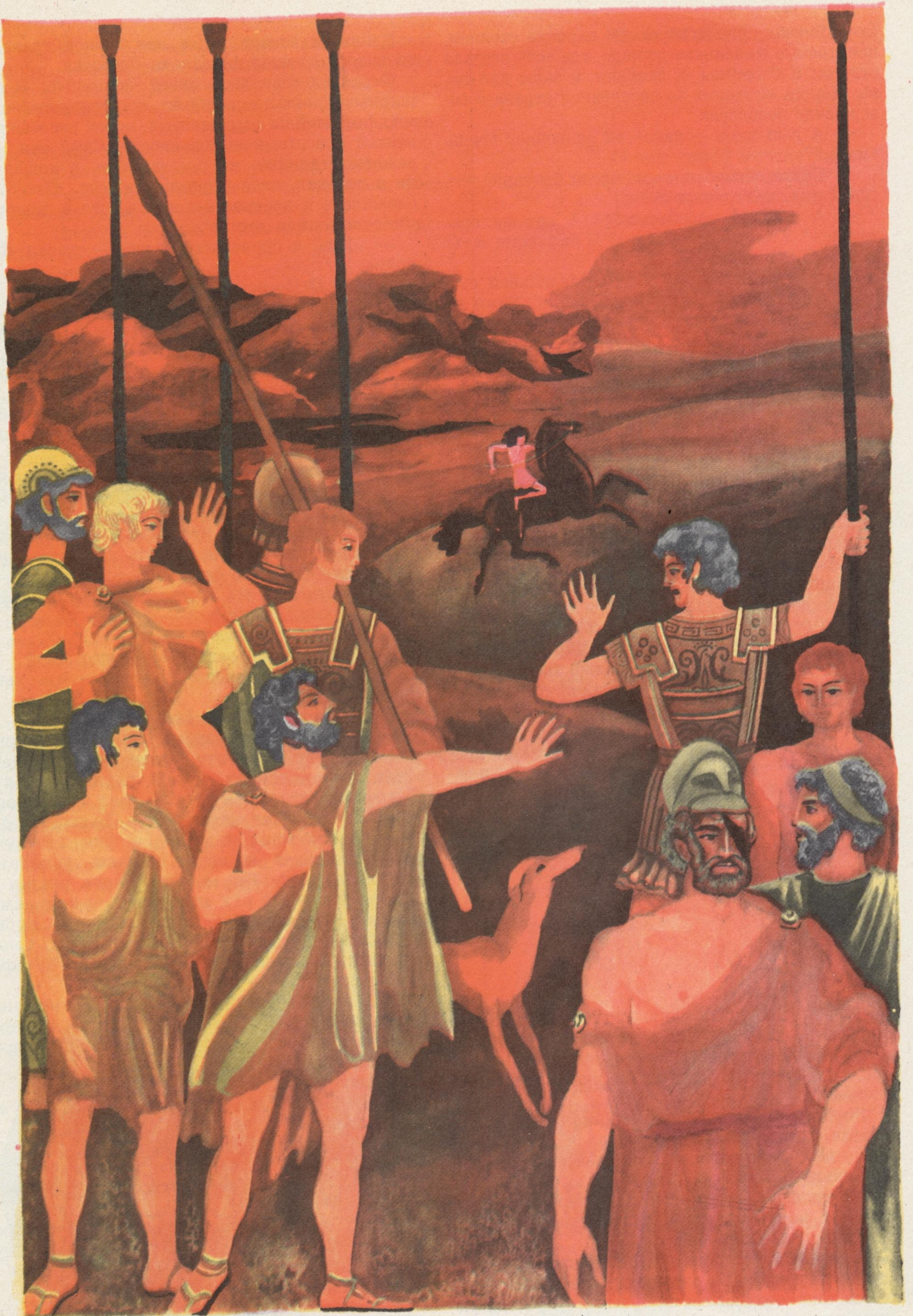
— А какой ваш главный город, где живет ваш царь?

— У нашего великого царя три столицы. Летом он живет в Экбатанах. Там кругом горы, прохладно. Потом он переезжает в Персеполь — этот город двести лет тому назад основал наш великий царь Кир. Потом наш великий царь уезжает в Вавилон. Город очень богатый, веселый, красивый. Когда-то наш великий царь Кир Ахеменид покорил его и отнял у вавилонян.

— А как, по каким дорогам проехать в столицу вашего царя, в Экбатаны? Можно на конях? Или надо на верблюдах? Я слышал, что у вас есть верблюды.

— Если царь македонский пожелает проехать в гости к нашему великому царю, то он может проехать на коне. Дорога прямая и широ-

¹ В семи километрах.



Прошло несколько страшных мгновений. И вот вдали снова показался всадник на вороном коне.

кая. Повсюду вдоль дороги — царские стоянки, прекрасные маленькие дворцы, где есть все для отдыха: и бассейны, и спальни, и залы для пира. Дорога проходит по населенной стране и совершенно безопасна.

— А ваш царь — каков он на войне? Очень смелый?

— Разве несмелые цари могли бы завладеть такой огромной державой?

— А войско у вас большое? А как вы сражаетесь? У вас тоже фаланги? И баллисты есть? И тараны?

Персы несколько смутились. Маленький сын царя македонского завел их в тупик. Сами не понимая как, они оказались чуть ли не в положении доносчиков о собственном государстве.

Фарнах ответил на это неопределенно и уклончиво. Речь его замедлилась, он тщательно подбирая слова, и не понять было, будто правду он говорит, а будто и нет. Речи льстивые, а смысл?..

Они, персы, очень уважают царя македонского. Но когда-то и цари македонские служили персидским царям. Он мог бы многое рассказать Александру о том, как служил персидскому царю Ксерксу македонский царь Александр, сын Аминты, как проходили персидские войска по Македонии, все опустошая на своем пути: города, деревни, запасы хлеба и воды, которой даже в реках им часто не хватало, — реки выпивали досуха. Но осторожнее. Перед ними сидит не ребенок, с которым можно говорить, не стесняясь. Его отец, царь Филипп, становится крупной фигурой. А маленький Александр уже и теперь казался персу небезопасным.

— Филипп, без сомнения, заслуженно прославленный полководец, — говорили послы между собой, когда Александр оставил их, — но сын его, если уж с этих лет задает такие вопросы, словно заранее прикидывает, как завоевать наше царство, что же из него будет, когда он вырастет и станет царем?

Букефал

Филипп залечивал рану. Он вернулся из Иллирии с перебитой копьем правой ключицей. Царь не любил болеть, не терпел бездействия. Но он не мог сейчас держать в руке ни меча, ни сариссы.

Жизнь во дворце была такой же шумной, как всегда, когда Филипп возвращался домой. Сейчас у него было полно гостей: греческие актеры, музыканты, философы, ученые.

Македонские цари издавна стремились привлечь к своему двору замечательных людей Эллады.

В царском мегароне всегда толпилась молодежь, дети знатных македонцев. И Александр со своими товарищами и друзьями. И всегда рядом с ним был его лучший друг, красивый, кудрявый Гефестион.

Однажды вскоре после полуденной трапезы во дворец пришел фессалиец Филоник.

Фессалия славилась своей конницей. В обширных долинах и равнинах, богатых пастбищами, фессалийцы выращивали коней необыкновенной красоты и выносливости. Сами они, отважные всадники, не расставались с лошадьёю ни в походах, ни в мирные времена. Оттого и сложилась в древности легенда, что в долинах Фессалии жили кентавры¹.

— Царь, я привел тебе коня, — сказал Филоник.

— Коня? Но разве у меня нет коней?

— Таких у тебя нет и не будет.

Филипп усмехнулся. Окруженный гостями, он вышел во двор.

Солнце уже свалилось к западу, но лучи его были еще жарки и ослепительны.

У Александра, когда он увидел коня, забилось сердце. Это был вороной конь с огненными глазами и белой звездой на лбу.

— Его зовут Букефал², — сказал фессалиец. — Видишь, какой у него широкий лоб? Как у быка. Хвалить не буду...

Конь в похвалах не нуждался. Он танцевал, ему не хватало терпения стоять на месте. Мускулы играли под его блестящей шерстью.

— Сколько же ты хочешь за своего Букефала? — спросил Филипп.

— Тринадцать талантов.

— Тринадцать талантов за одного коня?

— Да, за одного коня. Но такой и есть только один.

— Посмотрим, каков он в беге.

Испытывать коня отправились в поле, на широкую зеленую равнину, охваченную солнцем.

Молодой конник из свиты царя подошел к Букефалу, схватил за узду и вывел на равнину. Но, когда он хотел сесть на него, Букефал с диким ржанием встал на дыбы и отпрянул в сторону. Этер кричал на коня, стараясь усмирить, затыгивал узду. Но от этого конь впадал в ярость, и каждый раз, как только конник намеревался вскочить на него, взвивался на дыбы.

Подошел другой этер, более опытный, более суровый. Но сколько он ни боролся с Букефалом, конь и ему не покорился.

Филипп начинал хмуриться. Если бы не рана, он бы сам попробовал укротить коня. А этеры выходили к Букефалу один за другим и возвращались, ничего не добившись.

Филипп рассердился.

— Веди отсюда своего коня, — сказал он фессалийцу, — он же совсем дикий!

Тут Александр не выдержал.

— Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его!

Филипп сверкнул на него взглядом, но промолчал. Молодые македонцы-этеры были смущены. Попытались еще один-другой сладить с конем. И не могли.

¹ Кентавр — получеловек-полулошадь.

² Букефал — быкоглавый.

— Эх, — с досадой опять сказал Александр, — какой лошади лишаетесь вы, и только потому, что не умеете ездить и трусите!

Филипп прикрикнул на него:

— Ты упрекаешь старших, как будто лучше их умеешь обращаться с конем!

— С этим по крайней мере я справлюсь...

— А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость?

— Клянусь Зевсом, я заплачу то, что стоит конь!

Все вокруг засмеялись.

— Хорошо, — сказал Филипп, — спорим на тринадцать талантов!

Александр сразу бросился к Букефалу. Крепко схватив за узду, он поставил коня против солнца: Александр видел, что конь пугается своей тени, которая мечется перед ним по траве.

Потом позволил ему бежать и сам побежал рядом, не выпуская узды, и все время ласково поглаживал коня, успокаивал его. А когда увидел, что Букефал успокоился, дышит глубоко и ровно, Александр тихонько сбросил с себя плащ и прыжком взлетел на коня. Конь рванулся. Александр сначала слегка сдерживал его, натянув поводья, а когда почувствовал, что конь рвется бежать, дал ему волю да еще и крикнул на него, ударив по бокам пятками. Конь, вскинув голову, птицей полетел по зеленой равнине.

У Филиппа дрогнули и сомкнулись брови. Все кругом умолкло, затаив дыхание, охваченные тревогой и страхом. Александр уходил из их глаз, исчезая в знойном мареве долины. Кажется, он сейчас исчезнет и больше не вернется.

Прошло несколько страшных мгновений. И вот вдали снова показался всадник на вороном коне. Конь бежал красиво, словно летел на невидимых крыльях, а мальчишка сидел на нем, как влитой, сияющий, гордый, торжествующий.

Царская свита закричала, приветствуя Александра. Когда мальчик соскочил с коня, Филипп обнял его и поцеловал.

— Ищи, сын мой, царство по себе, — сказал он. — Македония для тебя слишком мала.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.



Юрий КОРИНЕЦ

Мечты

О чем порой мечтает
Мальчишеский народ?
Твоим пройти бы следом,
Далекий луноход!

О чем же космонавты
Мечтают в вышине?
О земляках далеких,
О детях и жене.

Мечты у всех различны,
Но все имеют цель,
Которая находится
За тридевять
Земель.

Петру КЭРАРЕ

Летний дождь

Дождик при солнце
Веселый такой!
Вырасти хочешь?
Под крышей не стой!

Солнце. А дождик
Стрекочет легко.
Вырасти хочешь?
Беги под него!

Нет полотенца?
Пустяк. Не журись!
Радугу с неба
Достань и утрись!

Перевел с молдавского
Б. МАРИАН.

Татьяна БЕК

Песня про кузнечика

С асфальтовой жаркой дороги
В окраинный скверик свернем...
Под лавкой усатый кузнечик
Стрекочет о чем-то своем.

Но только не просто стрекочет,
Но только не просто поет —
Он, может быть, песенкой этой
Теплу умереть не дает.

Поймала! Но он застеснялся,
Усы опустил и — молчок.
...Кузнечик ты мой, человечек,
Зеленый ты мой дурачок.



ТРАМ ТХИ ДА ОБВИНЯЕТ ● В КОРОЛЕВСКИХ ПАЛАТАХ ● ПОДАРКИ ЮНЫХ ТЕЛЬМАНОВЦЕВ ● СУДЬБА МАЛЕНЬКИХ ИНДЕЙЦЕВ ● ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ЧЕМПИОНКА

Это были американцы

В маленькой деревушке оставались только старики, женщины и дети. Но солдаты, нагрянувшие в нее однажды утром, были вооружены автоматами и скорострельными винтовками. У них были пулеметы, гранаты и даже два миномета. Двенадцатилетняя Трам Тхи Да видела, как рослые парни сгоняли жителей на площадь. В ту минуту она еще не могла представить, что произойдет, и хотела пойти вместе со всеми. И вдруг грянули выстрелы. Девочка бросилась бежать.

В маленькой вьетнамской деревушке уцелели лишь трое — остальных убили.

«Это были американцы, — сказала Трам Тхи Да членам

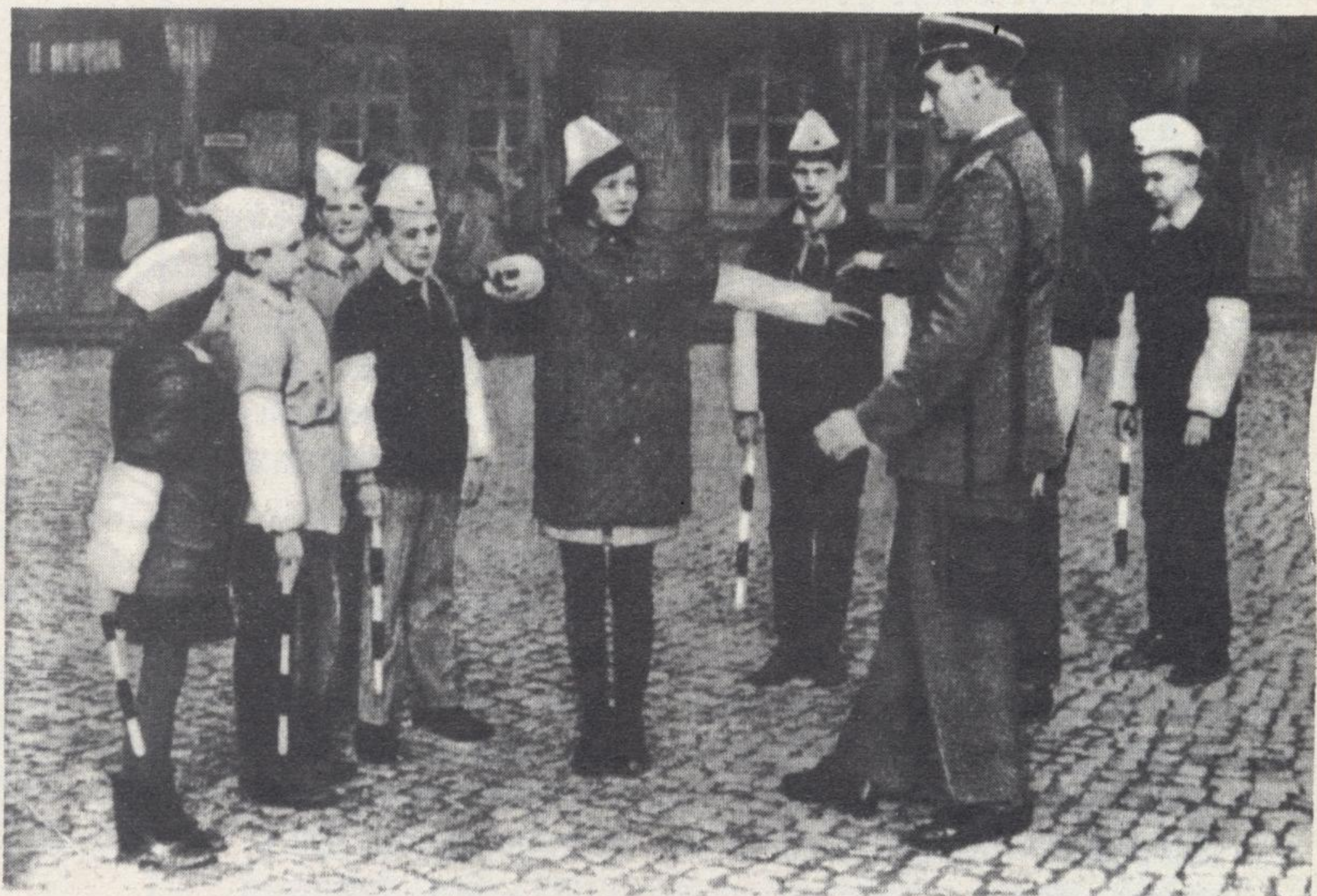
Стокгольмской международной комиссии по расследованию преступлений американских войск во Вьетнаме. — Я видела и слышала солдат, которые убивали. Они разговаривали по-английски».

Когда-то представители Америки поставили свои подписи под приговором трибунала в Нюрнберге, осудившим гитлеровских военных преступников. Сегодня американская военщина творит расправу над мирными жителями Вьетнама. Тысячи детей, как и Трам Тхи Да, получают страшные уроки английского языка. На нем разговаривают убийцы, мало чем отличающиеся от своих предшественников — нацистов.

Операция «Транзистор»

Каждый день в почтовые отделения Берлина и Дрездена, Ростка и Веймара поступали десятки посылок с одним адресом: «Вьетнам. Пионерам и школьникам». Самолеты и теплоходы, поезда и автомашины увозили подарки юных тельмановцев — транзисторные приемники, собранные в школьных мастерских и на станциях техников, самодельные механические игрушки, которые даже по отзывам специалистов мало чем уступают фабричным, наборы инструментов. От старших ребят не захотели отставать и младшие. Каждый посылал, что мог: девочки — любимых кукол, мальчишки — мячи и авторучки, модели кораблей и самолетов.

Проходила операция «Транзистор», объявленная Центральным советом пионерской организации имени Эрнста Тельмана. Как признавались потом почтовые служащие, работы им хватало.



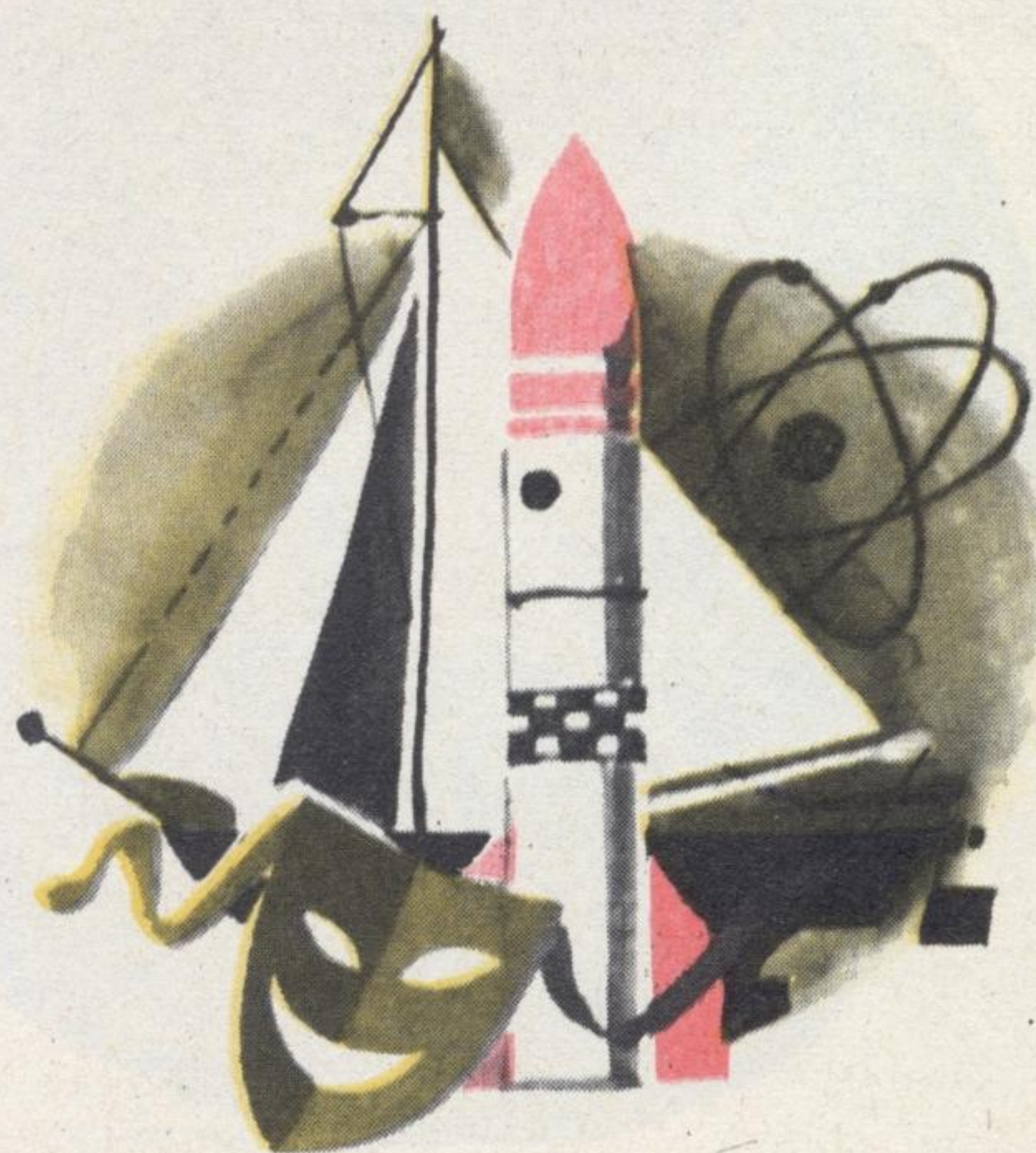
Десять лет в городе Нордхаузене (ГДР) пионеры и школьники изучают правила уличного движения. Руководит занятиями офицер-регулирующий Хейнц Ноллер. У ребят есть своя учебная дорога. А когда курс обучения заканчивается, они устраивают в окрестностях города своеобразный экзамен — «Дорожную олимпиаду».

Новые хозяева старого дворца

В этом роскошном дворце столько же комнат, сколько и дней в году, — ровно триста шестьдесят пять. Когда-то его хозяином был румынский король. Но в 1948 году, после победы народной власти, монарх и его придворные вынуждены были освободить помещение. Вот уже двадцать с лишним лет здесь распоряжаются другие хозяева — пионеры.

Ежедневно сюда приходит несколько тысяч ребят. Одни занимаются в театральных коллекти-

вах, разучивают песни и танцы, другие — их, конечно, большинство — спешат в кружки электроники, радио, в авиамodelьные мастерские. В выставочном зале собраны уникальные экспонаты: действующие модели судоверфи, электростанции и даже атомного реактора. Пояснения к экспонатам дают роботы, сделанные ребятами из кружка электроники. В некогда мрачноватом и чопорном дворце всегда многолюдно и весело.





Нелегко живется на американской земле дальним потомкам ее коренных обитателей. Журналы Соединенных Штатов любят помещать на своих страницах экзотические снимки людей, словно сошедших со страниц Фенимора Купера и Майн Рида, но гораздо реже сообщает печать о том, что удел индейцев — нищета и голод.

Недавно в больницу местечка Боулдере, вблизи Лас-Вегаса, доставили пятерых индейских ребятишек. Изголодавшиеся дети походили на скелеты. Врачи обнаружили у них туберкулез легких.

Трудно сказать, как бы сложилась судьба индейских ребят. Скорее всего трагично. Но два студента, Майкл Мило и его жена Лин, не только вылечили и откормили ребят, но и оставили их у себя в доме. Как раз в это время Майкл получил небольшое наследство. Молодые супруги купили маленькую ферму и поселились в ней вместе с детьми.

Да, пятерым индейским малышам повезло. Но как быть с сотнями других? Богатейшая капиталистическая страна не может обеспечить работой и прокормить потомков коренных обитателей Америки.

Там, где все продается

Английский фермер пригласил советских туристов в гости. Путь машине то и дело преграждали ворота, обозначающие границы частных владений. Кто-нибудь выходил из машины, открывал и закрывал ворота. Эта процедура порядком всем надоела. И вдруг у ворот оказался мальчуган лет девяти. Он быстро распахнул ворота и приветливо помахал вслед. Туристы заулыбались и тоже помахали ему. Фермеру это не понравилось.

— Нехороший мальчик, — строго заметил он. — Открывает ворота чужим и не берет за услугу денег.

Сделка не состоялась

Игра в футбол перестает быть привилегией мужчин. Все чаще и чаще выходят на зеленое поле и женские команды. Одна из таких команд создана в шведском городе Бора. В ней играет пятнадцатилетняя Ингред Клессон.

Юный форвард Ингред добилась больших успехов: в десяти матчах она послала в ворота соперниц тридцать пять голов. Такого результата не добивался даже общепризнанный король кожаного мяча — бразилец Пеле.

Футбольные таланты в капиталистических странах, как известно, предмет купли-продажи. Спортивные дельцы обратили внимание и на Ингред Клессон. Ей была обещана приличная сумма за переход в итальянский клуб «Миланские красавицы», выигравший мировое первенство среди женщин.

Однако сделка не состоялась. Отец Ингред устоял перед соблазном. «Она должна еще сидеть за партой», — заявил он.

РУМЫНИЯ. В городе Сихисоари во время наводнения поток перевернул плот, на котором спасались женщина с тремя детьми и двое мужчин. Пионеры Ероним Раску и Адриан Апосту бросились на помощь. Преодолевая бешеное течение, они подхватили двух малышек и поплыли к берегу. Третьего ребенка и женщину спасли мужчины. Ероним и Адриан награждены высшим знаком пионерского отличия «Смелый». Третий значок вручен пионеру Захария Кристеа — он спасал инвентарь школы, оказавшейся под водой.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В Центральном доме пионеров Братиславы открыт клуб любителей кактусов. Юные кактусоводы устроили выставку, на которой показано двести пятьдесят красивых, необычной формы растений.

ФРАНЦИЯ. Мари-Франсуаза Виктор из города Арна закончила школу в четырнадцать лет. Благодаря своим блестящим знаниям девочка принята в педагогическое училище. Скоро Мари-Франсуаза станет самой молодой учительницей Франции.



Харцер Марек Круковский приютил искалеченного вороненка. Птица выросла, поправилась и стала неразлучным другом Марекка. На рассвете она просыпается и будит мальчика настойчивым криком. Сначала Марек сердился на нее, а теперь рад — все школьные уроки он успеваеет приготовить утром.



ЧЕЛОВЕК

В СТЕРИЛЬНОМ ХАЛАТЕ

Кандидат медицинских наук
Г. ФАЙБУСОВИЧ

Фото В. ПОСТНИКОВА.

РАССКАЗЫ О ХИРУРГИИ

«Чур, не мое горе!»

Давным-давно, когда мне было одиннадцать лет, со мной произошла одна история. Я был вратарем нашей дворовой команды. Однажды я стоял в воротах, следя за нападающими, и вдруг меня словно кто укусил внутри живота.

Я чуть было не пропустил гол. А немного позже в нашем тихом переулке можно было наблюдать небывалое зрелище: из-за угла, фырча и сотрясаясь, вывернул большой белый автомобиль с крестом на лобовой фаре. Такие же зловещие красные кресты были нарисованы на его стеклах. Он затормозил у подъезда.

Сбежались все мальчишки и все девчонки. Они поднимали кверху два пальца, восклицая: «Чур, не мое горе!» Такой был у нас обычай.

Увы, я не мог последовать их примеру: автомобиль приехал за мной. Я не знал, гордиться мне

или стыдиться. С кривой улыбкой, держась за живот, я вышел из дому и побрел к машине между двумя рядами благоговейно молчавших ребят. Рядом шла моя мама.

Хлопнули дверцы, и внезапно высоко и тревожно завывала сирена. Мы мчались по городу.

Спустя четверть часа я уже лежал на кушетке в белой комнате — это был, очевидно, приемный покой, но нельзя сказать, чтобы там царил покойствие. Мимо меня озабоченно сновали люди, одетые в белые халаты. То и дело раскрывались высокие двери, и санитары вносили на носилках больных.

Ко мне подсел доктор. Это был пожилой растрепанный человек в очках, с засученными рукавами. Доктор делал сразу несколько дел: расспрашивал мою маму, отдавал распоряжения медицинской сестре и очень авторитетно, с большим знанием дела рассуждал о шансах спартаковцев выйти в полуфинал. Это потому, что я с самого начала объявил ему, что болею за «Спартак», сам же он болел за «Динамо».

Между тем руки доктора быстро и ловко ощупывали мой живот. Мне это не понравилось — особенно когда он нажимал справа. Вдруг он встал, посмотрел на меня поверх очков и произнес загадочное слово: «Аппендицит».

Мама побледнела. «Резать?» — прошептала она.

Тогда доктор объяснил, что резать будут не меня, а какой-то червеобразный отросток, который сидит у меня в животе и, пожалуй, наделает бед, если его не оттяпать. Он так и сказал: «Оттяпать».

Я засмеялся. Хотя, по правде сказать, мне было сильно не по себе.

И вот я очутился в большой, светлой и прохладной комнате. С потолка свешивалась лампа, похожая на перевернутый таз. Меня уложили на стол, и я увидел свое отражение в серебряной чаше, висевшей прямо надо мной. Лампа была такая большая, что я весь умещался в ней.

Вошел доктор, тот самый, который собирался отстричь у меня этот — как его? — аппендицит. Доктор подмигнул, и на душе стало немного веселей.

Он был странно одет: на нем был глухой халат без пуговиц, половину лица закрывала маска из марли. На ногах — белые бахилы. Такой же костюм был у операционной сестры.

Доктор стал мыть руки. Это оказалось сложным делом. Он долго тер и полоскал их сначала в одном тазу, потом в другом. Потом с небывалыми предосторожностями, стараясь не задеть ничего руками, обтер их куском марли. Он нес перед собой свои руки, точно драгоценность. Сестра ловко натянула на них дымчато-белые резиновые перчатки.

Лампа вспыхнула над моим животом. Доктор, крикнув, подошел ко мне; наступила торжественная минута.

Тут, к сожалению, я должен вас разочаровать. Самое интересное я не увидел. Что-то влажное, вроде тряпки, неожиданно легло мне на лицо.

Голос сзади скомандовал:

— Считай! Громко, до десяти.



Хирург и операционная сестра — главные люди в этом зале.

Конечно, это была не тряпка, а маска для наркоза. Я принялся считать вслух. Но тут же я заметил, что язык как-то плохо слушается меня. С каждой минутой голос мой звучал все глуше; я хотел продолжать считать, но сбился... В голове у меня зазвенело, все исчезло, и я молча полетел в черную пустоту.

Когда я проснулся, никакой операционной уже не было. Светило солнце, и за окном вдоль карниза важно расхаживал красноглазый голубь, сбоку поглядывая на меня. Я лежал в палате. Возле кровати сидела мама. Операция давно кончилась. Меня слегка поташнивало после наркоза, но в общем я чувствовал себя великолепно.

С тех пор утекло немало воды, я успел побывать в разных переделках, и все же нет-нет да и вспоминается мне этот уже далекий теперь случай. Те-

перь-то мне ясно, что если бы доктор тогда не угадал мою болезнь, если бы он не настоял на операции, все могло бы кончиться очень печально. Говоря откровенно, я бы попросту умер.

Так я впервые познакомился с хирургией.

«Дочь разума»

«Хирургия — это когда режут!» — сказал один мой приятель, мальчик лет десяти, когда его спросили, что такое хирургия.

А вот как отвечает на этот вопрос древняя санскритская рукопись, дошедшая до нас из глубины веков.

«Хирургия, — говорится в ней, — это драгоценный дар богов, дочь разума... Да будет прославлен тот, кто постиг ее тайны!»

Слова эти написаны около девятнадцати веков назад — на рубеже нашей эры. Но хирургия возникла гораздо раньше. Начало ее теряется во мгле тысячелетий. Вероятно, она существует с тех пор, как существует на земле человечество.

Роясь в старинной утвари, перелистывая полуистлевшие манускрипты, ученые узнали немало интересного о прошлом медицинской науки. В каменных египетских гробницах сохранились ножи из позеленевшей бронзы; хирурги, которые оперировали больных этими ножами, жили без малого пять тысяч лет назад. В древней Индии врачи умели вскрывать череп. Они додумались лечить повреждения кишечника, прикладывая к ранам — кого бы вы думали? — живых муравьев. Крохотные муравьиные челюсти, точно скрепки, соединяли края раны; после этого врач отрывал туловище насекомого. Кишка заживала. В Индии было сделано величайшее открытие: хирурги научились «штопать» человеческое тело — зашивать раны льняными нитками. И до сих пор врачи используют этот прием.

А кто придумал останавливать кровь, перетягивая кровеносный сосуд тонкой шелковинкой? (Теперь это называется «лигатура».) Неизвестно, так же как неизвестно, кому впервые пришла в голову гениальная мысль — перевязать рану бинтом.

Но, развиваясь, медицина шла вперед не по прямому пути, а как бы двигалась по спирали. Многие достижения древнегреческих, индийских, китайских хирургов были забыты в средние века, а затем открыты заново. В XVI веке во Франции жил один цирюльник, звали его Амбруаз Парэ. Этому парикмахеру суждено было стать величайшим врачом своего времени. Парэ был участником многих войн и слыл необычайно искусным масте-



Смотришь на этот старинный рисунок — и невольно вспоминаются строки Гомера:

«Стоит многих людей один врачеватель искусный;
Вырежет он и стрелу, и рану присыплет лекарством...»

ром лечения ран. Он извлек из забвения многие старые методы остановки кровотечения, изобрел лигатуру сосуда, не подзревая, что этот способ был уже придуман за много веков до него.

Однажды он стал свидетелем странного случая. В дом «первого хирурга короля» — таков был титул Амбруаза Парэ — вбежал, задыхаясь, прохожий. Доктора срочно вызывали к умирающему. Схватив сумку с инструментами, Парэ поспешил на место происшествия.

Толпа расступилась, пропуская врача. На мостовой ничком лежал человек. Парэ опустился на колени перед раненым, разрезал на нем одежду.

Человек был мертв. Несколько минут назад он скончался от раны в сердце, полученной на дуэли.

В том, что среди бела дня на улице Парижа два драчуна скрестили шпаги, не было ничего удивительного. Стычки между дворянами в то время были обычным делом. Удивительным было другое. Дуэль состоялась не здесь. Она произошла на другом конце улицы, и, расспрашивая очевидцев, Парэ с несомненностью установил, что, получив смертельный удар шпагой в сердце, раненый не умер сразу, даже не упал, а погнался за своим противником. Преследуя его, он пробежал двести метров и без чувств рухнул на землю.

Парэ возвращался домой в глубоком раздумье. Человек с продырявленным сердцем бежал стремглав без малого четверть версты! Значит, такое ранение не является безусловно смертельным? А раз так, его можно лечить?

И еще одна мысль пришла в голову королевскому хирургу. До сих пор врачи лечили наружные повреждения. Они умели отсекают конечности, накладывая на раны целебные повязки. Но никто еще не решался оперировать внутренние органы. Считалось, что человек мгновенно умрет, если ему вскрыть желудок или какой-нибудь другой орган, скрытый в глубине тела. Парэ — недаром его называют отцом хирургии — был первым, кто усомнился в этом.

Нож в желудке

До нас дошел любопытный документ — описание операции, выполненной в 1635 году на медицинском факультете одного из университетов Северной Германии.

В жаркий летний день к воротам университета, громяхая, подъехала крестьянская телега. В ней



Кажется, что здесь много людей. Но в операционной нет места лишнему. У каждого свои обязанности. Идет операция пересадки почки, и от каждого движения рук врача зависит жизнь человека.

сидел бледный, перепуганный человек. Час тому назад он проглотил... нож.

Никто не понимал, как это могло произойти. Крестьянин уверял, что хотел поковырять в зубах. Сунул в рот рукоятку перочинного ножика, держа его за открытое лезвие. Неожиданно нож выскользнул из пальцев и в одно мгновение исчез в пищеводе.

Ученые медики долго совещались, не зная, что предпринять. Наконец, решение было принято. Оно было неслыханным. Врачи решились на отчаянную попытку спасти больного.

Огромная толпа собралась в сумрачном актовом зале, где под высокими сводами, на круглых скамьях в торжественном молчании восседали члены коллегии, облаченные в парадные мантии. Был отслужен молебен. Пациента заставили выпить чашу с опьяняющим питьем. После этого его привязали к доске.

Декан факультета, в пурпурном одеянии, с золотой цепью на груди, провел углем полосу на животе больного. По этой линии хирург Даниэль Шабе сделал разрез. Он рассек брюшную стенку и стал искать желудок...

В зале стояла мертвая тишина. Больной лежал не шевелясь: он был в глубоком обмороке.

Шабе долго копался в ране. С большим трудом ему удалось подцепить крючком желудок и вскрыть его. Потрясенные зрители не спускали глаз с хирурга, низко склонившегося над столом.

И вдруг он выпрямился, высоко поднимая над головой, чтобы всем было видно, нож, проглочен-

ный крестьянином. Зрители вскочили с мест. Они не верили своим глазам. Потом раздались аплодисменты.

Рану зашили. Крестьянин выздоровел.

Лиловые пятна

Как давно это было! И стоит ли вспоминать об этом? Даже в девятнадцатом столетии такая операция, как рассечение желудка, уже никого бы не удивила.

Дело в том, что в XIX веке в медицине совершился переворот. Она стала наукой. Ученые проникли в тайны человеческого организма. Конечно, многого они еще не знали. Но они поняли, как работают сердце, легкие, для чего нужна кровь, как совершается пищеварение. Хирурги изучили анатомию человеческого тела и уже не оперировали наугад. Они научились работать уверенно, хладнокровно, а главное — быстро. Всего семь минут требовалось знаменитому хирургу Николаю Ивановичу Пирогову, чтобы сделать сложную операцию — ампутацию бедра.

Но тут произошла странная и на первый взгляд непонятная вещь. В век великих достижений медицинской науки развитие хирургии неожиданно затормозилось. Хирургия точно уперлась лбом в стену.

Что умели делать хирурги? Вскрывать гнойники, удалять камни, ну и, конечно, оперировать

раненые конечности. Но, разработав с блеском несколько операций, хирурги перестали изобретать что-либо новое. Они словно разочаровались в своем ремесле.

Что же произошло? Чтобы понять это, вспомним трагический эпизод, который произошел сто шестьдесят лет назад — 7 сентября 1812 года.

В этот день с раннего утра над полем вблизи деревни Бородино, в ста двадцати километрах от Москвы, стелился пороховой дым. Гремела канонада. Армия французского императора Наполеона сошлась для решительного сражения с русской армией, которой командовал Кутузов.

Семь раз полки императорской конницы, пехота и кирасиры пытались штурмом взять укрепленные позиции русских. Одна за другой все атаки были отбиты. обороной руководил смуглолицый горбоносый генерал, человек необычайной храбрости — Петр Багратион.

Наступил полдень, а французы так и не добились успеха. Отчаявшись, гренадеры побежали в атаку со штыками наперевес; одновременно загремели семьсот пушек. В эту минуту Багратион был ранен.

Ординарцы вынесли его из гущи боя. Военный врач осмотрел генерала. Осколок снаряда раздробил левую ногу ниже колена.

К ночи битва закончилась. Армия Кутузова двигалась к Москве по Смоленской дороге, а в это время измученного князя Багратиона везли в повозке в далекий тыл. Он слабел с каждым днем. Но не от потери крови: кровотечение было оста-

На халате хирурга нет пуговиц. Одеться помогают сестра и санитарка.



У хирурга не просто чистые руки. Его руки должны быть стерильны.

новлено. И не оттого, что получил тяжелое повреждение: рана голени, как бы ни была она серьезна, сама по себе не угрожает жизни. Но вокруг раны появились зловещие лиловые пятна. Нога распухла. Началась лихорадка. Врачи с ужасом следили за ходом событий: они слишком хорошо знали, что все это значит. Бороться с этим они не умели. Прошло несколько дней, и Багратион скончался.

Невидимый Враг

Заражение крови — вот как это называлось.

Вот что было кошмаром хирургов, что уничтожало плоды их труда, сводя на нет результаты самых блестящих операций, и

губило тысячи больных.

За операционным столом хирург уверенно делал свое дело. Искусно обходя кровеносные сосуды и нервные стволы, он быстро и ловко соединял ткани, зашивал рану, накладывал повязку. А потом проходило немного времени, и рана начинала гноиться. Больной метался и бредил. Он становился опасным для окружающих: если на соседней кровати лежал другой оперированный, то заболел и он. И целые эпидемии сепсиса — гнояного заражения крови — косили подряд людей, опустошали госпитали и приюты для рожениц. У хирургов опускались руки...

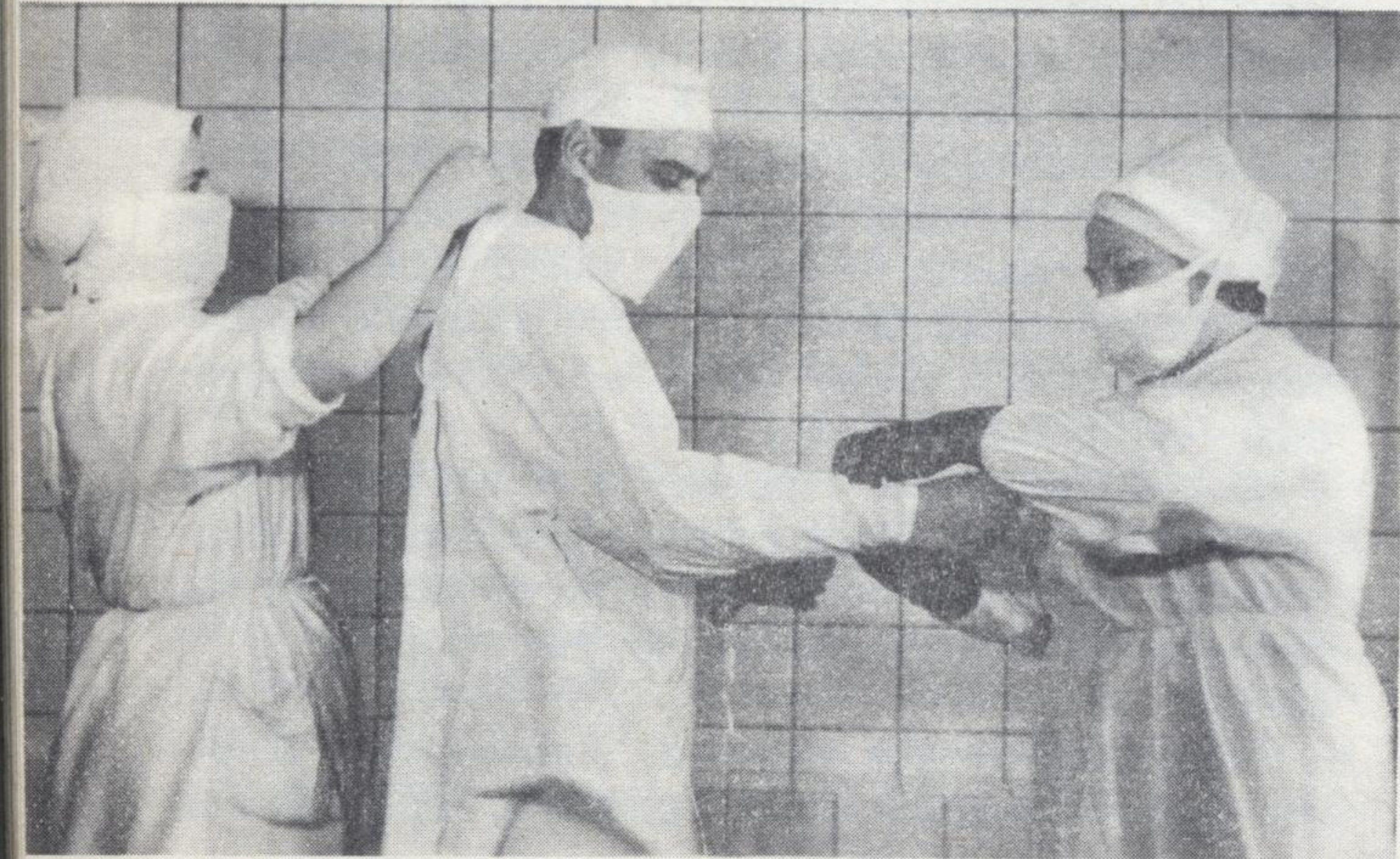
Точно какой-то незримый враг подстерегал оперированного больного, и едва только хирург заканчивал свою работу и, усталый, отходил от стола, чтобы вымыть руки, невидимка набрасывался на несчастного пациента!

Вы, наверно, догадались, в чем тут было дело. Эту тайну ученые разгадали во второй половине прошлого века, после того, как великий бактериолог Луи Пастер доказал, что гниение органических веществ вызывают невидимые глазу живые существа — микробы.

В том-то и дело, что хирург мыл руки после операции, а не перед ней! Его пальцы, как и салфетки, бинты, инструменты, кишели болезнетворными бактериями, и целые полчища их устремлялись в глубь раны, пока хирург оперировал.

Около восьмидесяти лет назад возникла хирургическая асептика. Это слово означает умение оперировать так, чтобы не пустить в рану ни одного микроба. Как это делается, вы сейчас увидите сами.

...Войдем на цыпочках в операционный блок, попросим разрешения постоять во время операции.



Как здесь чисто! Нигде ни пылинки.

На длинной блестящей ноге в углу стоит кварцевая лампа. Ею облучают операционную, чтобы ультрафиолетовые лучи убили микробов, которые могут оказаться в воздухе.

В соседней комнате хирурги, засучив рукава, долго трут руки щетками и моют в обеззараживающем растворе. Затем протирают руки спиртом. Но и этого мало: они еще надевают стерильные перчатки. В операционную входят в масках и стерильных халатах.

На столе лежит больной, он покрыт стерильной простыней. В том месте, где будет сделан разрез, оставлено окошко. Кожу больного протирают спиртом и йодом.

С какой осторожностью операционная сестра разворачивает стерильную пеленку, в которую завернуты инструменты! Перед этим они два часа кипятились в стерилизаторе. Длинным, похожим на щипцы корнцангом сестра достает из банки со спиртом мотки шелковых ниток. Хирурги снова моют спиртом обтянутые перчатками руки...

И так на каждом шагу. В операционной царит строжайшая дисциплина. Хирург не имеет права утереть пот со лба, поправить на голове шапочку. Он не должен дотрагиваться ни до чего постороннего. Ведь его руки погружаются в рану, касаются тканей и внутренних органов, куда ни при каких обстоятельствах не должна проникнуть инфекция.

Победа над болью

Разрез, вскрытие, рассечение... Но ведь режут-то не дерево! Ведь даже палец порежешь — и то больно.

Хирургию долгое время представляли себе как что-то мучительное. Увы, это было правдой.

В старинных медицинских книгах можно найти чудовищные рисунки, изображающие лечение болезней, но гораздо больше похожие на картины пыток. Хирург с ножом в руке склонился над искаленной ногой, а вокруг сгрудились люди — держат больного. На другой картинке пациента чуть ли не веревками привязывают к операционному столу.

Чтобы хоть немного заглушить боль, мучеников поили одуряющими настоями. Но помогали они плохо. В результате простейшее вмешательство, вроде удаления зубов, превращалось в пытку.

И вот в 1846 году в американском городке Бостоне произошло небывалое событие. Ученик зубо-врачебной школы Мортон вырвал больному зуб, а больной даже не заметил этого!

За две минуты до операции Мортон дал ему понюхать комочек ваты, смоченный холодной и пахучей жидкостью. Больной подышал и... уснул. И даже не слышал, как окровавленный зуб со стуком упал в таз.

Так был открыт эфирный наркоз. Пары эфира обладают свойством выключать на время сознание. Одновременно исчезает чувство боли.

Таких веществ сейчас известно много, называются они анестетиками. Возникла особая наука —

анестезиология, и в наши дни ни один хирург не начнет операцию, пока в операционную не войдет врач-анестезиолог, специалист по наркозу. Он склонится у изголовья, быстрым, нежным движением введет больному трубку, соединенную с наркозным аппаратом, и в легкие неслышно заструится усыпляющий газ. Затем он впрыснет спящему больному особое вещество, от которого расслабляются мышцы. С этой минуты лежащий на столе человек уже не будет дышать самостоятельно. Его легкие будет раздувать аппарат искусственного дыхания — нагнетать кислород, отсасывать углекислый газ. Это называется управляемым дыханием.

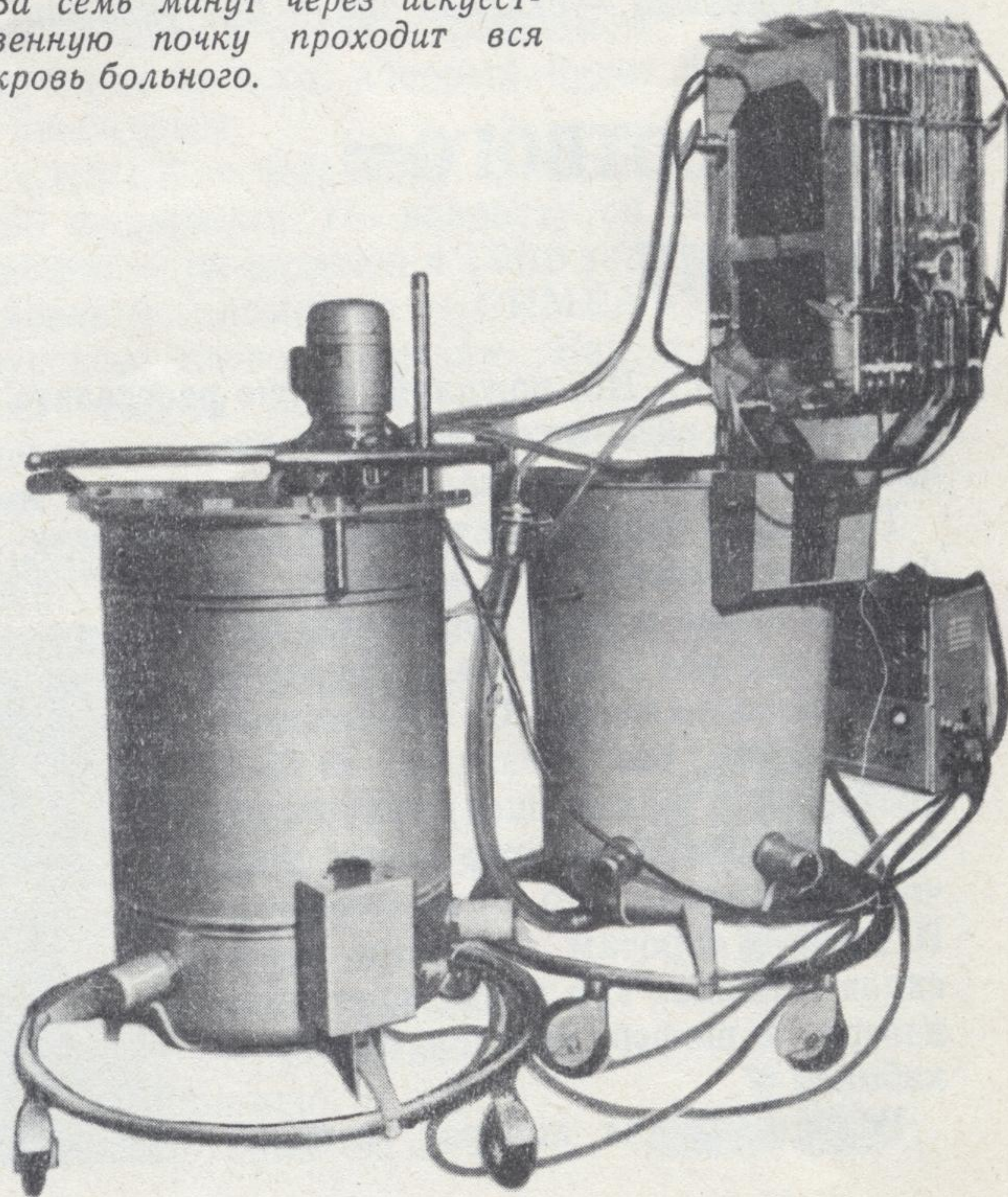
Теперь хирург может работать спокойно. Больной спит, грудь его мерно вздымается, а мускулы расслаблены. За его состоянием зорко следит врач-анестезиолог: проверяет пульс, регулирует дыхание. И, когда больного отвезут в послеоперационную палату, анестезиолог будет сидеть у его постели до тех пор, пока он не проснется после наркоза.

Искусственная почка

Есть такая болезнь — воспаление почек. Она тянется долго, незаметно и, в общем, не так уж опасна. Но иной раз дело оборачивается плохо: почки, проболев много лет, в конце концов перестают работать. Они больше не в состоянии очищать кровь от лишних, ядовитых веществ. И тогда пиши пропало: дни больного сочтены.

Так и случилось с одной моей знакомой. Когда-то мы вместе учились в одном классе. Я даже не знал, что у нее неладно с почками. Вдруг узнаю, что она в больнице.

За семь минут через искусственную почку проходит вся кровь больного.



Я долго ехал в метро, потом тряся в автобусе. Наконец показалось длинное белое здание. На фронтоне вывеска: «Институт трансплантации органов и тканей».

Надев халат и белую шапочку, сменив обувь, я на цыпочках приблизился к палате и приоткрыл дверь. На единственной кровати лежала Катя. Выглядела она ужасно.

Я заметил, что от ее руки, от того места, где сквозь кожу просвечивают голубые жилки, тянутся к окошку в стене две резиновых трубки.

Врач провел меня в соседнюю комнату. Оттуда доносился приглушенный шум. Оказалось, трубки, протянутые от Катиной руки, вшитые в ее кровеносные сосуды, соединяют их со сложной машиной, занимающей чуть ли не полкомнаты.

Вверх-вниз, не останавливаясь ни на минуту, сновал поршень электрического насоса. В цилиндрическом баке, похожем на стиральную машину, крутилась вода. Самой же главной частью этого сооружения была батарея из пластмассовых пластин с целлофановыми прокладками. Между пластинами струилось что-то розовое.

Машина носила странное и даже пугающее название — «искусственная почка».

Но что же дальше? Лежать всю жизнь возле машины, жить благодаря ей, никогда не выходя из больницы?..

Случилось так, что я несколько месяцев ничего не знал о Кате. Вернулся из командировки и сразу позвонил. Неожиданно к телефону подошла сама Катя.

Я не верил своим ушам.

— Катя! — крикнул я в трубку. — Это ты? Ты дома?

— Конечно, — ответила она.

— Ты здорова?

— Вполне.

— А как же... — Я замаялся. — А как же твои почки?

— Приезжай, — сказала она. — Все узнаешь.

От мертвого — живому

И я узнал... Но, пожалуй, лучше рассказать все по порядку. Для этого придется начать несколько издалека.

Примерно через неделю после того, как я навестил ее в больнице, на другом конце города произошло одно печальное событие. Грузовик сшиб мотоциклиста. С забинтованной головой, без сознания, он был доставлен в ближайшее хирургическое отделение, но уже через полчаса стало ясно, что он не выживет. И тогда к воротам больницы подъехала машина. Три врача поднялись наверх, а шофер остался ждать в кабине.

В два часа дня аппарат, записы-

вающий биотоки мозга, показал прямую линию. Раненый умер. Немедленно его тело было перенесено в соседнюю операционную, где находились врачи из института трансплантации.

Смерть — это всегда смерть. Это конец человеческой жизни, и ничего тут не поделаешь. Но даже смерть можно заставить служить жизни.

В 2.05 врачи приступили к операции. Умерший лежал на столе. Хирург вскрыл брюшную полость, отодвинул кишечник. Под тонкой синеватой пленкой брюшины лежали почки. Тому, кто обладал ими, они уже были не нужны. Но они были еще живые, они были нужны тому, кто жил.

Четыре минуты ушло на то, чтобы отмыть почки от сгустков крови и перерезать сосуды. Стараясь не сделать ни одного лишнего движения, хирург вынул из тела сначала одну, потом другую почку, осторожно опустил их в контейнер, похожий на две кастрюли, вставленные одна в другую. Между кастрюлями лежали кусочки льда. Холод поможет почкам прожить еще немного.

В 2 часа 15 минут во дворе запела сирена. Машина с красными крестами вынеслась из ворот. Она везла драгоценный груз — контейнер с почками.

В это время в институте шли спешные приготовления. Машина была еще в пути, а в большой операционной на седьмом этаже сияла бестеневая лампа, вокруг стояли наготове хирурги в стерильных халатах и масках, и анестезиолог склонился над лежавшей на столе молодой женщиной. Большие часы над дверью показывали двадцать пять минут третьего.

Дверь распахнулась. Вошел врач, неся в руках металлический контейнер.

Даже одной почки достаточно, чтобы жить и быть здоровым, лишь бы она работала хорошо. А для этого надо обеспечить ей нормальное снабжение кровью. В этом и состояла суть операции: хирург рассек живот и обнажил кровеносные сосуды. Тончайшей капроновой нитью он соединил почку с артерией и веной.

Врачи недаром поглядывали на часы. Они имели в своем распоряжении только два часа. За мешкаешься — и почки, взятые для трансплантации, безвозвратно погибнут.

Врачи уложились в полтора часа.

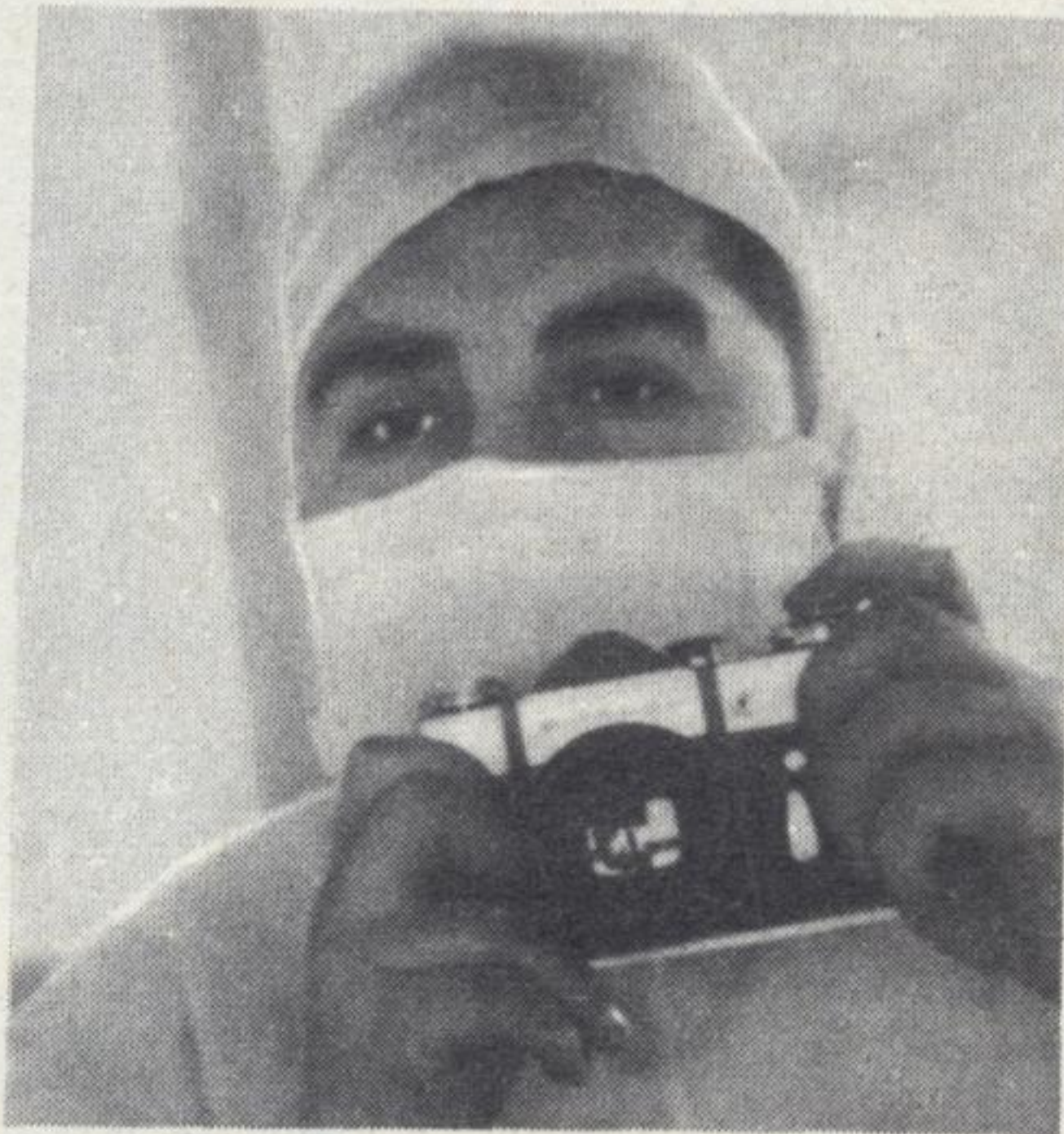
А кстати, что означает это слово — «трансплантация»? Теперь мы можем его расшифровать.

«Трансплантация» — это пересадка.

Вот, собственно, и вся история. Хирургия, эта «дочь разума», как именовал ее индийский летописец, спасла Катю от смерти.

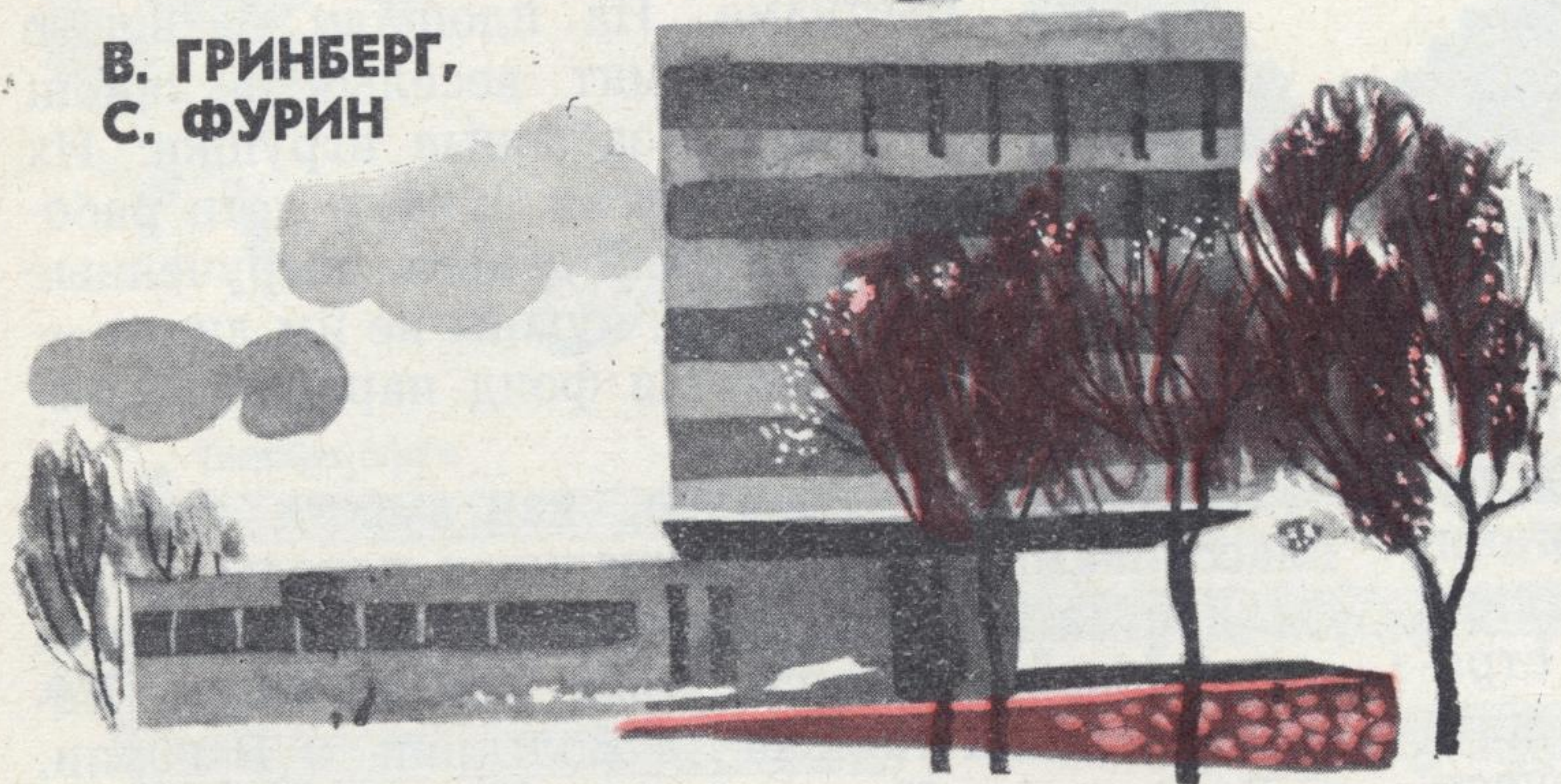
...О хирургии можно рассказывать до бесконечности. Ей можно посвятить всю жизнь. Каждый день я прохожу мимо здания больницы. Я смотрю на темные мерцающие ряды окон. И мне видится одна и та же картина: белые стены операционной, большая лампа над столом. У стола стоит, склонившись, человек в стерильном халате — труженик и чудотворец.

А вот как пришлось одеться нашему фотокорреспонденту, чтобы сделать снимки.



ТВОЙ ДРУГ СИМЕА

В. ГРИНБЕРГ,
С. ФУРИН



● «Меня зовут Симеоном. Я живу в Болгарии и ношу красный галстук Димитровской пионерской организации. А я — Курт Вагнер из ГДР. Мой галстук синий, как небо. Я познакомился с Симеоном на костре дружбы в международном лагере «Республика Пик» на озере Вербеллинзее».

«Фамилия моя Бэрци, зовут Мария. Живу в Венгрии. Я никогда не думала, что у меня столько друзей. Но вот однажды я пришла на международную выставку детских фотографий «Зоркий — Дружба — 50» и сразу познакомилась с Аверсой Раулем из Аргентины, с Рубини Джино из Италии, с Ням Бавуджавом из Монголии. Как они фотографируют! С тех пор я еще больше полюбила фотоаппарат».

«Я живу у озера Байкал. Каждую неделю почтальон приносит мне письма с разноцветными марками Гвинеи, Индии, Польши, Болгарии... На конвертах на разных языках моя фамилия — Быков Сережа. Это письма от моих друзей, с которыми я подружился на берегу Черного моря в Артеке. Я до сих пор не могу забыть, как под шум прибоя мы пели артековские песни».

«Я — Жан Клод, живу во Франции. Ношу синий галстук с красной каемкой. Когда у нас проходила кавалькада «Дружба», я выучил много иностранных слов. Ведь на этом ярком празднике, кроме тридцати тысяч французских ребят и взрослых, было очень много зарубежных гостей. Я теперь полякам говорю «Дзень добры», а финнам — «Тере»... Хорошо встречаться с друзьями, которые знают много песен, танцев, забав».

«От далекого Вьетнама до Софии — тысячи километров. Мы ехали туда много дней и ночей. И повсюду нас встречали улыбками и цветами. На тысячах конвертов мне пришлось написать: «Вьетнам, Фан Ван Бинг». А сколько было подарков! От ребят из Англии — сгущенное молоко, от финских — одеяла, от вен-

герских — транзисторы, от болгарских — автобус, а от советских пионеров мы получили два теплохода с посылками. Мы этого никогда не забудем...»

● Кто же помогает детям разных стран собираться вместе, крепко дружить, проводить конкурсы рассказов, рисунков, фотографий, мериться силами на беговых дорожках и отдыхать в лагерях у теплого моря? Кто зовет их на помощь к сверстникам, попавшим в беду? Это СИМЕА — Международный комитет детских и юношеских организаций (по-французски: Comité International des Mouvements d'Enfants et d'Adolescents). Когда в 1945 году была создана Всемирная федерация демократической молодежи, юноши и девушки, участвовавшие в битве с фашизмом, дали клятву бороться за мир, который будет справедливым и свободным.

СИМЕА — младший брат этой международной федерации. По возрасту он почти твой ровесник — он родился в 1958 году. Сокращенное название комитета — СИМЕА — звучит как русское слово «семья». Как в семье главная забота вырастить детей счастливыми, так и СИМЕА собирает усилия миллионов людей, чтобы защитить детей от войны, от вражды, от несправедливости.

● Эмблема СИМЕА — голубой земной шар с белым галстуком. Чем-то она похожа на героя сказки Джанни Родари — неунывающего Чиполлино. И еще, когда смотришь на нее,

Рисунки А. БОРИСОВА.



приходят на память стихи поэта-коммуниста Назыма Хикмета, призывавшего взрослых жителей планеты:

Дадим шар земной детям,
дадим хоть на день,
дадим, как раскрашенный
шарик, пусть с ним играют...

Ты знаешь, как невесело человеку в одиночестве. Не с кем поиграть, некому рассказать о только что прочитанной книжке. И совсем другое дело, когда рядом товарищи.

Каждое утро, собираясь в школу, ты повязываешь красный пионерский галстук. Такие же галстуки носят двадцать три миллиона ребят нашей страны. Это твои друзья по организации юных ленинцев. В мире много детских организаций — твои сверстники в разных странах похожи на тебя тем, что тоже любят жить в коллективе, проводить время не в одиночестве, а рядом с друзьями.

Они носят галстуки разных цветов: алые, синие, зеленые, голубые. И называются эти организации по-разному. «Пионеры Франции» — имя юных помощников французских коммунистов. «Впередбегущие» — так назван союз пионеров Швейцарии. «Молодая гвардия» — объединение детей коммунистов Австрии. Юные британцы называют себя «Лесным народом», их эмблема — две вечнозеленые ели на фоне восходящего солнца. Десятки детских организаций объединяет СИМЕА. Среди них — пионеры социалистических стран, детские союзы стран Африки, Азии, Европы, Латинской Америки.

● Твой мир радужен, улыбчив. Мы смотрим на ребячьи рисунки и радуемся: сколько в них тепла, света, доброго лукавства!

Но как часто детство оказывается обкраденным и горьким! Капиталистический мир богат, но его богатства не достаются детям трудящихся. Восемьсот миллионов малолетних ребят в мире голодают, болеют, живут в нищете. На миллионы детей обрушивается безжалостный огонь войны.

На земле более восьмисот десяти миллионов неграмотных. И эта армия в будущем увеличится, потому что из трехсот семидесяти трех миллионов детей школьного возраста учится только сто пятнадцать миллионов — меньше одной трети. Тяжелый, подневольный труд выпадает на долю детей даже в наиболее развитых капиталистических странах. Так, триста тысяч итальянских ребят, которым еще не исполнилось четырнадцати лет, вынуждены сами зарабатывать на хлеб. В США половина несчастных случаев на производстве происходит с подростками.

Все эти нелегкие проблемы тре-



вожат и заботят СИМЕА — друга всех детей.

● И вот идут по улицам парижских предместий мальчишки и девчонки, останавливают прохожих, стучатся в дома. Пионеры Франции собирают средства для ребят во Вьетнаме. На площади большого города шумит веселый аукцион: продаются забавные игрушки. Их сделали своими руками дети рабочих Бельгии; деньги, вырученные от продажи, нужны не им лично —

эти деньги они отдадут в фонд народов, борющихся за свободу.

Ты помнишь, наверное, как вместе с одноклассниками собирал тетрадки и пеналы, портфели и авторучки. Два теплохода с подарками отправили во Вьетнам советские пионеры. Ребята в ГДР и Польше, в Болгарии и Венгрии, в Румынии и Чехословакии делились своими игрушками и учебными пособиями, работали на полях, на стройках, в школьных мастерских, на станциях техников, старались, как могли, поддержать мальчишек и девчонок из далекого Вьетнама. На митингах, в колоннах демонстрантов, несущих лозунги «Руки прочь от Вьетнама!», — всюду рядом со взрослыми — дети.

● Двери СИМЕА широко открыты для всех детей и тех, кто их любит и желает им счастья. СИМЕА объединяет руководителей детских и юношеских организаций, вожатых, педагогов.

Мы живем в век научно-технического прогресса. Любой современный подросток своими знаниями мог бы озадачить ученых мужей прошлого. Для него телевизор не чудо техники, а всего лишь деталь быта. Над ним летают самолеты и спутники, и это уже никого не удивляет. Как же влияют на жизнь детей наука и техника? Какое добро и какое зло они приносят? Ведь во многих капиталистических странах наука служит войне, а кино и телевидение проповедуют расизм, насилие, убийство. Об этом говорили ученые, педагоги разных континентов на конференции СИМЕА «Подросток и научно-технический прогресс».

У детства есть опасный и сильный враг — империализм. И СИМЕА призывает ученых и писателей, общественных и государственных деятелей бороться за права детей, против агрессии и насилия.

«В руках детей — наше завтра» — с такими словами обратилась ко всем людям земли последняя ассамблея СИМЕА, проходившая прошлой осенью в Будапеште.

И когда СИМЕА обращается со словами протеста и призыва к международным организациям и правительствам, он говорит от имени миллионов детей во всех уголках земного шара.





В августе 1967 года известный греческий композитор и борец за свободу и мир Микис Теодоракис передал из тюрьмы своим друзьям несколько нотных строчек. Это была мелодия гимна СИМЕА. В разных странах писали поэты слова на мелодию песни.

Когда я писал ее русский текст, перед глазами возникла картина: через материки и страны народы мира строят большой мост к счастью.

В. КРЮЧКОВ.



Мост Дружбы

Спокойно, строго

Ф-п. *tr*

Дрожит от

Как по-хож ты на ра-ду-гу, мост!

бомб Земля, горят е-е по-ля, глаза де-

Че-рез сердца и-дешь ты до звезд.

-тей е-е полны слез. Но че-рез

Э-та вы-со-та, э-та красо-та,-

Аф-ри-ку, Ев-ро-пу, А-зи-ю, че-рез А-

давняя мечта - дружбы большой мост. // мост.

-ме-ри-ку стро-им мост.

Конец

Чтоб де-ти

Музыка
Микиса ТЕОДОРАКИСА.

Слова
Виктора КРЮЧКОВА.

Дрожит от бомб Земля,
Горят ее поля,
Глаза детей ее полны слез.
Но через Африку, Европу, Азию,
Через Америку
Строим мост.
Припев:
Как похож ты
на радугу,
Через сердца
идешь ты до
звезд.

Эта высота,
Эта красота —
Давняя мечта —
Дружбы большой мост.
Чтобы дети всей Земли
Среди друзей росли,
Чтоб шар земной
не знал гроз, —
Мы от тебя ко мне
И от зимы к весне
Руками сильными
Строим мост.
Припев.



ВТОРАЯ ОЛИМПИАДА ТРЕХ

ИТОГИ. ЖЮРИ ГОВОРИТ: *Мы не ожидали!*



Мы не ожидали, что наши задачи понравятся столь многим — около трех тысяч ребят участвовало в Олимпиаде! А в «Лягушатнике» стало совсем тесно: почти половина участников — наши храбрые «лягушата».

Все, кто прислал свои решения Неизвестным, много работали. «Я истратил целый блокнот бумаги», — пишет Сергей Белолипецкий. И, видимо, не зря! Судите сами, на прошлую Олимпиаду чаще всего приходили письма, где была решена всего одна задача. Сейчас в большинстве писем решено две-три задачи. Мы рады, что многим ребятам помогли наши выпуски. «Раньше я не хотел и не умел решать такие задачи, какие предлагаете вы. Читая «Предолимпийские тренировки», я научился логически мыслить. Вот почему задачи показались мне не очень трудными». Это написал Виктор Желтухин из села Семиозерска.

А самое главное — в этом году победителей стало в три раза больше! К шести десяткам чемпионов прошлой Олимпиады прибавилось сегодня еще 180 имен.

„Лягушата“ → МОЛОДЦЫ!

Особенно нас обрадовали «лягушата». С замечательной отвагой и энтузиазмом сотни их бросились на штурм задач Олимпиады. Можно подумать, что это не они барахтались недавно в нашем «Лягушатнике». Ребята многому научились — жюри было очень приятно находить в сотнях писем не только ответ, но и объяснение, как он получен. Объяснение толковое, логичное, как и должно быть в математике. Правда, не все «лягушата» идут ровно — многим надо еще побарахтаться, некоторые в своих письмах так и не прислали ничего, кроме ответа.

И все же в каждой работе хотя бы одна задача да решена правильно.

Молодцы, «лягушата»! Почти все справились с «Задачей Светланы А.». Многие ребята не стали победителями только потому, что, решая «Любимый кроссворд

Игрека», нашли два, а не четыре способа решения! Не заметили, что цифры, зашифрованные буквами О и У, можно поменять местами. В «Задаче Веры Саенко» Марина Каратецкая (Грозный), Слава Калинин (Саратов) и многие другие нашли такие решения: $28 = [(2 + 2)^2 - 2] \times 2;$

$$28 = [(2 \times 2)^2 - 2] \times 2;$$

Похожее решение прислал и второклассник Валя Кобылянский из Киева: $[(2^2)^2 - 2] \times 2 = 28.$

Поздравляем «лягушат»! Жюри не знало, что есть еще и такие решения...

«Лягушата» не только решали чужие задачи, но и присылали свои. Таких задач у нас теперь несколько десятков. Мы обязательно напечатаем самые интересные. Спасибо всем!



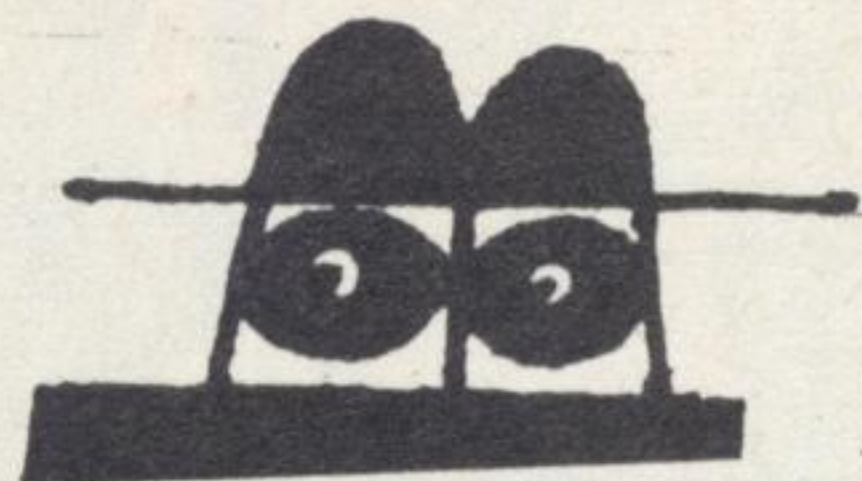
А теперь — **ИМЕНА ПОБЕДИТЕЛЕЙ!**
По традиции **КАЖДЫЙ** получит **Наградной Лист Трех Неизвестных** и **КНИЖКИ**, написанные математиками для ребят, с автографами ученых.

ОЛИМПИАДА «ЛЯГУШАТНИКА»

Все четыре задачи полностью решили:
ПЕРВОКЛАССНИК Коля Приходов (Москва).
УЧЕНИКИ 3-ГО КЛАССА Оля Макарова (Москва); Алеша Молчанов (Новороссийск); Алеша Журбенко (Оренбург); Оля Шаропова (Ташкент); Ира Вознесенская (Новотроицк); Света Ушакова (Резекне, Латв. ССР).
ЧЕТВЕРОКЛАССНИКИ Павлик Вайнштейн (Киев); Сергей Гольцов (Чита); Игорь Гришин (Псков); Лена Гусако-

ва (Киев); Ирина Анисеня (Томск); Гена Баскелович (Сокаль); Марк Кнеллер (Горловка); Володя Копа-Овдиенко (Москва); Марина Лисовенко (Иркутск); Миша Дворкин (Баку); Виталий Кречмер (Томск); Лена Оверчук (г. Инта, Коми АССР); С. Пчелин (Москва); Саша Эпель (Горький); Жанна Обухова (Миасс); Лариса Григорян (Баку); Саша Сазонов (Запорожье); Андрей Соловьев (Ульяновск); Алеша Трегуб (Североуральск); Илья Кошкин (Харьков); Валерий Жуков (Рощинский с/з, Новосибирской обл.); Оля Замская (Новокуйбышевск); Светлана Стреляева (п/о Терпилицы, Ленинградская обл.); Дима Райчук (Днепропетровск); Витя Новокшенов (Ангарск).

НЕИЗВЕСТНЫХ!



ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Все задачи полностью решили:

ПЯТИКЛАССНИК Саша Гончаров (Никополь);
ШЕСТИКЛАССНИКИ Вадим Лосев (Мелекес); Саша Волков (Москва).

СЕМИКЛАССНИКИ Саша Григорян (Баку), Андрей Райнин (Москва), Александр Кристаль (Ленинград), Светлана Рубинштейн (Москва), Леонид Комлев (Феодосия), Константин Ефимов (Челябинск), Вова Гольдман (Ташкент), Иосиф Едвабный (Омск).

ВОСЬМИКЛАССНИЦА Саша Корелева (Ленинград).

ДЕСЯТИКЛАССНИК Толя Лакеев (Иркутск).

Кроме них, жюри награждает за правильное решение многих задач:

ЧЕТВЕРОКЛАССНИКА Олега Окунева (Казань).

ПЯТИКЛАССНИКОВ Олега Афанасенко (Донецк), Владислава Желиговского (Москва), Ирину Митюшкину (пос. Гаджиево, Мурманской обл.), Галину Юрину (Днепропетровск), Натасу Бабинову (Ташкент), Александра Олескина (Москва), Вову Попова (Курган), Ивана Панина (Апатиты), Мишу Белого (Москва), Натасу Соснину (Медногорск), Аню Гладкую (Пальдиски); Валеру Жумангалиева (Троицк), Инну Тульчинскую (Харьков), Юру Бузова (Москва), Бориса Соломаха (Ленинград), Игоря Цуркермана (Ленинград), Мишу Чеповецкого (Ленинград), Бориса Верникова (Челябинск), Владимира Лиманкина, Аню Певзнер, Елену Зборовскую (Комсомольск-на-Амуре), Зинура Шарифуллина (с. Рятамак ВАССР), Борю Рабинского (Киев), Сашу Дзюба (Москва).

ШЕСТИКЛАССНИКОВ Алексея Козодаева (Тамбов), Сергея Коршунова (Монино), Константина Мамченко (Ворошиловград), Александра Вайнштейна (Киев), Виктора Перевалова (Комсомольск-на-Амуре), Сергея Петрова (Москва), Ольгу Тюфякову (Москва), Олега Киву (Уфа), Игоря Золотухина (Ленинград), Сашу Васкакова (Павловский Посад), Алексея Соломахова (Москва), Андрея и Елену Афанасьевых (Москва), Яна Рачинского (Москва), Владимира Турецкого (Ленинград), Олега Дьянкова (Челябинск), Марину Кулешову (Воркута), Андрея Удриса (Кустанай), Владимира Загородского (Таганрог), Михаила Мухина (Москва), Леню Генкина (Горький), Колю Намова (Москва), Михаила Ченя (Орехово-Зуево), Александра Калебина (Горький), Владимира Соковишина (Калининград), Любу Самарскую (Ленинград), Олю Ядренко

(Киев), Светлану Христофорову (Ленинград), математический кружок 6-х классов (Петропавловск), Инну Раухман (Ровно), Алексея Микульского (Рыбинск), Олю Алешкову (Жигулевск), Аню Ластовецкую (Алма-Ата), Андрея Мучника (Москва), Лену Большакову (Москва), **СЕМИКЛАССНИКОВ** Сергея Белолипецкого (Каспийск), Ирину Борилко (Благовещенск-на-Амуре), Николая Кравченко (Смела), Натасу Удальцову (Пушино), Виктора Фаермана (Москва), Михаила Козлова (Велиж), Галю Россинскую (Уфа), Гену Лебедева (Бобруйск), Александра Кукуша (Киев), Алешу Кондрашова (Алма-Ата), Людмилу Алешкову (Жигулевск), Федора Смирнова (Москва), Андрея Левина (Москва), Аню Расину (Гомель), Михаила Спасова (Нурлат), Николая Никонова (Челябинск), Лену Лобанову (Одесса), Марка Сапира (Свердловск), факультатив седьмых классов из Кандакши, Сашу Оркина (Ленинград), Зою Трущелеву (Пермь), Владимира Коробова (Рязань), Игоря Реймана (Бердск), Таню Федченко и Ларису Бондарь (Феодосия), Лену Вачурину (Ялта), Таню Гурвич (Минск), Алексея Римашевского (Москва), Виктора Овсиенко (пос. Обухов, Киевской обл.), Александра Лободу (Воронеж), Таню Борисюк (Орск), Олега Сидорюка (Томск), Александра Алексеева (Могилев), Ларису Хейфец (Жданов), Сашу Боткунова (Мирный), Рамила Галлямова (Миасс), Ю. Жукова (с. Зеленая Роща, НСО), Сергея Нечаева (Одесса), Виктора Панькова (Минск), Сашу Чиешкова (Ишим), Игоря Мелкозерова (пос. Новосинегазово, Челяб. обл.), Григория Ципермана (Гомель), Назима Ахундова (Баку), Василия Митенева (с. Шонга, Вологодской обл.), Ольгу Голуб (ст. Каневская, Краснодарского края), Харитонову (Ангарск), Валерия Храмова (Новокузнецк), Евгения Анищенко (Москва), Вову Ханукова (Ленинград), Евгения Казинцова (Москва).

ВОСЬМИКЛАССНИКОВ Евгения Тимофеева (Данилов), Павла Стратоновича (Москва), А. Макарова (Солнечногорск), Александра Левыкина (Райчихинск), Натасу Мелехину (Сызрань), Александра Хребета (Баку), Эдика Гершенгорна (Москва), Игоря Христофорова (Ленинград), Иру Братовскую (Усолье-Сибирское), Володю Иконникова (Горький), Александра Калинина (Канаш), С. Кузьмина (пос. Коли, Ленинградской обл.), Тамару Чайку (Тбилиси), Татьяну Скипину (Ростов-на-Дону).

ДЕВЯТИКЛАССНИКОВ Светлану Арасланову (п/о Н.-Ивкино, Кировской обл.), Владимира Чиглинцева (Уфа), К. Козоркина (пос. Южный, Ворошиловградской обл.), Сашу Аксенова (с/з «Снежеток», Тамбовской обл.).

ДЕСЯТИЛЕТНЮЮ Таню Бейко (Киев) и не назвавшего возраста Петра Симонова (Кып, Пермской обл.).

**СПЕЦИАЛЬНЫМИ ПРЕМИЯМИ
«ЗА КРАСИВОЕ РЕШЕНИЕ»
ЖЮРИ НАГРАЖДАЕТ**

ЧЕТВЕРОКЛАССНИЦУ Лену Кочеткову (Иошкар-Ола) — за «Загадку 13 букв»; **ЧЕТВЕРОКЛАССНИКА** Аркашу Козодоя (Челябинск) — за задачу «Маугли в плену»; **ВТОРОКЛАССНИКА** Сашу Мирлина (Ленинград) и **ЧЕТВЕРОКЛАССНИКА** Женю Лысенко (пос. Мгачи, Сахалинской обл.) — за задачу «10 пятаков»; **ТРЕТЬЕКЛАССНИКА** Юрия Юрченко (Дзержинск), **ЧЕТВЕРОКЛАССНИКА** Павла Афонюшкина (пос. Первомайский, Крымской обл.) и **ПЯТИКЛАССНИКА** Владимира Николаева — за задачу «Как расшифровать»; **ЧЕТВЕРОКЛАССНИКА** Виктора Матершева (Ростов-на-Дону), **СЕМИКЛАССНИЦУ** Ирину Лихтнер (Челябинск) — за задачу «Вверх по лестнице».



«ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ». Кое-кто верно заметил, что на 30-ю ступеньку попадут все трое неизвестных, и дальше расположение свободных ступенек будет повторяться: через 30 от свободной — свободная, а через 30 от занятой — занятая... И достаточно, конечно, было просмотреть только первые 30 ступенек.

«10 ПЯТАКОВ». Центры 10 пятаков образуют 15 равносторонних треугольников. Но кое-кто не вспомнил, что вершины правильного шестиугольника, взятые через одну, тоже дают равносторонний треугольник (а где на рисунке шестиугольник?). Во втором задании надо было доказать, что убрать какие-либо 1, 2 или 3 пятака недостаточно. Некоторые убирали только центральный пятак и ограничивались этим случаем.

В задаче «КАК РАСШИФРОВАТЬ» кое-кто, найдя ответ, сильно радовался и переходил к следующим задачам. Между тем заменить буквы цифрами (с соблюдением условий задачи) можно здесь ровно двумя способами! И надо внимательно следить, чтобы разные буквы не заменялись одной и той же цифрой.

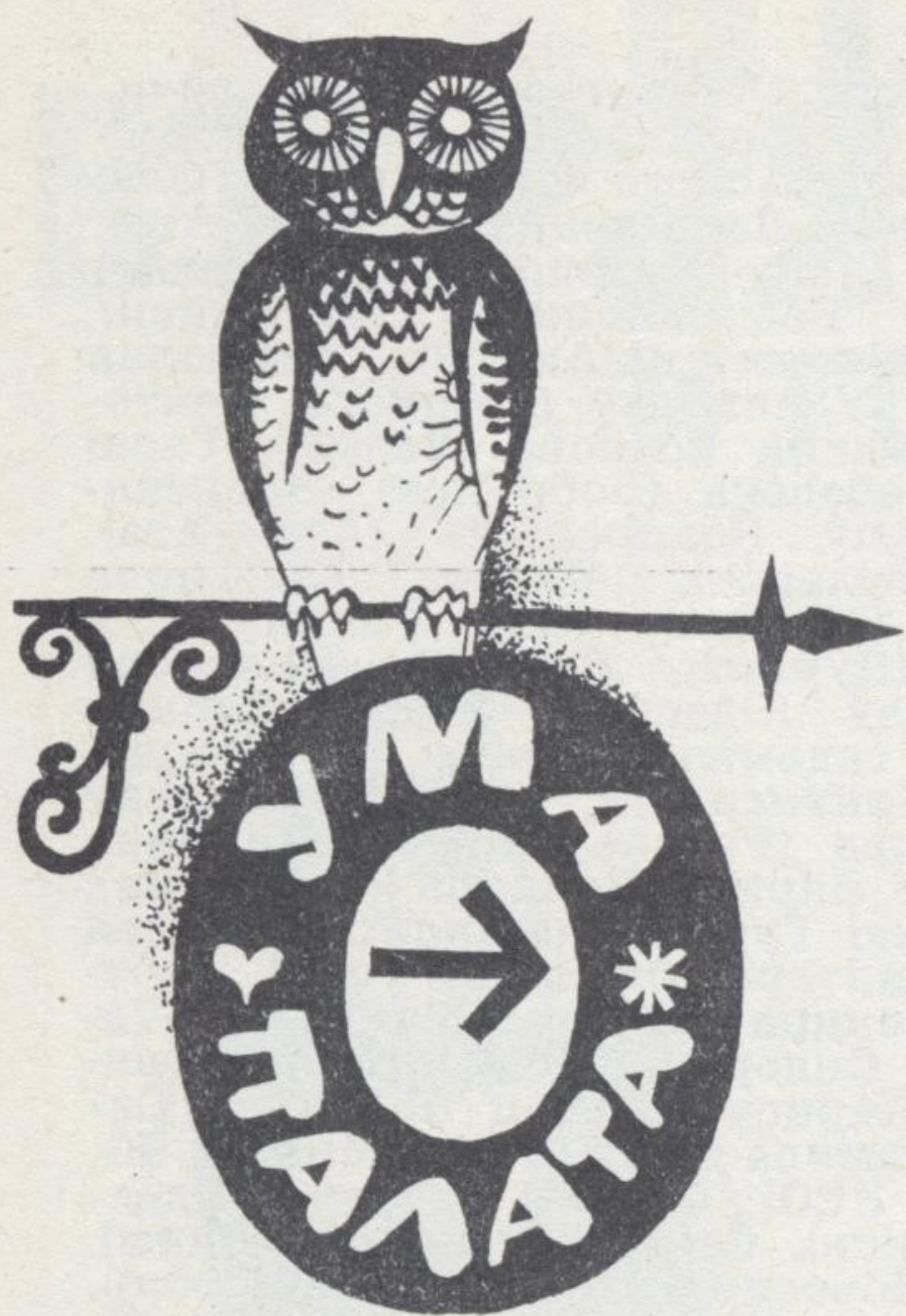
В «ВЕСАХ И МОНЕТАХ» с каждой кучкой можно расправляться по отдельности — из трех монет фальшивая находится одним взвешиванием.

В «УДИВИТЕЛЬНОМ ЧИСЛЕ» оказалось трудным делом уследить за всеми десятью цифрами. И появлялись ответы типа: 1000000008. Проверьте: восьмая цифра здесь ведь не равняется числу восьмерок! Ответ: 2 100 010 006.

Самая трудная задача Олимпиады — «УПРЯМАЯ ФИГУРА». Кроме решения жюри, есть другой способ — разбирать разные случаи положения прямоугольников начиная с угловой клетки. Но лишь немногим удалось довести этот способ до конца, ничего не упустив.

Пока был «МАУГЛИ В ПЛЕНУ», каждая обезьяна бросила в каждую большой тяжелый орех. Некоторые думали, что обезьяна бросила лишь один орех (а не в каждую из подруг), другие — два: один — «большой», а второй — «тяжелый».

«ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НА ПРОГУЛКЕ» могли двигаться либо с одного и того же конца аллеи, либо с противоположных. В обоих случаях легче всего решать графическим методом (см. №№ 11, 12 за 1970 год).



Записки капитана Теро-86 КЛЮЧ ОТ СЕЙФА

1. Зеленый карандаш с кем-то долго разговаривал по телефону. Около автомата собралась большая очередь. Я стоял первым. Когда я вошел в кабину, то увидел на полу ключ. «Наверно, Зеленый карандаш потерял», — подумал я и бросился за ним вдогонку.

2. — Это не ваш ключ? — спросил я у Зеленого карандаша.

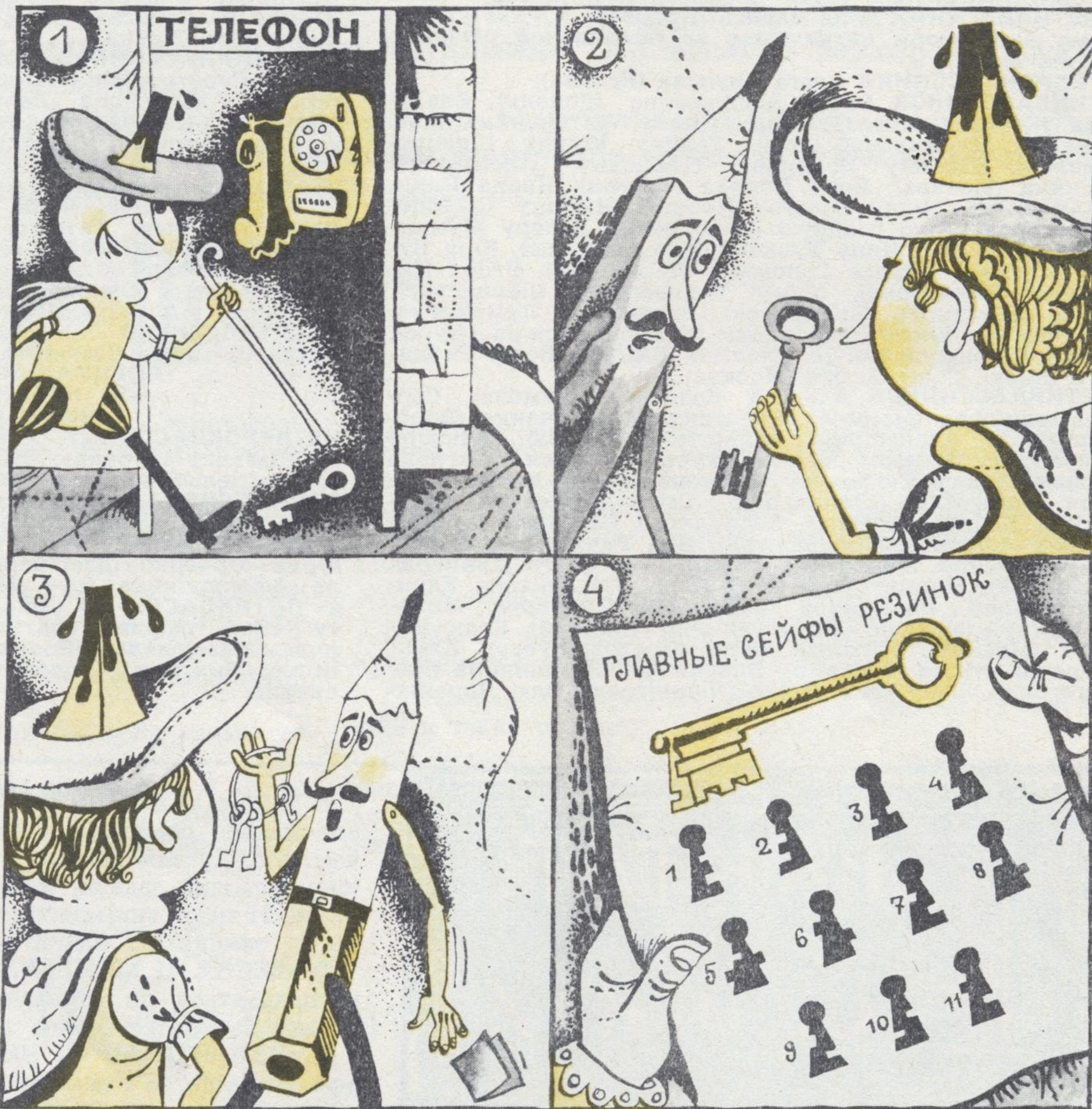
3. — Нет, — ответил он и покраснел. — Вот все мои ключи. — Карандаш вытащил из кармана связку ключей и при этом обронил сложенный вчетверо листок бумаги.

4. Я поднял его, на нем был изображен ключ, как две капли воды похожий на тот, который я нашел, а потом шли пронумерованные рисунки замочных скважин. Я сразу догадался, какой сейф собирался вскрыть Зеленый карандаш.

А вы узнали, какой?

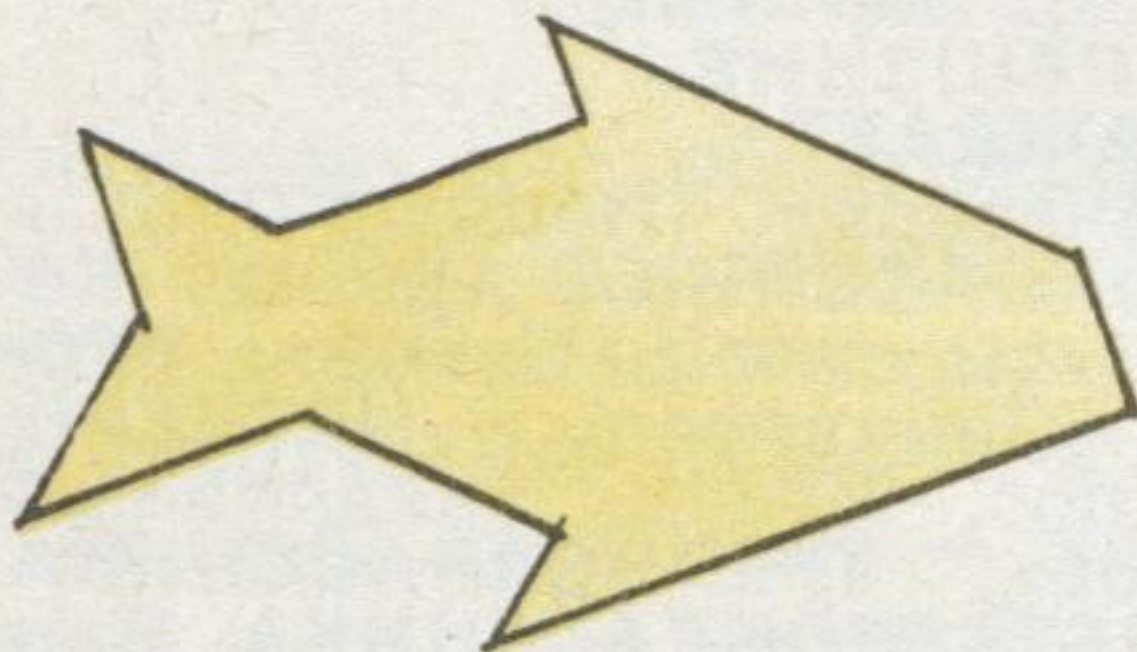
Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. БОРИСОВА.



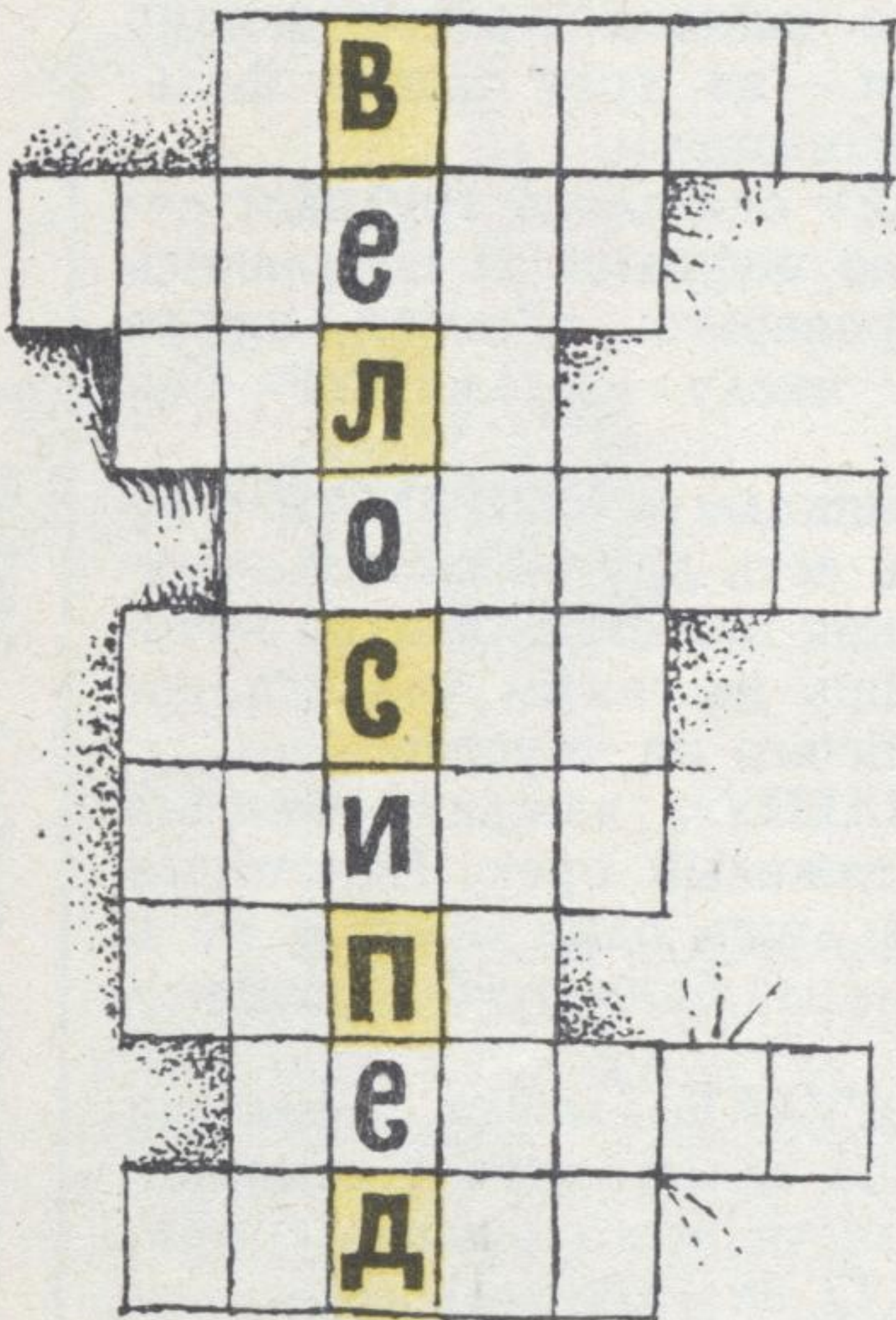
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
ИЗ № 5

ПЛУТ-КАРАСЬ
Вот как нужно сложить
карася.



СКОЛЬКО НАМ ЛЕТ?
На второй фотографии
львам по три года.

**ДОКАЖИТЕ, ЧТО ВЫ
ГЕНИИ**
Фагот, афера, Орион,
тайна — такие четыре
слова у вас должны по-
лучиться в свободных
клеточках.



ПОДАРОК ДЕДУ-БУКВОЕДУ

Плут Живживка в девять лет
Оседдал велосипед,
А у Деда Буквоеда
Нет еще велосипеда.
Так давайте поскорей
Соберем из запчастей,
Соберем и скажем:

— Дед!
Вот тебе велосипед!

По горизонталям впишите во
все строчки названия отдель-
ных частей велосипеда. Торопи-
тесь, Деду Буквоеду не терпит-
ся покататься!

ПОЕЗЖАЙТЕ В СТРАНУ НУ-И-НУ!

Если скучно вам стало
И клонит ко сну,
Поезжайте скорее
В страну — Ну-и-Ну!
И увидите вы
В этой странной стране
То, чего никогда
Не увидишь во сне!



Я приехал в страну Ну-и-Ну в день начала летних каникул. На рисунке вы видите, как школьники в этой стране отмечали конец учебного года.

На этом празднике мне преподнесли много удивительных подарков, которые я передал «Палате ума». Теперь в ее музее вы можете увидеть:

ракетку, которой можно играть в теннис без мяча;

ложку для туристских походов, из которой могут есть сразу четыре человека;

двойной зонтик: под ним могут укрыться от дождя два человека — высокий и совсем маленького роста;

ванну с дверцей для входа.

Я собираюсь снова в страну Ну-и-Ну. Посоветуйте, какие подарки взять с собой? Нарисуйте их и пришлите рисунки в «Палату ума». Имейте только в виду, что в стране Ну-и-Ну ценятся только необычные вещи. Лучшие рисунки подарков мы напечатаем в журнале.

Ваш ЖИВЖИВКА.



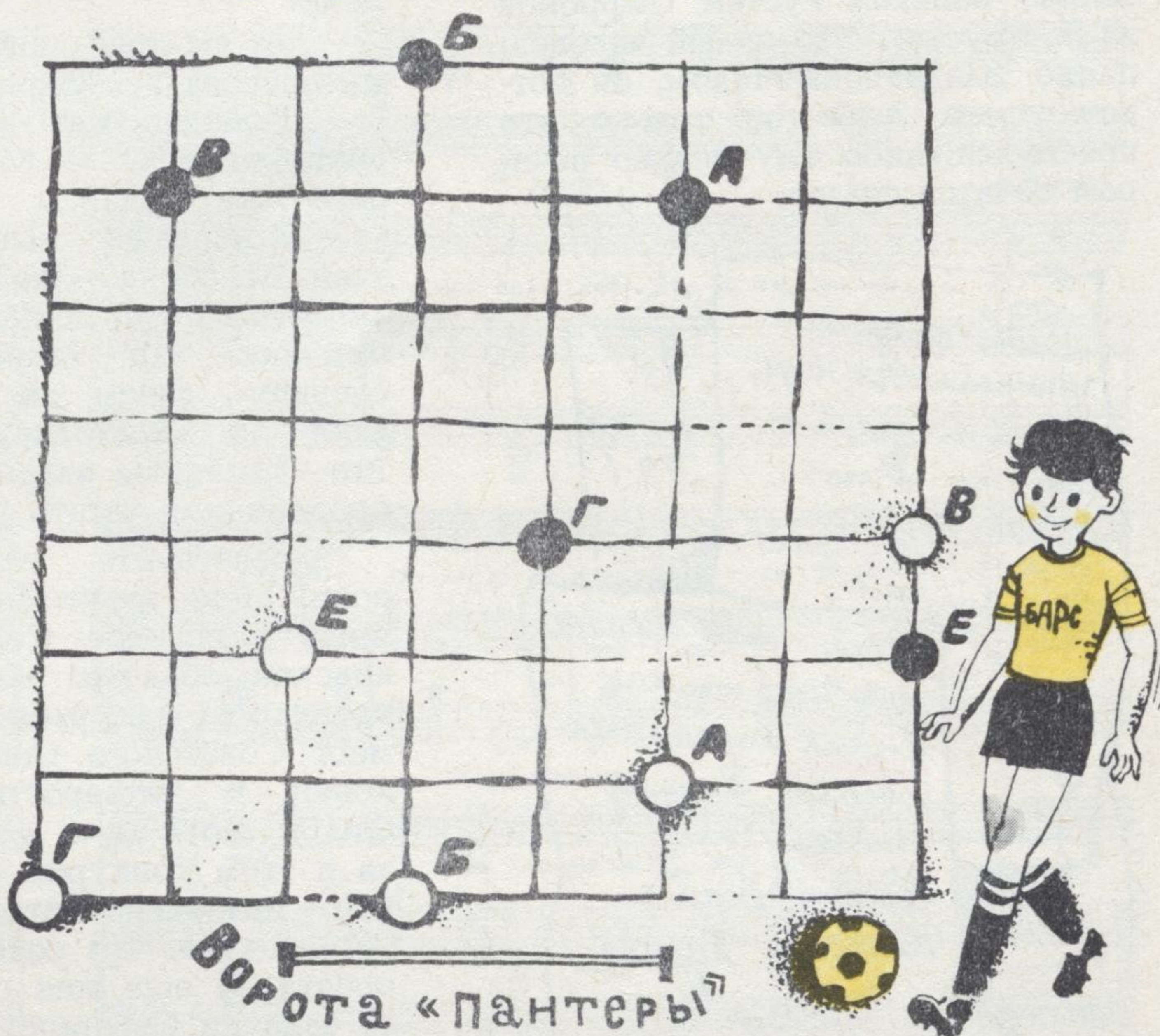
БАРС БЬЁТ ПО ВОРОТАМ!

Состоялся очередной матч между знакомыми вам командами «Тигр» и «Пантера».

Острый момент возник у ворот «Пантеры» в конце второго тайма.

Черными кружками обозначено положение Барса (Б), нападающего из команды «Тигр» и четырех защитников «Пантеры» (А, В, Г) на 42-й минуте игры. Белыми кружками обозначено положение тех же игроков, но уже на 43-й минуте, когда Барс ударил по воротам «Пантеры» и забил гол.

Покажите, как вел мяч каждый из футболистов, только помните, что никто из них не бежал по пути других игроков и не пересекал его. Передвигать футболистов можно только по сторонам квадратов. Чтобы легче было решать задачу, вооружитесь цветными карандашами и отметьте путь каждого футболиста разными цветами.





Репортаж с заседания ведет Вадим ЛЕВИН.

— Сегодня, уважаемые члены Клуба, на повестке дня один вопрос: ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Бабушка Белобока надела на клюв очки и прочитала:

— Саша Бурлаков пишет из Братска: «Дорогой Клуб «Сорок сорок»! Мне нравится выполнять ваши задания, так как, выполняя их, становишься грамотней. Отвечаю на вопрос, чем различаются слова-близнецы «спящий», «сонный» и «сонливый».

— Это мой вопрос! — обрадовалась Всезнайка. — Я задавала его ребятам. Ну как, кто-нибудь ответил правильно?

— А как же! Вот ответ Виталия Эм из колхоза «Ленинский путь», Ташкентской области: «Спящий — погруженный в сон. Сонный — вялый от желания спать, находящийся как бы в полусне. Сонливый — склонный ко сну». О слове «сонный» выразительно написал Рустем Сафонов из Златоуста: «Это вялый человек, плохо владеющий телом, он вот-вот уснет. Либо он только что проснулся, либо ему поздно вечером хочется спать».



Вот какое замечание сделала Наташа Коновалова из села Костюковка, Амурской области: «Спящими, сонными и сонливыми могут быть не только человек и животное, но и явления природы». Ира Константинова из Куйбышева и Коля Сургаев из Чимкента заглянули в «Толковый словарь русского языка» и обнаружили, что «сонный» означает совсем не одно и то же в таких словосочетаниях: «сонный вид, сонная артерия и сонный порошок». Молодцы Ира и Коля!

— А что такое «Толковый словарь»? — спросила сорока Непонимайка.

— Неужели трудно догадаться? — возмутились близнецы Бел и Берда. — Если в книге напечатаны умные слова и толково напечатаны, по порядку, значит, это «Толковый словарь». А если слова глупые и порядка в них нет, значит, «Бестолковый словарь». Ясно?

— А вы не ошибаетесь? — поинтересовалась Эврика.

— Конечно, нет! — ответили сороки-близнецы. — Можете спросить у читателей.

— Хорошая мысль! — подхватила Белобока. — Дорогие читатели! Объясните, пожалуйста, Непонимайке, что такое «Толковый словарь», зачем он нужен и бывают ли «Бестолковые словари». Это — домашнее задание. А теперь продолжаем читать письма.

«Здравствуйте, уважаемые сороки! Меня зовут Ира Квиртия. Я живу в поселке Селятино, Московской области. Мне очень понравилось, как ребята из разных мест Советского Союза дописали конец к четверостишию Нины Фидри. Хотя сама я не участвовала в этом конкурсе, но все равно было интересно читать в № 12 за 1970 год то, что сочинили другие ребята. И еще мне очень нравятся задачки Соберики-Разберики. В том же номере она просила из

слов, написанных на дубовых листочках, составить двустишие — щенячью приметку. Я выполнила это задание».

— Спасибо, — сказала Соберика-Разберика. — Я перепутала эти листочки и никак не могла разобраться. А Ира, значит, разобралась!

— Да и Света Осьминина из города Гусева тоже. Она пишет: «Я сложила эти листочки, и получилась приметка:

**У хозяев в доме гости —
У щенка в тарелке кости».**

Это значит: если пришли гости, то, конечно же, будет угощение и щенку. Сложили двустишие Саша Федоров из села Тимошевка, Запорожской области, Наташа Лохманова из Красноярска, Таня Канцалиева из Нальчика, Салват Абдурахманов из города Карши и еще многие ребята.

Слушайте дальше! «Пишу я вам из города Чехова, Московской области. Меня зовут Тамара Дьяченко. В «Пионере» № 1 вы печатали задачку из коллекции Соберики-Разберики. Я решила ее:

**У осетра была сестра,
Она пила ситро с утра».**

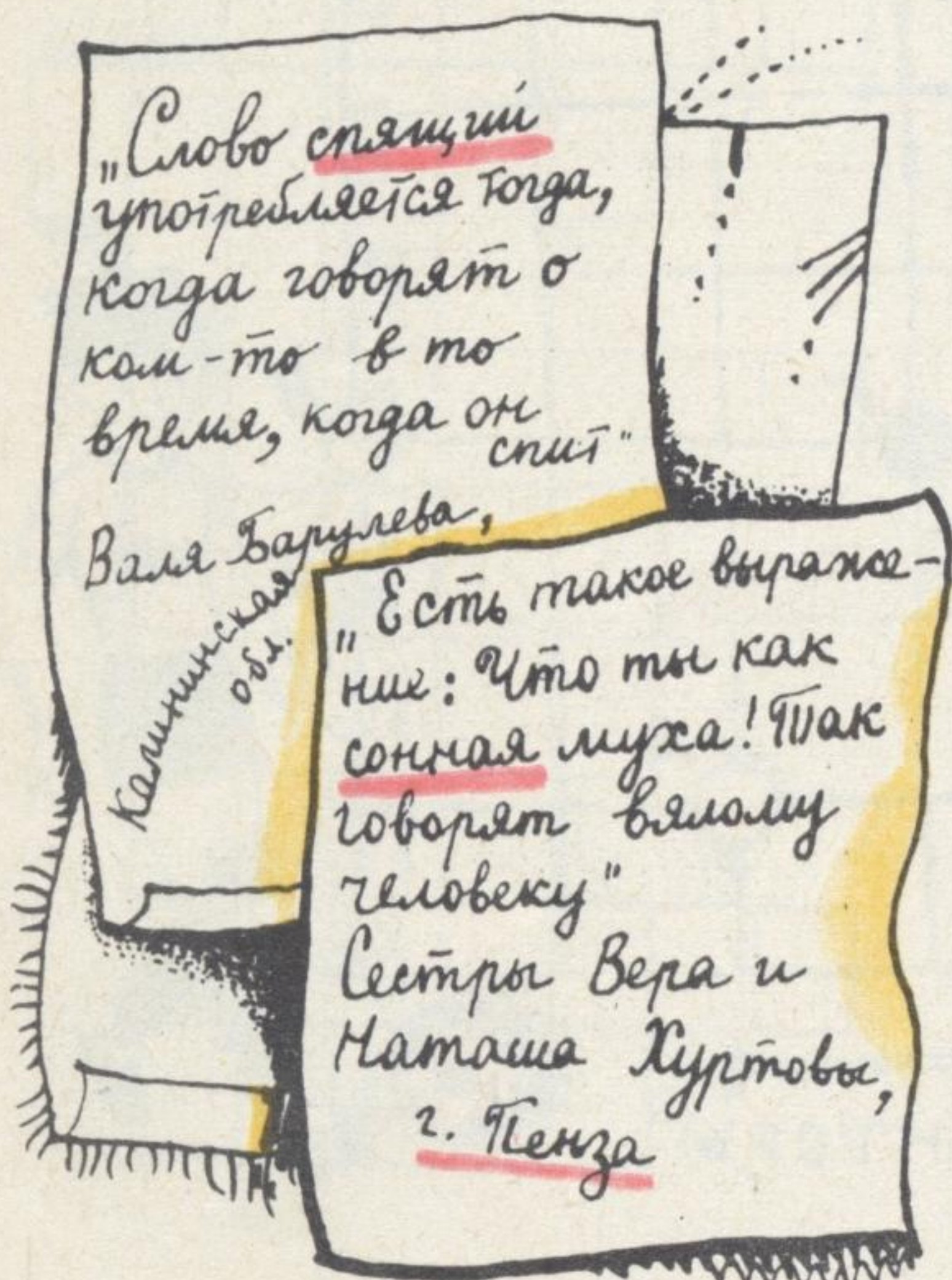
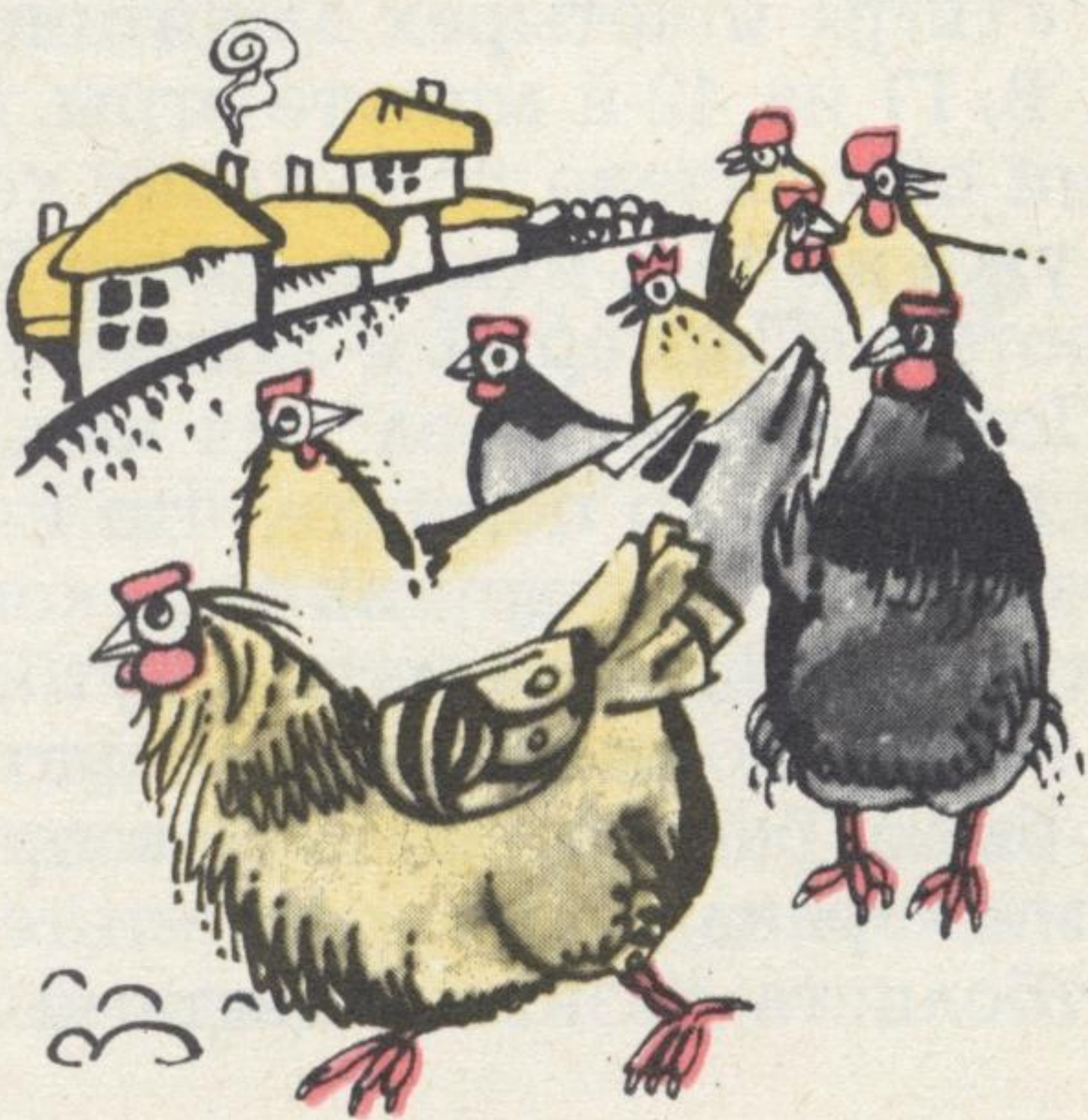
Первыми с этой задачкой справились Оля Киселева из поселка Кокуй, Читинской области, Ира Корненко и Наташа Маказан из Запорожья, Юля Савва из Загорска и москвички Ира Селезнева и Наташа Тимофеева. Выполнила это задание и наша знакомая из Селятино Ира Квиртия. В конце письма она пишет: «Дорогая Соберика-Разберика! Если тебе будет нетрудно, почаще помещай свои задачки в «Пионере». Ведь это очень интересно — из отдельных слов составлять стихи».

— С удовольствием!

Ребята, попробуйте выполнить еще одно задание Соберики-Разберики. Допишите две строчки, чтобы получилось веселое четверостишие.

**Нерасчесанные курицы
Ходят грустные по улице...**

Желаем успеха! До следующего задания!



Если был бы я девчонкой

Музыка Г. ГЛАДКОВА.
Слова Э. УСПЕНСКОГО.



Если был бы я девчонкой,
Я бы время не терял!
Я б на улице не прыгал,
Я б рубашки постирал!

Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмел,
Перемыл бы чашки, ложки,
Сам начистил бы картошки.
Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам.

Если был бы я девчонкой,
Я б куда умнее был,
Я б тогда не только руки,
Я б и шею тоже мыл.

Не играл бы я в футбол,
В магазины бы пошел,
Сам бы вычистил дорожки,
Пыль бы вытер на окошке
Я вставал бы на заре
И не дрался б во дворе.

Отчего ж я не девчонка?
Я бы маме так помог!
Мама сразу бы сказала:
«Молодчина ты, сынок!»



Музыкальная партитура для левой руки (клавир). Темпы: Медленно, Подвижно, замедл., В темпе, Чуть медленнее.

Музыкальная партитура для правой руки (вокал). Темпы: Замедляя, cresc., Медленно, замедл. торжественно, Медленно, В темпе, Чуть медленнее.

Собираясь на рыбалку...

В прошлом номере нашего журнала речь шла о том, что, собираясь на рыбалку, надо раньше всего позаботиться о снасти, на которую ты собираешься ловить и которая должна быть в полном порядке.

Мы познакомили юных спортсменов с устройством двух рыболовных снастей: удочки и донки. Теперь расскажем о дорожке и жерлице.

дорожка

Вам когда-либо приходилось на лодке ездить с дорожкой? Один сидит на веслах и гребет, другой восседает на корме и ведет на длинной-предлинной леске дорожку — серебристую блесну. В воде блесна играет, как рыбка, хищник хватает ее и попадает на острые крючки. Тащи и заваливай рыбину в лодку.

Но можно ловить на дорожку и без лодки, с берега, не вдвоем, а одному.

Береговая дорожка — снасть всем доступная, смастерить ее проще простого. Длинное, четырехметровое удище, прочная леска такой же длины и на конце ее тяжелая блесна. Вот и все. Никаких грузил даже не нужно.

С удища вы забрасываете блесну, даете ей погрузиться в воду и ведете вдоль берега. Нельзя допускать, чтобы блесна касалась дна, она должна «играть» над дном, ни за что не цепляясь крючками.

В этой ловле важно уловить момент, когда хищная рыба, подойдя близко к берегу, начинает гоняться за мелочишкой. Вот стая верховодок-уклеек, спасаясь от зубастой щуки, серебристым фейерверком разлетелась в разные стороны. Не медлите, забрасывайте блесну как можно ближе к месту рыбьего переполоха. Щука наверняка клюнет, не с первой проводки, так со второй, третьей.

Я совмещаю ловлю на донки с ловлей на береговую дорожку. Она у меня всегда под рукой. Пускаю ее в ход, как только замечаю круги на воде. Это значит, что хищная рыба подошла близко к берегу поохотиться за мелочишкой и самое время половить ее на дорожку.

жерлица

На эту снасть ловят хищную рыбу: щук, окуней-горбачей, судаков, жерехов, голавлей.

Снасть не хитрая: рогулька, на которую наматывается весь запас прочной лески (капроновый шнур), металлический поводок с крупным крючком и длинное, четырехметровое удище. Все. Больше ничего не нужно.

Так как хищной рыбе подавай не червя, а рыбешку-живца, то, придя на речку или озеро, вы раньше всего должны поймать на удочку окунька или ерша. Поймали. Живец плавает в ведерке, наполненном водой. Теперь у вас новая забота: где поставить жерлицу? Ну, конечно же, как можно ближе к прибрежным травам, где постоянно держится мелочишка и куда устремляется за поживой хищная рыба.

Жерлица под рукой. Один конец лески привязывайте к концу удища, на другой, что с металлическим поводком, насаживайте пойманного живчика, пронзая крючком сначала нижнюю, а затем верхнюю губку (через ноздрю).

Насадил? Берите удище с заряженной жерлицей и выносите его за травы, на чистую воду. Покрепче воткните комлевой конец удища в дно или берег.

Жерлица висит над водой, за травами. Как только щука схватит живца, леска с рогульки начнет сматываться, и весь ее запас ляжет на воду. Самое время сделать подсечку и начать вываживать рыбину. Подвели ее к берегу и подсачивайте. Вот вы и со щукой.

Где бы вы ни ловили, держите жерлицу всегда под рукой. Начнет бить, вымахивать из воды хищник — приводите жерлицу в действие.

В. БОРОНИН.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру	1
Радиостанция «Здравствуй!»	
Почем фунт романтики.— С. Богатырева.	2
Рисунки В. Кыштымова	
Вспомни, это я...— Рассказ А. Крестинского.	4
Рисунки И. Пчелко.	
Мальчишки.— Стихи Г. Куликова	12
Человек работает в космосе.— Рисунки А. Леонова	12
Коммунист — пионеру.	
За высотой — высота.— И. Г. Мандыч. Рисунки В. Шлядина	13
Неподдающийся Генка Хуочар.— Повесть В. Вадеева. Окончание. Рисунки П. Багина	16
Детские годы поэта Михаила Кульчицкого.— В. Слуцкий	25
Аэродром. Мой город. Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник...— Стихи М. Кульчицкого. Рисунки Ю. Ващенко	27
Дел впереди много	28
Как это делается	
«Соль жизни».— Э. Брандес. Рисунки А. Вовиковой	29
Кораблик	32
Рассказ о ноже, древнем кургане, скрипке и необыкновенном концерте.— Р. Садоков	34
Стихи польских поэтов.— Перевод Ю. Вронского. Рисунки И. Галанина	40
Рассказы о литературе	
Шесть Наполеонов и двенадцать стульев.— Ст. Рассадин, Б. Сарнов. Рисунки Н. Доброхотовой	42
Юность Александра.— Повесть Л. Воронковой. Рисунки И. Галанина	48
Мечты.— Стихи Ю. Коринца	61
Летний дождь.— Стихи П. Кераре	61
Песня про кузнечика.— Стихи Т. Бек	61
Пионерский глобус	62
Человек в стерильном халате.— Г. Файбусович. Фото В. Постникова	64
Твой друг СИМЕА. В. Гринберг, С. Фурин	71
Мост дружбы.— Песня. Музыка М. Теодоракиса. Слова В. Крючкова	73
Вторая Олимпиада Трех Неизвестных. Итоги Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова	76
Клуб «Сорок сорок».— В. Левин	78
Если был бы я девчонкой...— Песня. Музыка Г. Гладкова. Слова Э. Успенского. Рисунки А. Вовиковой	79
Собираясь на рыбалку.— В. Боронин	80
На обложке:	
Юные разведчики земных недр. Рисунок П. Багина.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

О. И. Грекова, В. К. Железников, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, Э. С. Соколова.

Оформление К. М. Высоцкой.

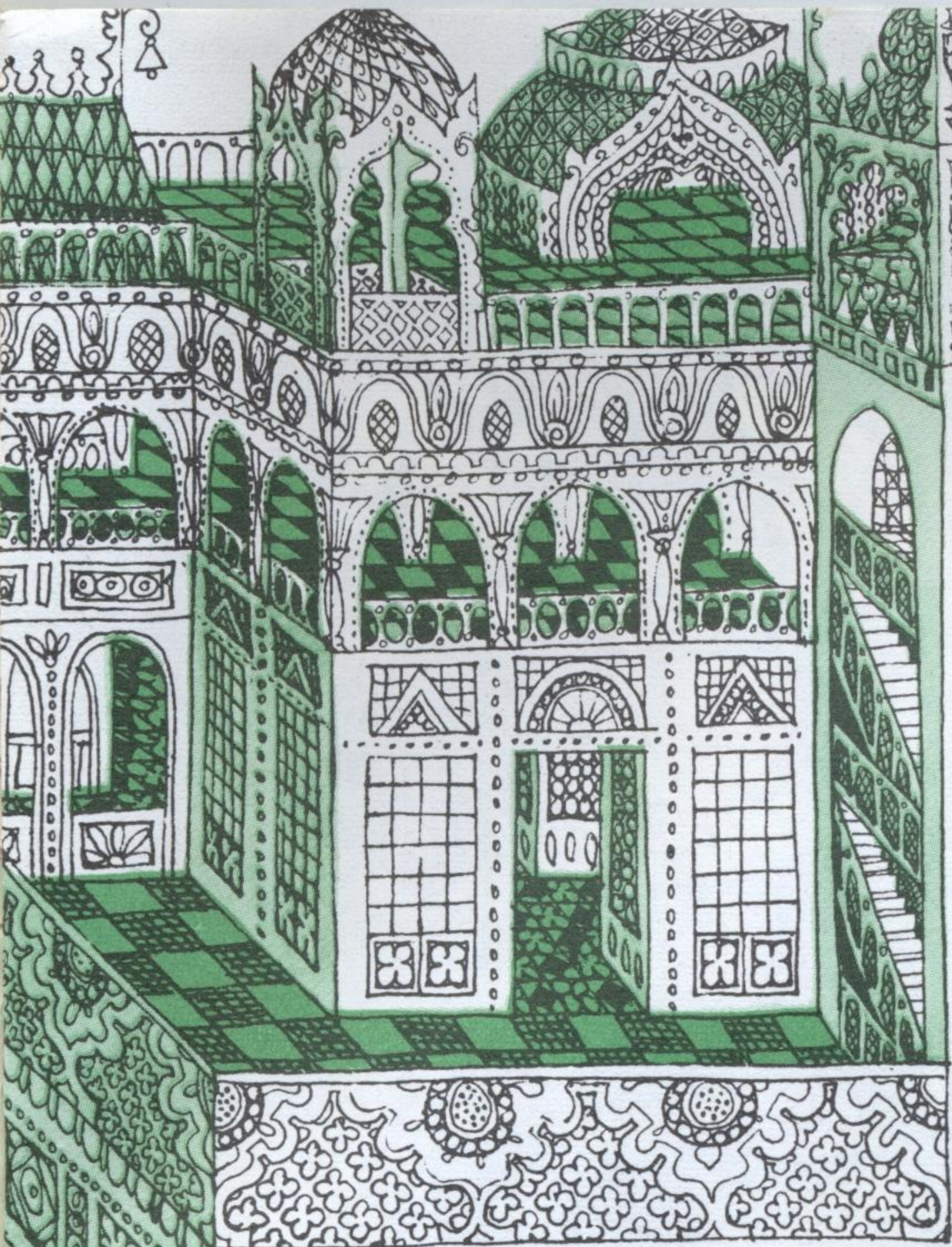
Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

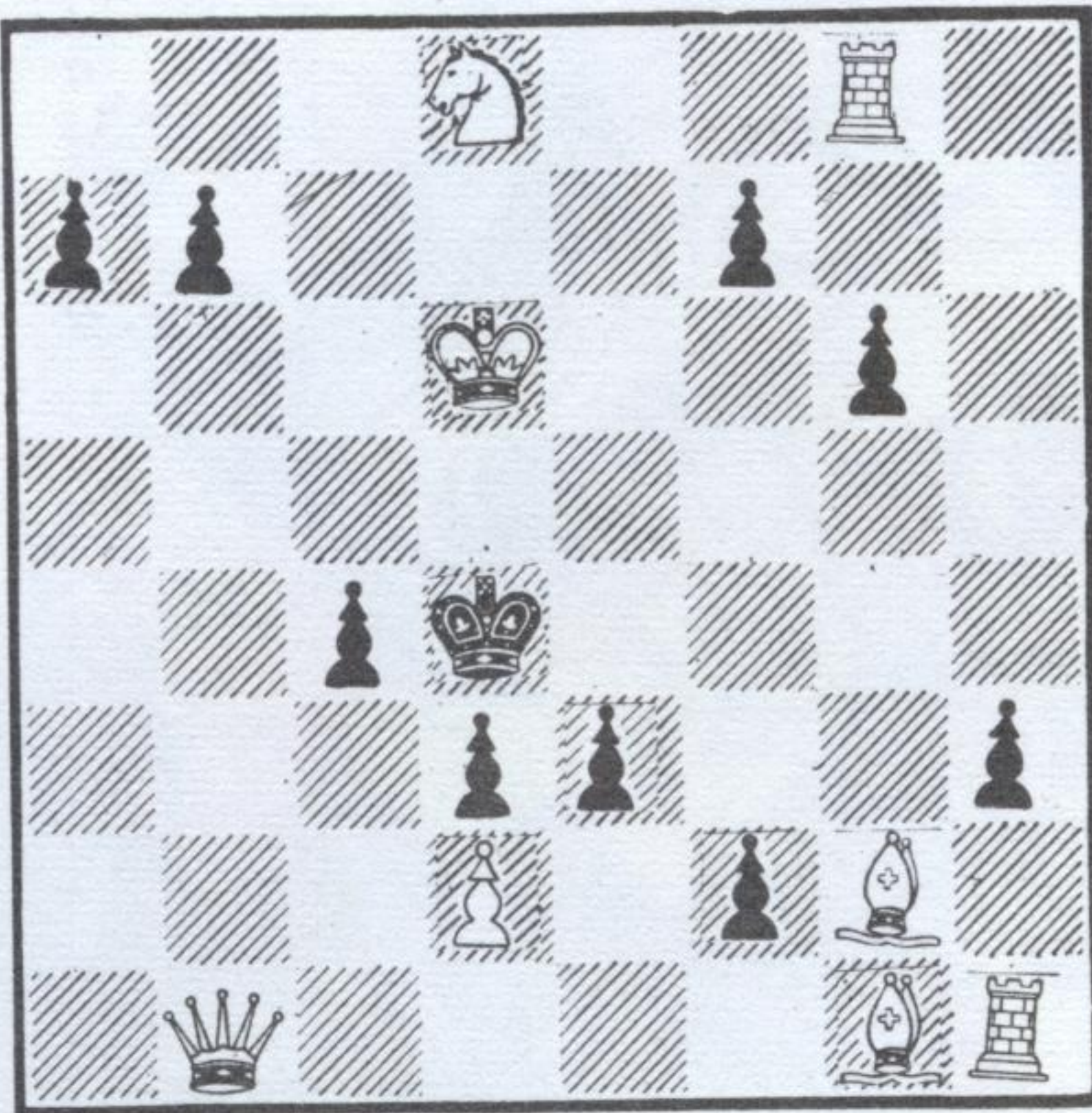
Технический редактор В. П. Борисова.

Сдано в набор 30/III 1971 г. А 00890.
Подписано к печати 3/IV 1971 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 1088. Заказ № 997.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



Как видите, шахматисту нужны внимательность, выдержка и настойчивость. Пешкин надеется, что у каждого из вас они есть и вы легко справитесь с необычной задачей, в которой мат достигается в один ход!



В один ход

«Легкие у тебя задачи, Пешкин, и решать их проще простого», — написал Пешкину московский школьник Андрей Орлов. А Сережа Беркин из Калининграда сообщил, что все задачи из второго номера журнала он решил за десять минут.

Прочитав эти письма, Пешкин обрадовался. Но когда посмотрел решения Андрея и Сережи, очень расстроился: ни одной задачи они не решили. Ребята поторопились. Вот и получилось: поспешишь — людей насмешишь.

Только неожиданный ход королем на h5 решает первую трехходовку. Если тогда 1... Крe4, то выжидательный маневр 2. Лв5 заставляет черного короля отправиться на роковое поле f5. Тогда вступает в бой кавалерия, конь объявляет мат с поля d6.

Эту задачу верно решили многие друзья Пешкина. А вот вторая трехходовка оказалась посложнее. Вова Сурков из Владивостока написал даже: «Пробовал по-разному и пришел к выводу, что в три хода мат дать нельзя».

Ошибаешься, Вова, напрасно ты отступил перед трудностями. Так в шахматах успеха не добьешься. И эту задачу решает ход королем 1. Крd6!

Теперь возникают красивые варианты: если 1... Крd4, то 2. Фd7!, а после 1... Крf5 к цели ведет блестящая жертва ферзя 2. Фf6+, и третьим ходом ладья матует с поля f3.

Понятно, почему эта задача оказалась крепким орешком. В ней не просто найти не только первый, но и второй ход.

Белые начинают игру и своим первым ходом дают мат черному королю. Как выполнить это на первый взгляд простое задание?

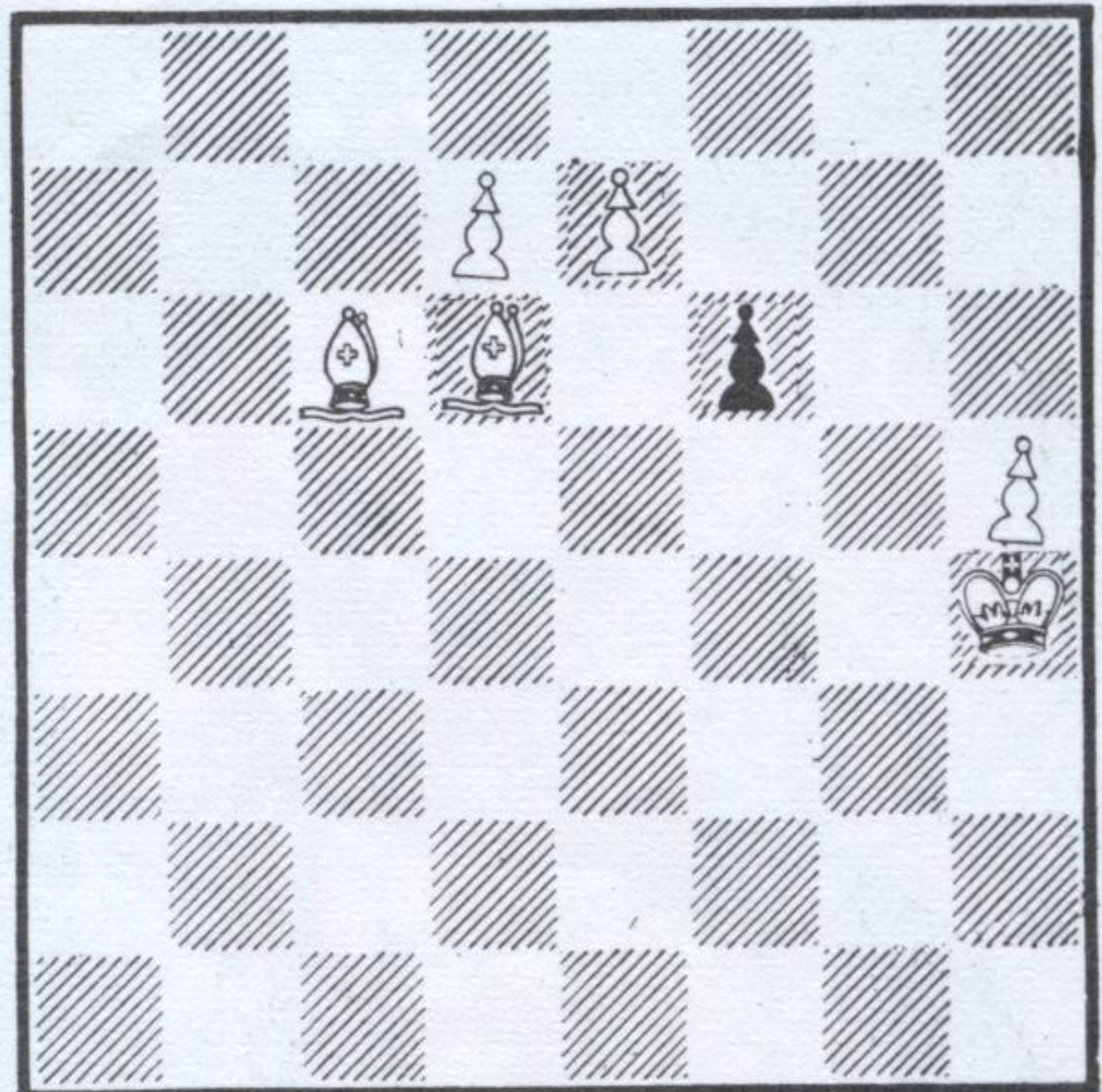
Только одна пешка

Когда Пешкин приехал в пионерский лагерь Шахматово, нашлось много охотников сразиться с ним. Тогда Пешкин решил провести сеанс одновременной игры.

Собрали шахматы, и началась баталия на шести досках. Правда,

ребята принесли и седьмую партию шахмат, но что это был за комплект? Все растеряли: у белых половины фигур не хватало, а у черных была только одна пешка.

Как быть? Пешкин расставил на этой доске вот такую позицию:



— Таких положений не бывает, — зашумели любители шахмат, — где же у черных король?

А Пешкин возразил:

— Вот и найдите такое поле, на котором должен стоять черный король, чтобы белые, начиная игру, дали ему мат в два хода.

Долго решали загадку Пешкина в пионерском лагере Шахматово. И все-таки решили. Ребятам так понравилась эта задача, что они попросили Пешкина включить ее в свой конкурс.

Куда вы поставите черного короля, чтобы белые могли, начав игру, дать ему мат в два хода?

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.



Цена 25 коп.

Индекс 70694



Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Всех, кто умеет рисовать, шить, мастерить и любит фантазировать, приглашаем на «**НОВЫЙ КАЛИНКИН КОНКУРС**»

1. **НАДО ПРИДУМАТЬ** три (не больше и не меньше) карнавальных костюма и нарисовать их для этой бумажной Калинки (только для этой, а не для какой-нибудь другой куклы). И рассказать, из чего и как мастерить эти костюмы.
2. **НАДО ПРИДУМАТЬ** три веселых, загадочных карнавальных маски и три красивых фонарика.
3. **НАДО ПРИДУМАТЬ** занимательную карнавальную игру или необыкновенную встречу Нового года.

Последний день конкурса 20 августа. Не забудьте на конверте написать «Калинкин конкурс», а на каждом листке с рисунками и описанием игры — свое имя и фамилию.
Ждите «Пионер» № 12.